

Зденек Штястны

НАШ
ПУТЬ

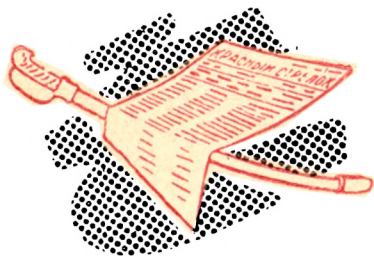
Разрабатывается

**Ярослав
Гашек**

Зденек Штястны

СРАЖАЮЩИЙСЯ
Ярослав
Гашек

О РАБОТЕ ГАШЕКА
ВО ФРОНТОВОЙ ПЕЧАТИ КРАСНОЙ АРМИИ
И ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ В ЧЕХОСЛОВАКИЮ

БАШКИРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
УФА * 1962

Чехословацкий журналист Зденек Штясны в своей книге «Сражающийся Ярослав Гашек» рассказывает о пребывании Ярослава Гашека в годы гражданской войны в России, а также о последних годах жизни писателя в Чехословакии.

В книге четыре главы: «Гашек-солдат», «Гашек в Башкирии», «Гашек в Сибири» и «Вокруг Гашека и «Швейка».

В книге даны фотокопии найденных документов. Делается это потому, как пишет Зденек Штясны, что текст, излагающий новые взгляды на личность Гашека, необходимо подтвердить достоверными фактами.

*Авторизованный
перевод с чешского*

А. МИРОНЕНКО

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Знаменитый роман чешского писателя Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка» с давних пор пользуется заслуженным успехом широких читательских масс Советского Союза. Веселая и талантливая книга Гашека является, как известно, весьма содержательной сатирой, направленной против империалистической войны.

В наши дни, когда народы всего мира ведут активную борьбу против опасности новой войны, за мир во всем мире, сатирическая книга Гашека является особенно актуальной и помогает нам в нашей борьбе с реакционными силами, с империалистами всех стран, заинтересованными в разжигании новой бойни и гонки вооружения.

Книга Гашека вместе с тем отличается большими художественными достоинствами и без всяких оговорок может быть названа подлинно народной книгой.

Вполне закономерным является интерес читателя к жизни и творчеству Гашека в целом. Гашек был не только талантливым писателем, но и активным участником гражданской войны в Советской России.

Предлагаемая нами книга чешского журналиста Зденека Штястного содержит в себе значительный материал, освещающий именно этот период жизни и деятельности Гашека.

Само название книги «Сражающийся Ярослав Гашек» указывает на то, что речь в ней идет о Гашеке — участнике событий гражданской войны в Башкирии и в Сибири. В книге много материала о работе Гашека во фронтовой печати Красной Армии. В

заключительной главе книги автор рассказывает о последних годах жизни Гашека после его возвращения на родину, в Чехословакию.

Богатый и в значительной степени документальный материал биографического очерка, который включает в себя много фотокопий, относящихся к событиям описываемого в книге периода, делает книгу интересной не только для широкого круга читателей, но и ценным материалом для научного исследования жизни и творчества одного из замечательных писателей эпохи первой империалистической войны и Великой Октябрьской социалистической революции в России.

ВСТУПЛЕНИЕ

Напомним, что Ярослав Гашек прошел славный боевой путь солдата, а затем политработника при штабе 5-й армии, действовавшей на Восточном фронте, принимал активное участие в разгроме Колчака.

Копия найденного воззвания была послана в Прагу Зденеку Штястному. Вскоре пришло ответное письмо, в котором чехословацкий журналист выражает свою благодарность работникам музея.

«Литературная газета», 25 мая 1957 г.

Через несколько дней в нашу редакцию пришла Т. И. Зюзина. Она попросила сообщить ей адрес жены Ярослава Гашека. Как потом выяснилось, эта женщина является родной сестрой А. Г. Львовой-Гашековой. Она не имела о ней известий почти сорок лет. Вскоре стало известно, что живы еще близкие родственники А. Г. Львовой — в Уфе завуч школы № 24 З. В. Молева, а в Москве — Л. В. Малоярославцева. Написали об этом чехословацкому журналисту Зденеку Штястному, который работает над книгой о Я. Гашеке.

«Советская Башкирия», 6 июля 1958 г.

«Советская Россия» напечатала корреспонденцию из Уфы Г. Базекина, который по просьбе чешского журна-

листа Зденека Штястного сообщил ему все, что узнал о Гашеке. Поскольку труд Штястного довольно обширный, можно ожидать интересные подробности о жизни и деятельности Гашека, особенно во время пребывания в рядах Красной Армии.

«Литерарни новины», 11 октября 1958 г.

На этих днях в Чехословакию работники архива Коммунистической партии Советского Союза в Красноярске прислали несколько интересных и важных документов... Некоторые новые документы вместе с воспоминаниями о своей работе с Я. Гашеком прислал Зденеку Штястному для его исследований бывший член районного партийного комитета товарищ Марцинковский.

«Руде право», 19 июня 1959 г.

В одном из писем, которое только что получено из Праги, Зденек Штястный прислал первую часть книги, озаглавленную «Гашек в Башкирии». Вообще же книга будет называться «Ярослав Гашек и фронтовые газеты Красной Армии». Одна из глав ее посвящается пребыванию Ярослава Гашека в Сибири.

«Красная Звезда», 5 августа 1959 г.

Эта книга появилась прежде всего благодаря популярности автора «Приключений храброго солдата Швейка», чье имя напоминает советским людям об иностранных коммунистах, которые вместе с ними боролись за великие идеалы Октября.

Товарищи Гашека по Красной Армии уже тогда поняли, что социальные симпатии мастера чешского юмора и сатиры под влиянием революционных событий превращают его в сознательного марксиста, что он призван, выполняя функции интернационального работника в рядах Красной Армии, служить делу пролетариата.

Книга эта, предлагаемая чешскому и советскому читателям, не была бы написана без большой помощи бывших политработников 5-й Красной Армии и работников Коммунистической партии Советского Союза. Поэтому считаю своим долгом выразить сердечную благодарность сотрудникам Института марксизма-ленинизма в Москве, архивов КПСС в Омске и Красноярске, Дома-музея М. В. Фрунзе в Куйбышеве, краеведческих музеев в Казани, Бугульме, Красноярске, работникам Государственной библиотеки имени В. И. Ленина и Музея революции в Москве, а также товарищам из Советского Союза и Чехословакии: Г. К. Базекину, Л. В. Малоярославцевой, С. В. Ганцеврову, С. С. Гончарской, С. В. Рублеву, В. Ф. Шпириту, Р. Катковой, А. А. Вольфович, З. В. Молевой, И. Водичке, В. Ружичке, А. Инвальду, Л. Янчаку, Я. Коларжу, Я. Панушке и другим. Без их помощи невозможно было бы разыскать необходимые архивные документы, а также установить товарищей Гашека. Найти старых большевиков помогли и статьи автора, опубликованные в различных советских газетах, как-то: «Волжская коммуна», «Советская Россия», «Советская Башкирия», «Красноярский комсомолец» и другие.

Кое-где в книге даны иллюстрированные приложения и приводятся найденные документы. Делается это потому, что текст, излагающий новые взгляды на личность Гашека, необходимо подтвердить достоверными фактами.

Наш Ярослав Гашек, как и все его друзья в Поволжье, Башкирии и Сибири, хорошо осознал призыв В. И. Ленина в решающий момент восемнадцатого года: «Сейчас **ВСЯ** судьба революции стоит на **ОДНОЙ** карте: быстрая победа над чехо-словаками на фронте Казань—Урал—Самара.

Все зависит от этого»¹.

Гашек, увидев интриги соглашателей и масариковского отделения чехословацкого национального совета, стал на сторону сражающегося русского пролетариата. С красноармейцами шел он к решающему сражению, веря в силу нового, социалистического государства. История подтвердила его правоту...

Товарищ А. А. Вольфович, агитатор, жена начальника политического отдела 5-й Красной Армии, в посланном в

---

¹ В. И. Ленин, Военная переписка (1917—1920), М., Воениздат, 1957, стр. 57.

Чехословакию письмо по случаю запуска первого советского лунника как нельзя лучше сказала о том, что знаменует в СССР имя Гашека:

— Мы начали этот год подвигом, которым гордится весь советский народ. В надоблачной высоте космического пространства летает первая советская ракета с вымпелом Советского Союза. Разве это не радостное событие?

Верю, что братский чехословацкий народ разделяет с нами эту радость.

В эти дни особенно ярко всплывают в памяти первые годы советского государства, годы сражений с белогвардейскими бандами и иностранными захватчиками. Это были годы, когда тяжесть сражений нашего народа за свободу и независимость разделял с нами замечательный человек, боец за коммунизм, чехословацкий товарищ Ярослав Гашек...

З Д Е Н Е К Ш Т Я С Т Н Ы

*Чехословакия,
Прага,
27 октября 1960 г.*

ГЛАВА I

ГАШЕК-СОЛДАТ

Вы — буржуа, дороги наши разошлись.
Мы — влево, вы — пошли направо.
Различна связь со старой родиной у нас,
История признает, что мы были правы *.

Я. Гашек. Из «Маленького фельетона», напечатанного 4 апреля 1918 г. в московской газете «Прукорник», органе чешско-словацких социал-демократов (коммунистов-интернационалистов)

РЯДОВОЙ 91-го ПЕХОТНОГО ПОЛКА В ЧЕШСКИХ БУДЕЙОВИЦАХ

На праздник св. Анны 26 июня 1914 года Прагу потрясла страшная новость. Вся страна узнала в тот день, что началась мировая война. С вокзалов хлынули толпы мобилизованных ополченцев, которых провожали жены; приезжие заполнили улицы и тротуары, по дорогам вереницей двигались легковые и грузовые автомобили самых различных марок. Магазины и всевозможные лавки заполнили покупатели; рестораны, трактиры, кофейни и винные погребки едва вмещали уезжавших солдат, собиравшихся здесь, чтобы перед долгим расставанием выпить напоследок с товарищами и знакомыми.

Ярослав Гашек в то тревожное время сидел со своими друзьями и знакомыми в кофейне «Унион» на Перштыне ** у приятеля Лади Янчака. И, как остальные, обменивался последними известиями. Хозяин блестяще обслуживал кофейню и ее гостей, знал о многих, чем они занимаются,

где живут, как им лучше угодить. Ему было известно даже, что они читают, и нередко до прихода посетителей на столиках уже лежали их газеты и журналы. Ярослав Гашек принадлежал к любимцам старика и нередко по-русски записывал в бильярдной партии, когда играла компания редактора юмористической газеты Йозефа Скружного. Последний часто печатал юморески Гашека, над которыми затем потешалась не только вся кофейня, но и широкие читательские круги.

На второй день после объявления мобилизации Гашек из этого общества исчез...

Лишь на пятый день появился он на кухне «Униона» в необычайном наряде и позвал с собой молодого Янчака, которому хотел что-то передать. Янчак, приняв это за очередную шутку Гашека, побежал с ним вниз на Перштын и под окнами профессора Едлички увидел крестьянскую повозку. Гашек дал короткий приказ: «Хлопцы, поторопитесь, поклажу надо быстро перенести наверх!» Те вскинули мешки на плечи и начали носить муку на кухню кофейни.

— Ярослав, — тихо спросил Янчак, — что это значит?

— Ты помалкивай, ты в войне не разбираешься. Приказ есть приказ, — ответил Гашек. И хотя обещал на второй день опять прийти со своими помощниками, появился только через неделю. Прошел на кухню черным ходом в измятой форме без петлиц и сказал Янчаку: «Пойдем, Лада, мне надо мигом все снять». В квартире Янчака Гашек переоделся в штатскую одежду. Форму ополченца сожгли.

Так, по словам Лады Янчака, Гашек провел первую «боевую операцию».

Наступила первая военная зима...

Наскоро расклеенные по углам пражских улиц плакаты с манифестом, в котором престарелый монарх Франц-Иосиф обращался «к своим народам», постепенно теряли свежесть краски. Господам удалось облачить подданных в мундиры, надеть на них фуражки с «франтиком» *, обмануть и послать в бой. Настал день, когда призвали в армию и Ярослава Гашека. Это было время, когда солдаты цесаря ** почти полгода уже скитались по сербским равнинам.

Дом, стоящий чуть не посредине Лужицкой улицы на Виноградах в Праге, был бы последним жильем Гашека перед убытием в 91-й пехотный полк в Чешских Будейови-

цах, если бы не произошла своеобразная задержка. Вместо того, чтобы отправиться на фронт, он попадает в больницу.

Возле Эмаузского монастыря в Праге уже в пятнадцатом году находилась небольшая больница, названная именем тогдашнего седого главы государства. Гашек прибыл сюда на лечение, как об этом свидетельствует история болезни, 31 января 1915 года.

Главный врач Ян Семерад на следующий день после поступления Гашека, совершая утренний обход, нашел его во втором зале. Убедившись, что болезнь Гашека заключалась лишь в безобидном кровотечении из носа, прекратившемся на второй день пребывания в больнице, он все же сказал: «Для Вашего лечения потребуется некоторое время. Вы должны хорошо себя вести».

И вдруг главный врач услышал ответ, которого никак не ожидал: «Но я как можно быстрее должен прибыть в свой полк».

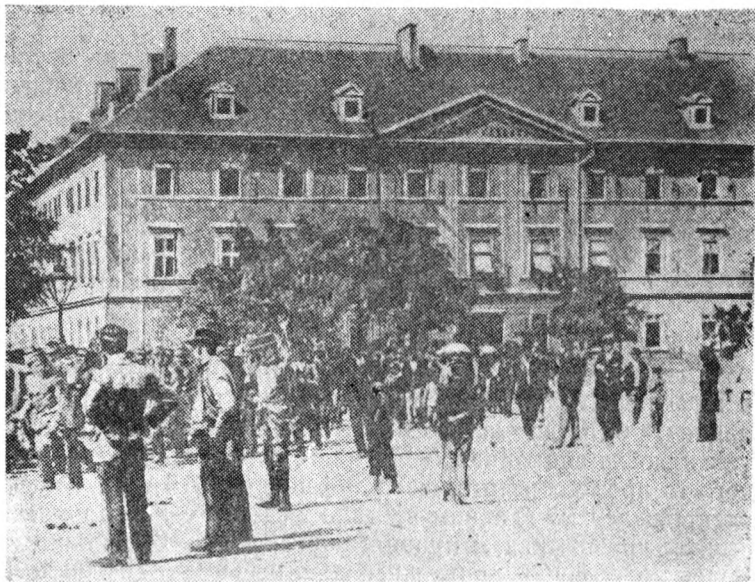
Тот же документ — история болезни из архива бывшей больницы имени императора и короля Франца-Иосифа I в Праге за № 336 — подтверждает, что и температура у пациента была нормальной вплоть до того дня, когда ему уже надоела спокойная больничная жизнь в обществе какого-то профессора миколога. 9 февраля 1915 года Гашек распрощался на главном вокзале в Праге с несколькими своими друзьями и отправился в Чешские Будейовицы. Вслед за ним руководитель больницы Франца-Иосифа I послал подтверждение о том, что задержка с отправкой на войну произошла непреднамеренно, из-за болезни.

Впервые Гашек подошел к воротам трехэтажного здания Мариинских казарм в Чешских Будейовицах, резиденции пехотинцев 91-го полка, отличавшихся от артиллеристов характерными для их формы зелеными петлицами, десятого января 1915 года.

Гашек, несомненно, хорошо видел, что происходит вокруг него. Но он не выявлял своего отношения к военной политике господ, которых ненавидел до глубины души. Лучшим подтверждением этих слов являются рассуждения и поступки Швейка и вольноопределяющегося Марека в Чешских Будейовицах.

Пехотинец Ярослав Гашек, как он значится в списке личного состава роты, носил нашивки вольноопределяющегося. Это давало те преимущества, что он мог по вечерам уходить из казармы на Чешскую улицу, где в низеньком

домике снимал комнату. Если говорить о свободном времени, то он распоряжался им по своему усмотрению. В роте Гашек близко сошелся с другими пражанами, принудительно служившими в роте обер-лейтенанта Лукаша. С ними он делил веселые минуты и похождения главным

Маринская казарма в Чешских Будейовицах, откуда Я. Гашек уезжал на войну.

образом в ресторане на Чешской улице, вблизи Маринских казарм, а затем на улице, получившей позднее название улицы Сметаны, в ресторане «У Мичанов», тоже находившемся в нескольких шагах от казарм.

В ресторан «У Мичанов» приходили и друзья Гашека — Ванчура, Мар, Клятовский, Янда и Касалицкий, вместе усаживавшиеся за столики. Чтобы не оказаться врасплох застигнутыми военным патрулем, они одалживали у пани Мичановой штатские пиджаки мужа, ушедшего на войну и оставившего ресторан на попечение жены и ее сестры. В поздние часы еще более безопасным укрытием от патрулей была кухня. Хозяйка сама стояла на страже и, услышав приближение артиллерийского патруля, забегала на кухню и предупреждала: «Гасите свет!..»

Некоторые артиллерийские патрули симпатизировали компании Гашека. Несмотря на отсутствие на кухне света, они стучали в дверь, произнося условный пароль. Тогда их впускали. Как следует выпив, они снова удалялись, чтобы продолжить обход вокруг казарм, охранять ночное спокойствие южночешской метрополии.

В истории болезни, составленной в пражской больнице перед самым отъездом Гашека, записаны все его недуги, но нет даже намека на ревматизм, который он лечил затем в Чешских Будейовицах в резервном госпитале № 77. Вполне вероятно, как полагает и проф. Шафарж, что тут сказалась благосклонность к Гашеку доктора Петерки, который помогал ему переносить тяготы жизни в Мариинских казармах. Гашек и здесь не бросает писать юморески. Наоборот, используя сравнительно спокойную обстановку для творческого труда, он посылает свои рассказы в пражские журналы «Светозор» и «Злата Прага».

Достаточно познав прелести военной жизни в австро-венгерской армии, Гашек ценил теперь больничный покой намного больше, чем тогда, в Праге, у главврача Семерада. Его литературное творчество этого периода проникнуто воспоминаниями о довоенной жизни или, выражаясь словами самого Гашека, о времени Коширже и Смихова, пражских кварталов, где когда-то жил. О том же свидетельствует и его юмореска о празднике св. Филиппа и Якуба. С ней он посылает в Прагу и больничный снимок, который действительно был помещен в тринадцатом номере журнала «Светозор».

Из резервного госпиталя № 77 в Чешских Будейовицах Гашек отправляет 26 марта 1915 года в Прагу почтовую открытку, в которой подтверждает, что большую часть военной службы в 91-м пехотном полку, готовясь к битве за государя императора, провел в госпитале. При чтении открытки многое напоминает картину военного лазарета, описанную впоследствии в «Приключениях храброго солдата Швейка». Тогда Гашек, напоминая вольноопределяющегося из Старых ополченских казарм, писал в Прагу жене своего приятеля Л. Янчака:

Милая Маня!

Спасибо за дружеское воспоминание, вызвавшее у меня еще большую жалость к себе, ибо если где-то и выпивают за мое здоровье, то это равносильно тому, что показывать

мёртвому иллюстрированный журнал. Коль скоро нельзя выпивать, то могу заботиться об улучшении питания, что, несмотря на дороговизну, добросовестно исполняю, и подобная забава частенько выражается великолепными цифрами. Обычно насыщаюсь подобно корове, обожравшейся молодого клевера. Потом приходят санитары и ставят клистир. Так в приятном развлечении убегает день за днем до четверга. А тогда иду в кинематограф.

Кто лишь может передвигаться, старается исчезнуть. В большом зале остаюсь только я, так как не могу еще ходить, и к ужасу санитаров начинаю глотать таблетки какого-то пургена. Они тоже рады бы уйти, но вынуждены ожидать, пока выкрикну заветное слово «Leibstuhl»¹. И тогда уже несут этот миниатюрный вид мебели, это деликатное приспособление домашнего уюта. А заветное слово я повторяю на день три-четыре раза и мило забавляюсь. Затем беру в руки какую-нибудь книгу и читаю. Бывают и хорошие книги. Сейчас читаю «Meerespiraten oder Geheimnis einer Hingerichteten»². На книге тиснут штампель «Militärseelsorge des к. и. к. Reservespitals»³. Кроме того, приходит почта. Хотя я регулярно ни от кого не получаю ни строки, зато уверяю, что, получив от кого-либо из Праги письмо, не вернул бы его обратно. Не возвратил даже полученное прошлый раз письмо от некоего трактирщика, который выражает удовлетворение тем, что и до меня дошла очередь, что это перст божий, поскольку я задолжал ему 1 крону 80 геллеров. Я ответил, что он вскоре предстанет перед военным судом.

Милая Маня, прошу Вас, скажите Янчаку, чтобы мне написал, пусть что-либо напишет барышня Страглова.

Мысленно целую Вас.

Ваш Я р о с л а в Г а ш е к.

Через некоторое время после отсылки этой открытки Гашек узнает неприятную новость: его благодетеля доктора Петерку из госпиталя куда-то перевели. Вскоре Ярослав Гашек тоже был выписан и отправлен в свою роту в Ма-

¹ «Leibstuhl» (нем.) — стул.

² «Meerespiraten oder Geheimnis einer Hingerichteten» (нем.) — «Морские пираты, или тайна казненной».

³ «Militärseelsorge des к. и. к. Reservespitals» (нем.) — «Военная библиотека императорско-королевского резервного госпиталя».

риинские казармы. Он снова возобновляет вечерние прогулки по городу, посещает ресторан «У Мичанов». Здесь по просьбе сестры пани Мичановой он написал ей на память 25.2.1915 года и антивоенное стихотворение о Карпатах, которое попало в руки и сохранилось у автора книги. Любопытно, что стихотворение написано на чистой стороне молитвы, раздававшейся солдатам перед отправкой на фронт...

Привычка старая — писать на память,
Плохие рифмы не тая,
Писать о грусти, о любви, поверьте,
Привычка это — не моя.

Но может стать сентиментальным
И, сделав грустные глаза,
Вам писать, как мы помаршируем
Куда-то через горы и леса.

А может, на странице белой
Могилы описать в Карпатах,
Как в ясный день, в крови
Купаясь, ждут смерть солдаты.

И сердце, сердце, что любить умело
В родном краю так сильно, нежно,
Затихло, ах, и усмирилось,
Пропали радости, надежды.

Но лучше фразу оборвать на этом
И, расставаясь, не грустить,
Что здесь написано, не сможет
Все ж положение изменить¹.

Ваш Я р о с л а в   Г а ш е к.

У Мичанов сохранился еще один любопытный документ — снимок вольноопределяющихся 91-го пехотного полка, размещавшегося в Мариинских казармах. На снимке запечатлены почти все приятели Я. Гашека по службе, но его самого нет. Во время фотографирования он как раз находился не в своей части, а в госпитале, на изле-

¹ Перевод мой. — А. М.

чении у доктора Петерки. После нескольких дней военной службы Гашек вместе со всеми оставляет Чешские Будейовицы. Не знаем, правда ли, что его душа, как писал в одном из рассказов, сразу умерла; затем держался поближе к кухне и приводил поваров в изумление своими познаниями...

Военный эшелон отправлялся на войну...

Солдаты прибыли в Кираль-Хиду, или Мост-на-Литаве*, и разместились в подготовленных под холмом деревянных бараках. Один из них до ухода на фронт стал временным, вынужденным жильем Гашека. Отсюда он попадает уже прямо на передовую.

Ярослав Гашек на фронте.
Рисунок народного
художника Иозефа Лады,
друга Гашека.

Наступило лето, когда на фронте в районе Соколя над Бугом его встретила русская артиллерия. Гашек числился тогда в 91-м полку в 11-й роте обер-лейтенанта Лукаша, входившей в состав 3-го батальона, которым командовал капитан Сагнер.

Уже по прибытии в Чешские Будейовицы Гашек состоял в списках неблагонадежных: анархо-коммунист. Этим объясняется то, что, несмотря на законченное образование, он был лишен привилегий вольноопределяющегося,

выполнял в роте всевозможные подсобные работы и поручения начальства.

На русском фронте Гашек продержался недолго. 23 сентября 1915 года во время русского наступления он попадает возле деревни Хорупан в плен, а затем на другую сторону фронта.

Гашек оказался в стране революционного народа, в стране, где на его глазах в последующие пять лет сменилось два общественных строя. Он был не только свидетелем. За новое социалистическое, коммунистическое общество он сам боролся изо всех своих сил. Это подтвердит его дальнейший путь...

ИЗ ТОЦКОГО ЛАГЕРЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ В КИЕВ

Военнопленный Ярослав Гашек через Украину попадает в Поволжье — в Самарскую губернию, где, как и десятки тысяч других чехов, жил в лагере. Возле старого, маленького города Тоцка протекает река Самара, и лагерь, по словам Иозефа Водички, находившегося вместе с Гашеком, представлял собой некогда летний артиллерийский полигон, длиной пятьдесят и шириной тридцать километров. Сразу после начала войны здесь построили для военнопленных бараки, каждый — на пятьсот человек.

Жизнь в лагере была тяжелой. Кроме русской стражи, почти никто о пленных не думал, и они занялись торговлей из-под полы. Когда продали и проели все, что лишь было возможно, начались повальные болезни, в том числе и заразные. Не удивительно, что ежедневно умирало по 150 человек, а к весне 1916 года из 27 тысяч военнопленных осталось немногим более пяти тысяч.

То, о чем единственно не забывал Красный Крест, говорит Иозеф Водичка, описано Гашеком в рассказе «С королевской библией». В действительности так и было. «В Тоцком лагере военнопленные получили от госпожи графини Каллиш-Алетенгоф, представительницы австро-венгерского Красного Креста, библию с надписью, что ее посылает нам Австрия, чтобы с доверием ожидали конца войны и черпали из нее силу», — писал Гашек.

Но наши люди черпали силу не в таких подарках, а из других источников.

Водичке поручили доставлять для военнопленных почту. Бородач раздобыл в Тоцке штатскую одежду, выписал пропуск и с ним свободно ходил вокруг. Приносил в лагерь письма, а заодно и немного продовольствия, если его удавалось получить от окрестных жителей.

Гашек всегда нетерпеливо ожидал возвращения Водички.

На то была своя причина. Водичке вменялось в обязанность при «обходах» навещать в городе священника, который передавал газеты. Это являлось для Гашека единственной возможностью поддерживать связь с окружающим миром.

После нескольких месяцев пребывания в лагере Гашек узнает, что в России из чехов и словаков создается воинская часть, которая в составе царской русской армии будет сражаться против Австро-Венгрии. Ненависть Гаше-

ка к австрийской монархии толкнула его на мысль вступить в эту часть вместе с другими пленными — Иозефом Водичкой, художником Гайком и бухгалтером Главачом. 29 июня 1916 года он вступил в чехословацкую стрелковую бригаду и был зачислен в резервную роту первого стрелкового полка имени Св. Вацлава *. Через месяц Гашека прикомандировывают к правлению Союза чехословацких обществ в России. Как агитатор, он сотрудничает с редакцией вышедшей в Киеве газеты «Чехослован». Живет снова в лагере военнопленных, но, правда, недалеко от украинской столицы, на левом берегу широкого Днепра, откуда открывается вид на Дарницу.

В Киеве прежде всего занимается творческим трудом. Он пишет юморески, статьи и театральные рецензии. Не ограничиваясь сотрудничеством с «Чехослованом», Гашек печатается и в других периодических и непериодических чешских изданиях, второй раз приступает к созданию образа Швейка. В июне 1917 года в книгоиздательстве «Чехослована» выходит его «Бравый солдат Швейк в плену».

Будучи как-то в Киеве, Иозеф Водичка на одной из улиц недалеко от Крещатика встретил землячку Людмилу Гулову. Она попросила прислать веселого солдата к местному чеху Червеному, у которого бывает сама и собирается здешнее чешское общество. Водичка, как только вернулся в роту, сказал Гашеку: «Яра, сбегай-ка к этому Червеному».

И Гашек пошел. Водичка помнит, что рассказывала об этом визите Гулова при следующей встрече. Все шло вначале хорошо. Гашек развлекался. Но потом, когда коснулись чешских патриотов, вроде хозяина, он не выдержал и открыто сказал, что о нем думает. Червены особенно не серчал. Он распорядился отвезти его на бричке в роту, а Водичке передать, что может посоветовать ему на будущее.

Это было в то время, когда Водичка, как видно из снимка, носил форму легионера. Разговаривая с Водичкой, невольно возникает вопрос: насколько Иозеф Водичка идентичен саперу Водичке, известному из романа Гашека?

Хотя Гашек создавал свои образы, тем не менее фамилии Лукаш, Сагнер, Белоун, Биглер и другие встречаются в списках 91-го пехотного полка. И Водичка много рассказывал ему о своей жизни и, может быть...

Как мы знаем, сапер Водичка не любит войны, не теряет и присутствия духа. А Иозеф Водичка? Он переходит из одной тюрьмы в другую. За два года отбывает 153 наказания, и даже трудно установить сейчас за что. Прежде всего за твердое убеждение, что не стоит и в малейшем жертвовать собой ради старого Франца-Иосифа.

— Ведь война — величайшее свинство. Ее не должно быть... — Вот правило, которого Иозеф Водичка придерживается всю жизнь.

В Киеве обоих застала Великая Октябрьская социалистическая революция.

Гашек был в первых рядах тех чехословаков, которые поняли ее историческое значение. А вот последнее свидетельство его друга Иозефа Водички: «Во Владивосток с нами Гашек не поехал. Это был веселый добряк, узнав которого трудно позабыть. Если бы он являлся нашим главным руководителем, мы пошли бы другим путем. Гашек советовал не уезжать через Владивосток, а вступать в Красную Армию, убеждал, что Германия будет разбита и мы вернемся домой по суше...»

До того, как расстался с Водичкой, он порывает в Киеве с масариковской «одбочкой» чехословацкого национального совета *, перестает сотрудничать с «Чехослованом», находившемся в домике на Подвальной улице, 1. В конце февраля он пришел на Фундуклеевскую улицу, 51, туда, где помещалась чехословацкая Красная гвардия.

Ненависть к Австро-Венгрии, к капитализму и войне, на которой за интересы буржуазии умирали миллионы трудящихся, — вот что привело его к солдатам революции.

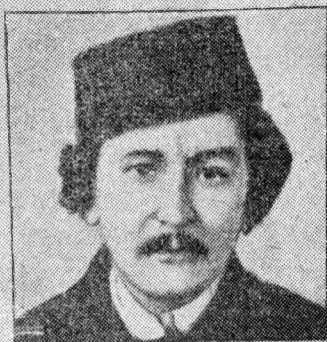
ПОЛИТКОМИССАР В САМАРЕ И СОТРУДНИЧЕСТВО С МОСКОВСКИМ «ПРУКОПНИКОМ»

Как свидетельствует регистр, составленный в 1917 году, управление императорско-королевской полиции в Праге проявляло к деятельности Гашека за границей исключительный интерес. Наряду с особыми приметами указывается, что он говорит по-чешски, немецки, французски, венгерски и частично по-польски. По профессии редактор. Находится в русском плену и сотрудничает с редакцией выходящей в Киеве газеты «Чехослован». В № 18 от 17 июля 1916 года в указанной газете напечатан его фельетон «Повесть о портрете императора Франца-Иосифа», по

своёму содержанию являющийся изменническим, оскорбляющим его величество. Анархист.

Это — единственное официальное известие о пребывании Гашека в России. Но, несомненно, что его решение вступить в ряды Красной гвардии было ускорено знакомством с советскими войсками, уяснением целей социалистической революции, непосредственным соприкосновением с красноармейцами, вступившими в Киев 8 февраля 1918 года.

Bez. Budweis, zuständig,
solchen Schmurrbart, braune
spitzes Kinn, stumpfe Nase,
tsch und etwas polnisch,
er Kriegsgefangenschaft und
„Cechoslovan“. In der Nr. 18
n unter dem Titel „Das Ge-
Feuilleton hochverräterischen
ht. Anarchist.

nz. Fremdenlegion. Soldat II. Kl. Wurde laut „Journal
it der St. Georgsmedaille ausgezeichnet. (Statthaltereit-

Ярослав Гашек. Надпись, сделанная полицией
в Праге 1917 года для розыска Гашека.

Десять дней спустя Германия наносит новый удар молодому советскому государству. Германские и австро-венгерские империалисты бросают свои войска на Украину, а «одбочка» без боя отходит в глубь России, утверждая, что ей необходимо идти на Германию с другого фронта — из Франции. Когда затем 1 марта немцы заняли Киев, Гашек с другими левыми социал-демократами участвует

в боях на фронте Конотоп — Брянск и оттуда с военным эшелоном отправляется в Москву.

Тогда в Москве он не устанавливает еще прямого контакта с левыми социал-демократами, а уезжает в хорошо знакомую Самарскую губернию, откуда в Москву для первого и второго номеров «Прукопника» присылает свои статьи.

Этот факт так раньше не освещался. Наоборот, некоторые писали, что Гашек работал в редакции «Прукопника». Это неверно. Изучив обстановку за время своего пребывания в Тоцком лагере военнопленных, Гашек возвращается прямо в Самару сам, а не по чьему-то заданию. К левым социал-демократам, ксмунистам-интернационалистам, он пришел уже из Самары, где до того был политическим комиссаром.

Кто говорил с ним тогда в Москве о его деятельности?

Редакция «Прукопника» находилась в доме № 14 на Садово-Кудринской улице. Главным редактором газеты был доктор В. Ружичка, который дает вполне достоверное разъяснение:

— Было нас в редакции четверо: я, Кнофличек, Бенеш и Клапка. Нам помогали корреспонденты. Одним из них был и Ярослав Гашек. Помню, как мы обрадовались в редакции, когда он прислал нам статью «Зачем ехать во Францию?» Я знал Гашека еще до войны и знал также, что его слово — слово известного писателя — произведет хорошее действие на чешские войска.

Затем Ружичка вспоминает о самой встрече. Он был тогда заместителем председателя чехословацкой секции в народном комиссариате национальностей и собирался уходить на совещание. Когда Гашек вошел в кабинет, Ружичке показалось, что хотя он и похудел, зато словно помолодел. Красноармейская форма была ему к лицу. Из-за ограниченного времени беседа длилась недолго.

Гашек сказал, что никто его в Самару не посылал, он поехал туда сам. Сообщил о встрече с Малиной, тогдашним командиром отряда, подробно информировал о создании частей Красной Армии, расспрашивал, как это происходит в других местах. Уже на следующий день — это было в апреле 1918 года — он снова вернулся в Самару.

Когда Гашек уходил из редакции «Прукопника», некоторые из присутствующих удивлялись, как это он согласился пойти на войну...

Таким образом, руководству в Москве стало известно, что Гашек с товарищами уже предпринял в Самаре определенные шаги. Разговор с В. Ружичкой никакого влияния на формирование в Самаре отряда чехословацких красноармейцев, конечно, не имел. Исполком Самарского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов до того, как Гашек приехал в Москву, в середине марта 1918 года, обсуждая на своем заседании вопрос о создании чехословацкого отряда, принял решение: «Признать необходимым создать такой отряд, руководимый штабом Красной Армии...»

Почему же именно Самара и ряд других городов губернии оказались удобными для этого?

Потому, что с украинского фронта, из Киева, сюда перешли не только чехи, но и югославы (например, сербский полк, состоявший из 320 человек), были здесь и китайцы. Гашек явился одним из первых инициаторов создания боевого отряда в составе Красной Армии. Как этот интернациональный отряд создавался, он вскоре сообщил:

«Отряд начал формироваться 15 апреля сего года из чехословаков и сербов, не желающих выехать во Францию с корпусом. Все поступили в отряд по своему убеждению и сознанию для углубления революции и полной победы пролетариата в лице Совета Народных Комиссаров и рабочих, солдатских, крестьянских депутатов вне и внутри Российской Социалистической Федеративной Республики.

Число членов к 27 мая сего года 120 товарищей. Из них $\frac{2}{3}$ чехословаков и $\frac{1}{3}$ сербов, но я убежден, что в течение месяца мы сформируем несколько рот — полк, так как наша агитация теперь успешно действует. (Приложено одно из наших воззваний.)

Все члены участвовали в боях против немцев на Украине.

Начальник отряда
Я р о с л а в Г а ш е к *.

Приложено было воззвание, подписанное Гашеком и Малиной и начинавшееся словами: «Солдаты, революционеры!» Однако сам Гашек уже раньше выпустил воззвание, датированное 14 апреля 1918 года и напечатанное в № 284 выходившей в Самаре газеты «Солдат, рабочий и крестьянин». После предшествовавшего участия в чешском «Пру-

копнике» здесь-то и начинается сотрудничество Гашека с фронтовой советской печатью. Со страниц этой газеты Гашек обращался к соотечественникам:

«Братья чехословаки!

Товарищи солдаты!

Мы обращаемся сегодня исключительно к вам.

Мы думаем, что вы свободны от предрассудков, которые вам старались внушить.

Вы не бойтесь слушать правду и не станете слушать пустых бредней наших политических врагов.

Помните ли вы то время, когда вспыхнула революция в России, что вы все были готовы ее защищать?

Помните ли вы, что чешский народ всегда стоял впереди бойцов за свободу?

Если бы вы теперь, товарищи солдаты, отказали в своей поддержке русской революции, вы увеличили бы в громадной пропорции шансы контрреволюции, а тем и повредили своему собственному делу освобождения народа из гнета австрийского империализма.

Если реакционный Катилина живет еще и интригует внутри России, то германский Ганнибал стоит у ворот республики.

На караул, товарищи!

В борьбе против австро-германских империалистов мы должны отбросить все разногласия между нами.

Тесное единение чешских революционеров со всеми русскими перед лицом опасности нового поражения в борьбе за свободу — вот тактическая задача, которая стоит перед вами, товарищи чехи!

Мы не пришли вносить в ваши ряды беспорядок и суматоху. Мы тоже наблюдаем за строгим порядком в рядах чешской революционной армии.

Мы знаем, что между вами есть такие, которые под лозунгом нежелания выехать во Францию, позаботились только о себе и вовсе хотят уклониться от военной революционной службы. Это недопустимо! Все нежелающие из ваших рядов выехать во Францию должны в короткий срок явиться в советы рабочих и солдат на место своего нахождения.

Оттуда будут направлены в сборные пункты чешско-словацких отрядов Красной Армии.

Отряды эти формируются в настоящее время в Пензе, Самаре, Уфе, Челябинске и в Омске и во всех других городах Уральско-Сибирской железной дороги.

*За исполнительный комитет Чешско-Словацкой секции Коммунистической партии
Ярослав Гашек.*

Так создавался тогда отряд...

Необходимо также показать, как жили набранные в Самаре красноармейцы, как готовились они к защите революции и, в частности, какова была здесь роль самого Ярослава Гашека.

На этот вопрос можно дать сейчас исчерпывающий ответ.

Сохранилось донесение инспектора пехоты Самарской губернии Г. Семенова, в котором говорится:

«Отряд расположен в казармах (бывший ночлежный дом). Начал формироваться еще с 7 апреля. В настоящее время состав отряда — 120 человек. Командир отряда Малина (чех) был на службе в русских войсках. Формируется отряд случайными людьми, набор производится путем агитации. В данное время, по словам начальника отряда, он куда-то послал 4 человека, чтобы привлекать и вербовать в отряд свой всех чехословаков, проезжающих по железной дороге. Таким образом, вербовка происходит без всяких других ведомств. Казармы, занимаемые так называемым отрядом, просторные, имеют нары, но отсутствие тюфяков и подушек. Занятия ведутся ежедневно с утра до 11 часов и после обеда с 2 до 4¹/₂ час. Утром и вечером бывают поверки, причем на поверках присутствует сам командир роты. На занятии всегда присутствуют все взводные и ротный командир, а также политический комиссар Гашек».

Далее инспектор Семенов пишет, что люди знают устройство русской винтовки, подтверждает, что отряд «создан из бывших солдат 6-го и 7-го чешских полков, сформированных в России и в последнее время сражавшихся между Конотопом и Брянском». Он также сообщает, что бывшие красногвардейцы прибыли сюда в результате отступления на украинском фронте.

Воззвание, напечатанное 30 мая 1918 года, Гашек подписывает уже как работник иностранного отдела. Это было в тот момент, когда «одбочка» чехословацкого на-

ционального совета открыто выступила против советской власти.

«Ко всем чехословакам!

Одна часть чешско-словацкого войска, руководимая своей национальной радой, изменила собственной идее революции, заняла вокзал и город Сызрань. Она разрушила в Пензе и в Сызрани наши чешско-словацкие коммунистические организации, арестовала наших социалистических представителей в этих городах.

Это политика чешской национальной рады, которая всегда боялась истинно революционных лозунгов. Вместо того, чтобы приказать чешско-словацкому войску сражаться за идею всемирной революции, рука об руку с русским пролетариатом, рада приказала ему уехать в капиталистическую Францию, и теперь приказала ему силой продолжать путь на восток и занимать города. Мы знаем хорошо настроение всех чехов на родине в Чехии, которые готовы идти на борьбу за победу всемирной революции, поэтому заявляем, что все чехословаки, которые участвуют в авантюре Чешско-Словацкой национальной рады, являются предателями всемирной революции и что им никогда чешский народ на родине не позволит вернуться домой в свободную Чехию.

Мы, чехословаки-коммунисты, призываем всех истинных чешско-словацких революционеров на защиту интересов Российской Советской Федеративной Республики до полной победы над всеми предателями всемирной революции.

Все чехо-словацкие революционеры в чешско-словацкие отряды Красной Армии!

За Исполнительный Комитет Чешско-Словацкой секции Российской Коммунистической партии Я р о с л а в Г а ш е к.

За Чешско-Словацкую организацию коммунистов в Самаре Ф р а н ц Ш е б е с т а.

За Чешский Военный Отдел для формирования Чешско-Словацких отрядов Красной Армии в Самаре И о с и ф П о с п и ш и л.

В Самаре Гашек был инициатором еще одного воззвания, на котором не указана дата. В нем говорится:

«Товарищи!

Вам говорили, что в России делать нечего и что вашу революционную борьбу вы будете продолжать на французском фронте.

Самые оживленные споры касаются именно этого выезда во Францию.

С величайшим энтузиазмом описывают вам Францию, Америку и Англию.

Мы уверены, что вы обратите внимание на события, которые кругом вас, и прекратите свой путь на французский фронт.

Товарищи! Австро-германские войска продвигаются в глубь Российской Федеративной Республики. На пути их расстреляны ими многие чехи, не успевшие отступить.

Австро-германцами занят Харьков, и войска императора Карла и Вильгельма продвигаются на Курск.

Неужели во всемирной истории должно быть написано, что в это опасное время для свободы всех народов чешские войска ушли перед австро-германскими бандами, оставили русских революционеров без помощи?

Товарищи! Мы уверены, что наш народ дома бы вам запретил выехать во Францию, а сказал бы вам, что вам место на этом фронте, где грозит опасность для свободы всех народов, что место ваше в России!

Призываем всех чехословаков на защиту революции!

Мы формируем отряды истинных борцов за свободу из всех нежелающих выехать во Францию.

Мы вас ожидаем!»

Многого дождались в Поволжье...

Особенно после московского съезда левых социал-демократов (коммунистов-интернационалистов), состоявшегося 25—27 мая, на котором была создана в России чехословацкая коммунистическая партия. Центральным органом ее стала газета «Прукопник свободы», возникшая в результате слияния «Прукопника» и «Свободы». В эту газету Гашек уже не писал.

Пока Самара не попала в руки легионеров, в Москве о деятельности Гашека знали из обращений и листовок.

В письме чешских коммунистов в редакцию «Вестника наркомата национальностей» от 27 сентября говорится, что «...секретариат работал в г. Самаре, где также выпускались воззвания и организовался чешский отряд Красной Армии. Что с ним случилось после выступления чешских эшелонов, нам неизвестно».

С того времени Гашек как раз и работает в рядах действующей Красной Армии, сотрудничает с советскими товарищами. Белочешские легионы уже 30 мая заняли Пензу, где расстреляли 128 чехословацких коммунистов. 31 мая была занята Сызрань, примерно в 60 км от Самары. Чешские коммунисты прибывают в Самару. Они сообщают, что легионеры грозятся всех повесить, а выше других — Гашека. Вскоре фронт передвинулся к Самаре. 6 июня легионеры начали обстреливать город. Большевики, видя превосходство легиона, начали отходить к Симбирску и на Уфу. Гашек, в последние минуты уничтожив в гостинице Сан-Ремо, призывном пункте Красной Армии, документы, ожидал приказа из штаба. Он должен был прийти на вокзал, где наготове стоял паровоз с несколькими вагонами.

Гайда еще до наступления легиона, в конце мая, издает приказ о задержании Гашека. Тайная разведка на основании приказа начинает оживленные розыски, но сам Гашек не имеет малейшего представления о том, что затевают против него «братья».

Восьмого июня 1918 года наши красноармейцы вместе с сербами и китайцами оставили советскую Самару. Многим, как и Я. Гашеку, удалось бежать на территорию Чувашии, Татарии и Башкирии.

Через несколько дней после взятия легионерами Самары в Омске был выдан ордер на арест Гашека, «бывшего члена редакции юмористической газеты в Праге, бывшего добровольца 1-го чехословацкого полка имени Яна Жижки *, редактора «Чехослована» в Киеве, члена редколлегии журнала социал-демократов — коммунистов «Походень»** в Москве, организатора чешско-словацкого красного войска в Самаре, обвиняемого в многократной измене чехословацкому народу».

Как видно, председатель полевого суда Эйзенбергер немало здесь напутал. Подписывая ордер, он, конечно, знал, что как раз он сам и ему подобные после Великой Ок-

тябрьской революции и были величайшими изменниками нашего народа.

Два месяца скрывался Гашек от «братьев» среди татар и чувашей, прежде чем попал в Симбирск, где снова вступил в Красную Армию. Это был один из тех отрядов, который, как и восемнадцать других, стал ядром семи стрелковых дивизий, получивших номера от 24 до 30. Тогда формировалась здесь Пятая краснознаменная — 5-я Красная Армия Восточного фронта, в которой Я. Гашек являлся видным политработником, организатором и творцом фронтовых газет действующей Красной Армии.

С 5-й КРАСНОЙ АРМИЕЙ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА ДО БУГУЛЬМЫ

В Татарской АССР проживает старый товарищ по фамилии М. Даблейшин. Он может хорошо проинформировать о жизни Гашека после ухода из Самары. В этой части Поволжья переодетый Гашек скрывался тогда два месяца, из них тринадцать дней — в семье Даблейшина.

Гашек сразу сказал, что идет из Самары, где белогвардейцы разграбили все, что могли.

Даблейшин тоже рассказывал, что в крае свирепствует контрреволюция и белые захватили одного из его сынов, работавшего на железной дороге. Даблейшин вызвался укрыть у себя Гашека, просил, чтобы тот помог освободить из рук белых группу молодых железнодорожников, среди которых находился и его сын. Гашек согласился.

Однако раньше, чем можно было что-либо предпринять, всю группу молодых людей казнили и только двоих, захваченных несколько позже, не постигла такая же участь. Им удалось бежать.

Они заняли место Гашека, который скитался затем до тех пор, пока не повстречался с товарищем Ундрицовым, будущим сотрудником чувашской военной газеты «Чухосем сасси» («Голос бедных»). О совместной работе последнего с Ярославом Гашеком может подробно рассказать бывший сотрудник политотдела 5-й Красной Армии М. Р. Рублев.

В Симбирске, родном городе Ленина, Ярослав Гашек вступает в ряды формировавшейся новой 5-й Красной Армии Восточного фронта.

Это был период смертельной опасности для молодой Советской республики. Эсеры, меньшевики, белогвардейцы и контрреволюционные чехословацкие войска, чьи действия инспирировали и направляли англо-американские империалисты, захватили Поволжье, заняли Самару, Симбирск и Казань. Падение Казани открывало прямую дорогу к сердцу страны — Москве.

По призыву партии летом восемнадцатого года тысячи коммунистов приходят в ряды Красной Армии, чтобы отразить натиск неприятельских войск и в конечном итоге перейти в контрнаступление. 5-я Красная Армия образовалась из двух основных — 26-й и 27-й пехотных дивизий. Заместителем начальника политотдела 27-й дивизии была товарищ С. С. Гончарская, хорошо знавшая нашего Ярослава Гашека, осведомленная о его неутомимой деятельности. Позже она была комиссаром Дальневосточной республики.

Началась битва за Казань. 10 сентября Красная Армия очистила ее от контрреволюционеров. Сразу же после освобождения города простые люди начали осаждать штаб и политотдел, зная, что здесь им могут помочь в преодолении трудностей, вызванных боями и годами войны.

Реввоенсовет посылает 16 октября 1918 года Ярослава Гашека в качестве организатора в Бугульму. Сам Гашек в юмореске «Комендантом города Бугульмы» пишет: «В начале октября 1918 года Реввоенсоветом «Левобережной группы» в Симбирске я был назначен комендантом города Бугульмы...».

Здесь неправильно указана лишь должность. В действительности Гашек был направлен в распоряжение политотдела 5-й Красной Армии, находившегося в то время в Бугульме.

В юмореске Гашек довольно точно описал свой путь из Симбирска в Бугульму, хотя названия некоторых населенных пунктов и расходятся с действительными. Правильно указан путь на пароходе по Волге и Каме до Чистополя; на лошадях же до Бугульмы он добирался не через Карачалгу и Айбашево, а через Каргалы и Акташ.

По прибытии на место Гашек становится помощником коменданта города товарища Широкова. В списке коммунистов 5-й армии имеется запись: «Гашек Ярослав, 35 лет, холостой, гимназия, коммерческая академия,

помощник коменданта города, писатель, в партии с 1917. X.»

Когда Гашек приехал в Бугульму, время было неспокойное, продолжались бои с интервентами. В тот период с ним и повстречался земляк чех Йозеф Микеш.

В Красную Армию приходили все новые и новые люди. Надо было заботиться об их размещении, создании необходимых условий для жизни. А в рабочей силе ощущался заметный недостаток. Не оставалось другого выхода, как прибегать к различным уловкам.

Как-то Гашек отправился в местный монастырь и приказал собравшимся там следовать за ним. Как обычно, по дороге начали присоединяться любопытные. Никто не знал, куда ведет их солдат, что их ожидает.

На окраине города Гашек завел всех в казармы и поставил задачу: старательно вычистить и вымыть все помещения, подготовив их к приему красноармейцев. Как справятся с работой, он всех отпустит.

Задание было выполнено.

Характерен и такой пример. Однажды Гашек встретил на улице рыдавшую старушку. Узнав, в чем дело, он вбежал в канцелярию совета и как следует выругал сотрудника. Затем повел старушку на склад, велел дать ей продуктов и впридачу красивую перину.

Что же случилось?

Оказывается, сотрудник, к которому обратилась за помощью мать погибшего на фронте красноармейца, заявил, что не верит ее словам. Теперь, мол, многие об этом говорят.

— Если у вас действительно был сын, то пойдите к попу и принесите выписку из метрической книги, — сказал он.

Услышав об этом, Гашек рассвирепел: разве допустимо, чтобы поп давал простым людям подтверждения в том, что их дети умирают в рядах Красной Армии за новый, социалистический мир!

Рассказанное в какой-то степени подтверждает и доклад коменданта города Бугульмы тов. Широкова, составленный осенью 1918 года:

Было обращено внимание на работу местных советских учреждений. Для более продуктивной работы в советских учреждениях мною были откомандированы из моих сотрудников два товарища в местный Ревком.

По истечении некоторого времени работа в советских учреждениях урегулировалась.

Мною обращено внимание на остатки контрреволюционных элементов, находящихся в городе, приняты меры к их арестам. Произведена регистрация всех бывших офицеров, полицейских и попов. Были приняты меры к восстановлению нормальной жизни в городе, открыты торговля, базар. Все неоткрывающиеся лавки взяты на учет народного хозяйства. Прекращены самовольные реквизиции, обыски, обращено строгое внимание на уничтожение крепких напитков и прекращение азартных игр, восстановлен внутренний порядок в городе.

По части военной:

Произведена регистрация всех военных частей, учреждений и отдельных лиц — красноармейцев. Все дома приняты на учет для нормального расквартирования прибывающих воинских частей. Приняты меры для прекращения дезертирства. Было восстановлено постоянное дежурство повозок для передвижения воинских грузов, продовольствия армии, а также для санитарных целей. Для охраны города брались силы из частей, находящихся в городе. В настоящее время в распоряжении моем находится рота в 200 штыков при двух пулеметах. Рота несет гарнизонную службу и охраняет все советские учреждения, склады с военными припасами, сопровождает военные грузы, конвоирует арестованных лиц и несет патрульную службу внутренней охраны города... Штаб комендатуры состоит из коменданта и трех помощников — тт. Гашека, Шпитульского и Таранова.

Такова была деятельность Ярослава Гашека в Бугульме, где он находился с политотделом армии до осени, пока части Красной Армии готовились к мощному наступлению на Башкирию.

ГЛАВА II

ГАШЕК В БАШКИРИИ

Гашек писал обращения к чехам и другим народам, а также статьи и рассказы для разных журналов — венгерских и других. Но все это пока не собрано и не издано, хотя было бы, наверное, чрезвычайно интересно осветить фигуру Гашека — разоблачителя австрийской армии и активного борца в рядах советских войск.

*Академик Зденек Неедлы, журнал
«Новый мир»**

СВИДЕТЕЛЬСТВО ДОКУМЕНТОВ

Впервые на территорию Башкирской АССР Гашек попал в декабре 1918 года, когда с политическим отделом 5-й Красной Армии следовал из Татарской республики дальше к Уралу. Под ударами советских войск белогвардейцы отступали и 31 декабря оставили Уфу. В тот же день Гашек прибыл в освобожденный город. Здесь он работает с товарищами, которые полюбили его и у которых встречи с нашим Ярославом Гашеком оставили незабываемые впечатления.

В донесении о деятельности политического отдела 5-й армии от 10 января 1919 года указано, что Гашек остается в распоряжении коменданта Уфы. Его новая должность — «заведующий Советской типографией», принадлежавшей ранее Яцкевичу **.

С этим назначением Гашека тесно связано его активное участие в издании фронтовой газеты «Наш путь». Кроме того, он руководил уфимской организацией иностранной Коммунистической партии (большевиков). Комитет этой организации непосредственно подчинялся политотделу 5-й Красной Армии.

В типографии было напечатано всего 52 номера газеты «Наш путь», после чего политотдел изменил ее название на «Красный стрелок». В восемнадцати номерах здесь появлялись статьи и фельетоны, написанные Гашеком. Последний принимал также участие в конференциях армейских печатников походных типографий, о чем свидетельствует, например, газета «Красный стрелок»: 7 апреля 1919 года в ней сказано, что Ярослав Гашек — «секретарь ячейки РКП (больш.) при типографии газеты «Красный стрелок»*.

В сентябре 1919 года газета «Красный стрелок» поместила знаменательное письмо. Красноармейцы Восточного фронта писали в нем В. И. Ленину: «Дорогой товарищ и испытанный верный наш вождь!

Ты приказал взять Урал к зиме — мы исполнили твой боевой приказ. Урал наш. Мы идем теперь в Сибирь».

Так начиналась новая жизнь свободной Башкирии, прекрасной земли, где у подножья Урала находятся залежи редчайших в мире металлов. Земля металла и нефтяных вышек. За годы советской власти места по обоим берегам рек Уфы и Белой заметно изменились, и только старики могут рассказать, как Чапаев вел через реку Белую свою дивизию на Уфу.

Ярослав Гашек
во время пребывания началь-
ником армейской типографии
в Уфе.

ПЕРЕБЕЖЧИКИ

«На станцию Абдуллино опять прибыл новый эшелон с пленными народоармейцами, сынами сибирских крестьян.

Жандармы и полиция колчаковского самодержавия выгнали их из сибирских родных гнезд сражаться за Уралом ради власти царских генералов, буржуазии, сибирского дворянства и помещиков.

Они радуются теперь, что вырвались из рабства и не чувствуют себя пленниками; они в полном смысле слова — свои.

По прибытии эшелона на станции был устроен импровизированный митинг. Выступал ряд ораторов из перебежчиков.

— Царские генералы, — сказал один из них, — надели опять брюки с лампасами и издали приказ, чтобы мы, сыновья сибирских крестьян, шли бить Красную Армию за Урал. А кто в рядах этой Красной Армии? Те же сыновья крестьян, которые уже давно сбросили свою буржуазию и помещиков и сами правят Россией. Нас, сибирских крестьян, царские генералы-помещики послали на фронт под угрозой расстрела отбивать Сибирь от рабочих и крестьян. Нам не нужно фронта, нам, сибирякам, нужна сплоченная работа с Советской Россией для осуществления великих задач коммунизма в Сибири.

Оратор обратился к красноармейцам с просьбой сильнее наступать, чтобы разбить Колчака и освободить сибирских крестьян и рабочих от помещиков, буржуазии и офицерства.

— Вы забрали весь наш полк в плен, — кончает свою речь перебежчик. — Спасибо вам, товарищи. Мы расстреляли своих офицеров, когда узнали, что вы наступаете. Мы живем теперь новой жизнью. Там — это был кошмар, здесь — новый день, заря свободы...

***

Вид у всех веселый, добродушный, но они очень плохо одеты, видно, что Колчак не обращает внимания на обмундирование своего пушечного мяса. Очень интересна группа народоармейцев, одетая в какие-то китайские халаты с мандаринскими желтыми кругами.

Денег у них очень мало, жалования не платили им уже три месяца. Один показывает деньги Сибирского временного правительства — пять, десять и двадцать пять рублей формата полтинника и объясняет, что их никто в Сибири не берет. Старых денег также нет, говорят, что их увезли союзники. Вся Сибирь с нетерпением ждет прихода советских войск. Дороговизна страшная. В Омске пуд белой муки — 80 рублей деньгами Сибирского временного правительства (но можно купить за 20 рублей керенками), фунт масла в Томске — 45 рублей. У крестьян отобрана земля и введены новые тяжелые налоги. Все станции Центральной Сибири находятся в руках чехословаков, которых часть уже пробила в Владивосток. В их руках громадное количество военного имущества, которое они увозят с собой. В Иркутске чехословаки взорвали казенные склады. Колчак издал приказ их обезоружить, но из-за отсутствия достаточных сил не пришлось исполнить этот приказ. Союзных войск в Сибири нет.

— А за что воевать пошли? — спросил кто-то перебежчика.

— Нам говорили, что нужно идти за веру и отечество! Если придут большевики, они наложат чрезвычайный налог на иконы и т. п. Но народ начал понимать, в чем дело. Не за веру и за отечество, а за карманы генеральских, офицерских собак и за помещичью землю гнали нас генералы и помещики.

***

Эшелон двинулся. Послышались звуки «Интернационала». Это пели пленные народоармейцы, новые борцы за освобождение Сибири.

Что если бы слышал это «великий» адмирал Колчак?»

(5 апреля 1919 г., газета «Наш путь».)

СИБИРСКАЯ СКОРОПАДЧИНА

«Колчаковская Сибирь угрожает Советской России диктатурой помещиков, офицерства и крупной буржуазии под руководством ее «верховного правителя» царского адмирала Колчака.

Вокруг этого второго Скоропадского соединились все контрреволюционные банды, которые бежали из рабочей России за Уральские горы.

Теперь они, собравшись вместе, решили раздавить власть рабочих и крестьян и потопить в крови все завоевания революции, уничтожить свободу рабочих и крестьян и лишить их всех прав.

Нет сомнения, что захват Уфимской губернии и продвижение вооруженных сил сибирского Скоропадского к Бугуруслану есть только преходящее явление.

Меч революционных красных войск висит уже над головой сибирского Скоропадского — Колчака.

История всегда повторяется. Украинский Скоропадский принадлежит к прошлому, железная логика истории, которая выдвинула диктатуру пролетариата, за первым Скоропадским бросит в пропасть и другого.

Мы накануне крупных событий, которые приведут к полному разгрому сибирской скоропадчины и к созданию советской власти за Уралом и Алтаем.

Поднялось Поволжье и превратилось в огромный военный лагерь. Сверкают на солнце штыки красных стрелков.

А эти красные штыки несут с собой неминуемый конец сибирской скоропадчине».

(22 апреля 1919 г., газета «Наш путь».)

Но даже здесь, в Уфе, сохранился до сих пор на улице Цюрупы, 41 (раньше она называлась Телеграфной) домик, в котором помещалась Уфимская организация иностранных коммунистов и где некоторое время проживал Гашек.

Об этом домике Гашек написал для фронтовой газеты «Красный стрелок» очерк под названием «В мастерской контрреволюции». Когда Красная Армия в июне 1919 года второй раз освободила город, Гашек пошел на упомянутую улицу в двухэтажный домик, в котором поселился поп Сперанский. Какой была «встреча» с этим попом, Гашек 29 июля 1919 года рассказал в «Красном стрелке».

В МАСТЕРСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

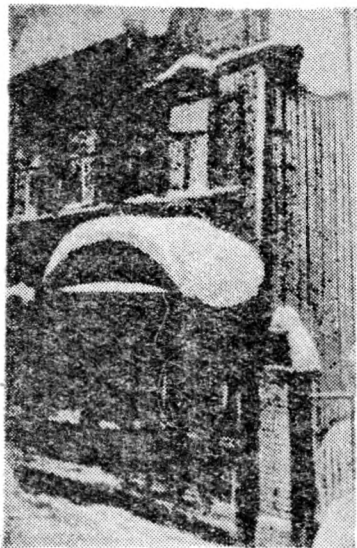
В доме № 41 по Телеграфной улице во время пребывания в Уфе белых проживал священник Николай Андреевич Сперанский. Перед приходом наших он бежал,

оставив в своем доме много всевозможных бумаг, плодов своей «неутомимой» работы.

Так как дом его теперь занят комитетом иностранной партии (коммунистов большевиков), то мне пришлось случайно натолкнуться на архив, который эта «черная ворона» оставила в своих письменных столах.

Из оставленной корреспонденции видно, что священник Сперанский письменно сносился с полковником Василием Егоровичем Гогиным из ставки верховного правителя, руководителем издательства всевозможных воззваний против большевиков. И у священника Сперанского была целая фабрика таких антисоветских воззваний, за что он получал крупные суммы денег от сибирского правительства. В своих воззваниях он окружал Колчака, верховного правителя, ореолом божьего благословения, покрывая каждое его преступление. Этот верный пособник буржуазии писал так горячо, что сам полковник Василий Гогин прислал ему письмо, в котором советует ему не очень увлекаться, так как воззвания к крестьянам относительно сжигания на кострах своих комитетов слишком уже сильно написаны, хотя и желательны.

В том же письме полковник сообщает литературному инквизитору, что «Антихрист» очень понравился и что за это воззвание ему выслано денег 3500 рублей, притом просит исправить немножко его содержание и указать на то, что большевики отбирают имущество и драгоценности. Можно написать, что это сказано в Евангелии св. Марка, так как народ темный и ничего не разбирает!

Дом на улице Цюрупы, № 41 (бывшая Телеграфная), где находился комитет Уфимской организации «Иностранная коммунистическая партия большевиков», в которой Гашек был председателем.

Любопытно было бы найти это воззвание. В письменном столе я нашел один экземпляр с надписью «Что говорит священное писание об антихристе и какое дело его». Под этим подписано: «Для распространения среди войск освобожденной России. Подлежит расклеиванию на видных местах».

Написано горячо и все время приводятся ссылки на священное писание. Так, например, будто бы св. Иоанн в своем откровении говорит: «Придут комиссары, которые всем положат начертания на чело их, на руку их. Никому нельзя будет ни продавать, ни покупать, если кто не имеет этого начертания». И далее следует: «Глава 13, ст. 12—16». Это, видимо, для достоверности.

Затем приводится текст священного писания вообще о большевиках: «Они обещают свободу, отвергают начальство и злословят высокие власти (послан. Иуды, ст. 8), которыми являются сибирское правительство во главе с верховным правителем».

В одном из воззваний поп Сперанский пишет, что в каждого красноармейца нужно воткнуть несколько штыков, чтобы он умер как собака, так как он предатель святой Руси.

Товарищи красноармейцы, помните хорошо эти слова, вышедшие из мастерской контрреволюции, и ловите всех этих злодеев в сибирской тайге.

ПОЗНАКОМИЛИСЬ В РЕВОЛЮЦИОННОЙ УФЕ

Иван Ольбрахт* в двадцатом году, путешествуя по революционной России, встретился с Софьей Самойловой Гончарской, которая очень хорошо знала нашего Ярослава Гашека, поскольку являлась заместителем комиссара 27-й стрелковой дивизии. С Пятой красной знаменой** она прошла весь боевой путь до самого Дальнего Востока. Не удивительно, что Ольбрахт тогда спросил ее, как она познакомилась с Я. Гашеком.

Ответ был помещен в двадцать первом году в газете «Руде право»: «Ярослав Осипович говорит, что будь у него десять жизней, а не одна, он бы их с радостью пожертвовал ради власти пролетариата. И я ему безусловно верю. Он доказал это не раз».

Софья Самойловна подтвердила свои слова.

Живет она в столице Советского Союза. От разговоров на современные темы охотно переходит к воспоминаниям о тяжелом начале революции.

«Еще не прекратилась стрельба, — рассказывает она, — еще белые шатались по городу. Грозной была та ночь, когда в сибирскую метель мы занимали Уфу. Первой пошла разведка. Никогда не забыть ночь с 30 на 31 декабря 1918 года. Продвигались вперед. Кругом темень, нигде не видно проблеска света. Из темноты нам покрикивали белогвардейцы: «Кто там?» Хитро отвечая «Наши...», все глубже пробирались в город.

Наконец он наш. Но колчаковцы подготовили контр-удар. При эвакуации города царила обычная суета. На Уфу упала утренняя мгла, а вместе с ней и снаряды вражеской артиллерии. Наша дивизия отступала по Телеграфной улице. Я видела, как красноармейцы укладывали там на повозки часть мебели, какие-то документы. Пошел снег. По улицам валила метель и бушевала в полупустом городе. Те, кто еще оставался, тоже торопились уйти. Недалеко от нас разрывались гранаты. Я видела, что у ворот одного дома стоят наготове сани. К ним подошли два человека. В одном я узнала редактора фронтовой газеты В. Сорокина, второй показался тоже знакомым. Оба о чем-то между собой разговаривали.

Наборщик армейской типографии в Уфе
Иван Яковлевич Агапитов.

Подойдя поближе, во втором собеседнике я узнала Ярослава Гашека».

Тогда эти красноармейцы рисковали попасть к белым в плен. И все же они увезли из типографии различные документы, погрузили в вагоны машины, чтобы создать затем армейскую походную типографию.

Позже Гончарская встречалась с Гашеком еще чаще, так как комиссара дивизии отозвали в революционный военный трибунал, и она исполняла его обязанности, вместе с дивизией дошла до Дальнего Востока.

Не только в Москве, но и в Уфе до сих пор вспоминают о Гашеке товарищи, близко знавшие его по работе. Больше всего — сотрудники армейской типографии, двое из которых — И. Я. Агапитов и И. Г. Мурашов — продолжают трудиться и сейчас. Найти их можно на новой улице Коммунистической в типографии имени Дзержинского. При упоминании имени Гашека они улыбнутся, заговорят о «Швейке», о своих встречах с автором славного романа, который работал с ними в типографиях, печатавших «Наш путь» и «Красный стрелок».

Степан Викторович Ганцеров —
работник типографии
политотдела 5-й армии.

Гашека любили за то, что он никогда не отказывался пошутить. Но его шутки, юмор всегда были как нельзя лучше к месту. Когда он приходил в бывшую типографию Яцкевича, обязательно завязывал беседу. Случалось, что появлялся спозаранку. Рассказывал тогда печатникам о фронтовых новостях, постоянно записывал при этом что-то в свой блокнот.

Однажды пришел и сказал: «Нужно напечатать мобилизационные листовки и приложить их к газетам».

Затем добавил: «К вечеру должны справиться».

В типографии были озадачены: как сделать это при недостаточном оборудовании, причем и рабочих рук мало. Но Гашек доказывал, что сделать надо во что бы то ни стало, а под конец сказал: «У меня тоже много работы. Но я не жалуясь. Ведь это нужно для победы революции».

Присутствующие согласились с ним, так как собственными глазами видели, что он ни минуты не сидел сложа

руки. Был опытным пропагандистом, и красноармейцы уважали его. Так, например, Иван Григорьевич Мурашов, прочитав «Дневник попа Малюты», горой стоял за Гашека. Первым печатником, который лично познакомился с Гашеком, был, однако, Иван Яковлевич Агапитов. Произошло это еще во время странствования их редакции. После освобождения Уфы, когда печатались первые номера газеты, прежде чем занять типографию Яцкевича, пришлось размещаться в очень старой типографии Соловьева. Работать там было неудобно, трудно. В послереволюционные годы эту типографию снесли. Находилась она примерно там, где на улице Ленина стоит сейчас дом № 7.

И. Я. Агапитов был также среди тех, кто при наступлении Колчака помогал грузить на подводы машины, а затем двинулся в поход с Красной Армией. Перечисляя знакомых, он назвал фамилию другого наборщика, проживающего в Уфе.

— По существу было нас только двое наборщиков: я и Степан Ганцеров. Сейчас он помогает в артели «Новый быт», иначе говоря, является уже пенсионером. Обязательно найдете его на Пугачевской улице. Живет он там в доме № 14, — добавил товарищ Агапитов, и так был установлен еще один знакомый Гашека.

КАК ГАШЕК ОСВЕЩАЛ В ГАЗЕТАХ ФРОНТОВУЮ ЖИЗНЬ

Степан Викторович Ганцеров — человек разговорчивый, хорошего телосложения, всецело преданный делу партии, которому посвятил всю жизнь, с Ярославом Гашеком познакомился весной 1919 года. Еще до личного знакомства он увлекался чтением его статей и сатирических фельетонов. Особенно понравилась ему статья под заголовком «Ответ князю Голицыну». В ней Гашек высмеял дворянина, князя Голицына, выступавшего в белой печати с критикой советских законов о раскрепощении женщин.

«Вас бесит, ваше сиятельство, то, что советская власть освободила вашу крестьянку и хочет научить управлять страной. Аристократу-пошляку это не нравится...» — писал Гашек.

Уже тогда Ганцерову хотелось увидеть автора. Вскоре такая возможность предоставилась. В типографии был обеденный перерыв. В это время подошел Андрей Сокуров и сказал: «Смотри, вон идет Гашек».

В типографию вошел красноармеец в длинной шинели, с наганом на ремне. Увидев Гашека, Ганцеров обрадовался, но вдруг, вспомнив описанного им в фельетоне героя, неожиданно рассмеялся. Гашек подошел поближе и сказал:

— Здравствуйте. Чего это вы смеетесь?

— Над князем, товарищ Гашек, которому вы так метко ответили.

— Вот хорошо, я очень рад, что угодил вам, — ответил Гашек, перебросился несколькими словами с идущим рядом товарищем и добавил: «Недавно читал, что ваш

Армейская газета «Наш путь»,
в которой печатался Я. Гашек.

гениальный сатирик Н. В. Гоголь за свои рассказы тоже удостоился похвалы наборщиков».

— Это было давно, — быстро ответил Ганцеров, — я еще был тогда маленьким. Гашек удивленно посмотрел, похлопал его по плечу и заметил: «Так вот ты какой!»

— Интересный, замечательный и простой человек, — сказал Ганцеров, когда Сокуров спросил его о разговоре с Гашеком.

Городу грозила опасность. В тот день Колчак начал наступать на Уфу.

11 марта 1919 года Ганцеров с Андреем Сокуровым, как обычно, спешили утром на работу. По дороге поняли, что город эвакуируется. Что делать?

Остаться в городе они не могли. В Старой Уфе их знали как пропагандистов и первых организаторов комсомола. Решили, не заходя в типографию, направиться в политотдел 5-й армии.

Там и повстречались с Гашеком. Последний не спрашивал их, зачем пришли, а только строго сказал: «Вас-то мне и нужно. Сейчас же идите в типографию и помогите упаковать отобранный шрифт для пополнения походной типографии. Возьмите также печатную машину. Все это доставите на станцию. Своевременно позаботьтесь о транспорте, для чего мобилизуйте свободные крестьянские подводы на базаре. С крестьянами будьте вежливы...

— Все сделаем без шума. С крестьянами будем вежливы,— повторил Ганцеров.

— Ну, действуйте,— сказал Гашек.— Дорога каждая минута. Где живете?

— В Старой Уфе...

— Домой не ходите. Напишите записки и отдайте своим товарищам. Они передадут их вашим родным. Все. Выполняйте!

— Есть выполнять!

Больше не говорили, а сразу отправились в бывшую типографию Яцкевича. Приказ был выполнен в точности.

Во время отступления Гашек проводил разъяснительную работу среди бойцов. Объяснял им причины временных успехов Колчака. А период был тяжелый, и Красной Армии пришлось отступить до Бугуруслана.

Походная типография своей кухни не имела, питались в бугурусланской столовой, где обеды по талонам выдавались только рабочим и военнослужащим Красной Армии.

В столовую вошло пять человек...

Первым шел Гашек. Как только сели за столы, чтобы пообедать, раздалась песня:

Вставай, поднимайся, рабочий народ.
Иди на врага, люд голодный...

Эта революционная песня, с которой рабочие в 1905 году шли на баррикады, была хорошо известна и в Башкирии. Некоторые считали ее даже пролетарским гимном.

Все в столовой встали. Только за столом, где сидели красноармейцы с Гашеком, никто не поднялся, все продолжали обедать. Подойдя сюда, пожилой рабочий с возмущением спросил:

— Почему сидите? Ведь поется пролетарский гимн.

— Сидим потому, что это не гимн. Пролетарский гимн— «Интернационал»,— объяснил рабочему Гашек и добавил:— Разве не знаете?

— Нет,— ответил подошедший,— не знаю.

После такого чистосердечного признания, обратившись к Ганцерову и другим, Гашек предложил:

— Давайте споем!

Все встали и запели:

Вставай, проклятьем заклеянный,
Весь мир голодных и рабов...

Сначала пел только один их стол, затем к ним присоединялось все больше и больше голосов, и вот поют уже все присутствующие в столовой.

Когда кончили петь, Гашек попросил всех сесть и продолжать кушать. Сам же остался стоять и начал говорить.

— Прежде всего,— сказал он,— каждый рабочий должен знать свой пролетарский гимн. Ведь в нашей стране он является и государственным гимном. Каждый должен знать, что нельзя стоять в стороне сейчас, когда в решающей схватке борются два класса.

Затем коротко, но ясно и понятно объяснил рабочим, за что бьется Красная Армия, чьи интересы защищает и какие цели преследует белая армия. Тут же он призвал всех не жалея сил помогать Красной Армии в решающих сражениях.

После этого к столу Гашека снова подошел тот же рабочий и попросил еще раз спеть «Интернационал». Просьба его, разумеется, была исполнена. Рабочий подтягивал, а некоторые, уже запомнившиеся слова произносил во весь голос:

Вставай, проклятьем заклеянный,
Весь мир голодных и рабов...

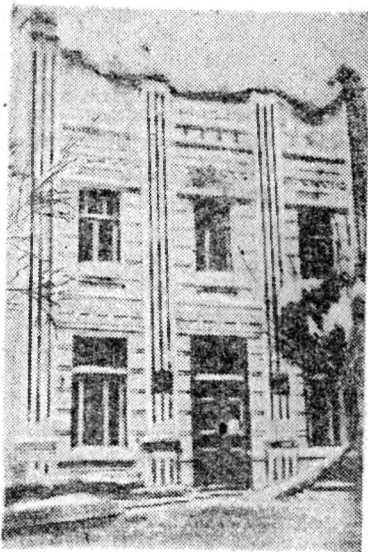
Все время, вплоть до Бугульмы, куда последовал и Гашек, он вел политико-массовую работу. К тому же

времени относится и приезд из Самары командарма Михаила Васильевича Фрунзе, руководившего подготовкой контрнаступления. Вскоре стало прибывать пополнение людьми, на склады поступало вооружение. А в первых числах мая 1919 года войска 5-й Красной Армии перешли в контрнаступление. Противник, застигнутый врасплох, начал отступать. Красноармейские части быстро продвигались к Бугуруслану. Обеспокоенное колчаковское командование спешно сформировало полк из самых отъявленных противников советской власти и назвало его полком Иисуса Христа. Активнейшее участие в его создании и руководстве принимал уфимский епископ Андрей.

Противник возлагал на этот полк большие надежды. Он пользовался благоволением не только владык уфимской и мензелинской епархии, но и верховного правителя Колчака.

Гашек в то время много работал среди бойцов, ежедневно готовил материалы в газету. Активно сотрудничал он с редактором тов. Грунтом, его секретарем Верой Засыпкиной. Это та девушка, которая после освобождения города Красной Армией ходила к дому Гашека и здесь под высокими ветвистыми деревьями написала несколько стихотворений.

Она особенно отличалась тем, что прививала красноармейцам любовь к поэзии. В таком составе и работала тогда походная типография. Все без исключения члены небольшого коллектива трудились во имя победы над интервентами с воодушевлением и подъемом. Наборщики буквально рвали материалы из рук. Печатники содержали машины в образцовом порядке, им не приходилось краснеть за нечеткую или нечистую печать.

Типография Яцкевича в Уфе, где Гашек был начальником и впервые встретился с Шурой Львовой.

Не отставала от других и накладка Александра Львова, молодая девушка из Уфы, которая уже до прихода Красной Армии начала работать в типографии Яцкевича. В типографии ее ласково называли по-своему — Шурочка. Эта веселая девушка стойко переносила все тяжести фронтовой жизни. Отработав ночь в душном вагоне, она, как и остальные, всегда была готова, несмотря на усталость, снова взяться за дело.

Приход в Бугуруслан пресловутого полка Иисуса Христа дал Гашеку богатый материал для фронтовой газеты. Красноармейцы от души смеялись, читая фельетоны, в которых высмеивалось христово войско во главе с попом. По заслугам досталось и владыкам.

Спасая положение, колчаковское командование бросило в мае этот знаменитый полк в наступление. Было раннее утро... Во главе с попом полк Иисуса Христа двинулся к окопам красноармейцев. Как бешеные бросились белые вперед. Пулеметчик (фамилию которого Ганцеров забыл, но помнит, что набирал в типографии приказ командования о награждении его орденом Боевого Красного Знамени), выскочив из окопа с тяжелым «максимом», установил его и начал косить врагов. Бросились из окопов и другие красноармейцы с криком: «Бей христосиков, лови попа, лови попа!»

Здрав рясю, поп, как заяц, пустился бежать.

Для Гашека этот случай послужил поводом для написания фельетона «Дневник попа Малюты».

Вскоре, в июне, Уфа снова была освобождена, и Гашек вернулся туда со своими товарищами. Однако с Ганцеровым так часто, как раньше, больше не встречался. Ганцеров был мобилизован уфимским губернским комитетом РКП (больш.) и послан для проверки работы волостных и сельских Советов и оказания помощи в проведении мобилизации в Красную Армию.

И все же он встретился с Гашеком. Это было уже в Челябинске, куда прибыла походная типография и которую он догнал на вокзале. Затем с Гашеком он проделал путь до самого Иркутска.

В Уфе как до наступления Колчака, так и после освобождения города Гашек жил в маленьком домике на окраине, почти в четырех километрах от типографии. В этом доме жила со своим отцом, сторожем склада, добрая женщина Анна Андреевна Малоярославцева. Она занимала

на первом этаже квартиру, в которой одну из комнат отвели для Ярослава Гашека. Раньше в комнате слева, где сейчас пробита дверь, было окно, из которого открывался прекрасный вид на высокие деревья.

Анны Андреевны и ее мужа уже нет в живых. Однако в Уфе или других местах Башкирии еще встречаются люди, вместе с Гашеком проживавшие в том домике.

ГАШЕК В СЕМЬЕ МАЛОЯРОСЛАВЦЕВЫХ

В селе Ново-Троицком Мишкинского района живет пенсионерка, бывшая учительница, Римма Георгиевна Киселева-Каткова, двоюродная сестра Анны Андреевны. В девятнадцатом году работала она бухгалтером в мастерской по ремонту паровых машин, а жила у своей двоюродной сестры, где и встречалась с Гашеком. Чтобы попасть к себе, ему надо было проходить через их переднюю комнату. Иногда задерживался с ними на кухоньке, где шалили девочки хозяйки Лида и Зоя. Римма была самой старшей.

Глубоко запомнились всем дни эвакуации города, о чем говорили уже товарищи Ганцеров и Гончарская. И Римма Георгиевна только дополняет рассказ о Гашеке: «Пришел тогда домой и сразу сообщил Анне Андреевне, что уезжает с типографией. «Но не беспокойтесь, скоро вернемся», — и сказал еще о том, что белогвардейские банды в ближайшее время будут разбиты. В том же маленьком домике все с радостью снова встретились после освобождения Уфы. Гашек был взволнован, он даже не присел, а начал говорить присутствующим, что теперь настало новое время, что советская власть в Уфе восстановлена навсегда.

Было замечательное лето. Из дома Малоярославцевых Гашек снова ходил в типографию, несколько раз приводил с собой домой редактора военной газеты товарища Грунта. Они вдвоем о чем-то беседовали, и Грунт говорил, что это хороший человек, что он так и дышит добротой. Однако всем, кто находился с Гашеком под одной крышей, казалось, что он очень загружен работой и никогда о ней не забывает.

Для этого он имел блокнотик, в котором часто делал какие-то отметки. Даже когда Анна Андреевна нальет ему в тарелку суп, он все держит блокнот и никак не может

С ним расстаться. Чувствовал себя Гашек здесь спокойно. Анна Андреевна была доброй женщиной, старалась угодить во всем, насколько это позволяли ей скромные средства, и не удивительно, что обрадовалась, когда все снова сошлись вместе. Обычно Гашек потешался над самой меньшей дочкой Малоярославцевых, Зоей Васильевной. Иногда она приходила с ним домой из типографии. Ее зазывала туда старшая сестра, и Зоя шла, так как дома много слышалась о чудесных типографских машинах. Старшая сестра рассказывала, что научилась в типографии новым песням. Если сестры упрашивали, она их пела. В небольшой комнатке слышалась тогда «Варшавянка» или особенно популярная в то время революционная песня «Смело, товарищи, в ногу»...

...Зюечка еще не ложилась спать. Все собрались за столом, рядом с младшей сидела и Лида, прислушиваясь к разговору, когда кто-то постучал в дверь. Анна Андреевна поспешила открыть, и девочки увидели высокую фигуру красноармейца, а возле него — свою неродную сестру Александру Гавриловну. Это она привела в дом Гашека. Он подошел к столу и принял участие в разговоре. Вдруг, обратившись к Зое, сказал: «Девочки, вам надо хорошо учиться...»

Подчас Гашек, располагая свободным временем, больше занимался с детьми. Как-то вечером он работал в своей комнате, когда в дверях появилась маленькая ученица Зоя и с серьезным видом спросила: «Почему вы так много пишете?» Гашек пристально посмотрел на нее, а та продолжала расспрашивать: «Почему пишете карандашом? Нам в школе велят писать чернилами».

— Потому, что так удобнее, — ответил Гашек. Затем девочка попросила, чтобы он спел ей песню. И хотя Зоя не могла понять слов, он спел ей по-чешски свою любимую «О Сусанна».

Однажды Гашек услышал, как Зоя просила мать, чтобы она не посылала ее в отдаленную школу. Поблизости есть другая школа, куда ей было бы легче ходить. Гашек посмотрел на девочку и укоризненно сказал: «Зюечка, разве можно переходить из школы в школу? До тех пор надо посещать одну, пока ее не закончишь». И Зоя Васильевна, сама впоследствии ставшая учительницей, с доброй улыбкой вспоминает о нравовании Гашека. Оно помогло ей тогда отвыкнуть от детской непостоянности.

— Впервые я увидел Гашека, — говорит Григорий Степанович Тимофеев, — в 1919 году, когда Уфа только что была освобождена от белогвардейских войск Колчака. Я тогда работал переплетчиком в частной типографии Яцкевича по улице Пушкина, в доме, где сейчас автотоклуб.

Григорий Степанович Тимофеев — друг Ярослава Гашека.

Типография эта была конфискована и передана политотделу Пятой краснойзнаменной армии. Перед нами встала новая задача — начать регулярный выпуск фронтовой красноармейской газеты «Наш путь».

Сотрудница фронтовой газеты Вера Засыпкина, как-то зайдя к нам, мимоходом сказала:

— Товарищи, сейчас сюда придет ваш новый начальник.

Мы быстро начали убирать со столов лишнюю бумагу, наводить порядок. И вот открывается дверь, входит высокого роста человек в серой армейской шинели, с красной звездой на фуражке и револьвером на ремне.

— Здравствуйте, товарищи! — бодро сказал он и каждому крепко пожал руку. — Будем знакомы, я Гашек, комендант типографии.

Сразу как-то завязался деловой разговор о подборе кадров типографии.

— Нам надо будет быстро и хорошо выпускать не только газету, но и брошюры, листовки, воззвания и плакаты. В общем, все мы с вами, товарищи, теперь мобилизованные революцией и во имя нашей победы над врагом обязаны трудиться не покладая рук. Вы сейчас будете работать

¹ Записал журналист Г. Базекин.

уже не на господ Шаровкиных или Яцкевичей, а выполнять задания своего рабоче-крестьянского правительства, — сказал Ярослав Гашек.

Тут же в цехе начали составлять список всех работников типографии, а на другой день лично сам товарищ Гашек вручил каждому из нас красноармейскую книжку, заверенную печатью и собственноручной подписью. По этому документу нам разрешалось проходить во фронтную типографию. С такой книжкой я работал и в походной типографии, которая была на колесах пульмановских вагонов. На мою долю ложилась подшивка, переплет и упаковка военных брошюр и листовок, которые рассылались во все полки и дивизии Пятой армии Восточного фронта, а часть шла местному населению на татарском и башкирском языках.

Вскоре нашей типографии предстоял нелегкий путь из Уфы через Урал и дальше — в Сибирь. Мост через Белую был взорван. Пришлось все имущество типографии грузить в вагоны и с товарного двора катить по рельсам на баржу, а потом плыть по реке до станции Шакша, а там опять по мосткам ставить вагоны на железную дорогу. Вся эта тяжелая и ответственная работа проводилась под непосредственным руководством Гашека, все бойцы работали дружно.

По мере продвижения фронта на Восток двигалась и наша типография. Кругом гремели орудийные залпы и рвались вражеские снаряды, но фронтная типография работала бесперебойно в две смены. Нашу газету охотно читали и любили все бойцы и командиры. А когда красным войскам сдавались в плен вооруженные белоказачки или добровольно переходили на нашу сторону группы солдат из чехословацкого контрреволюционного корпуса, тогда на фронте появилась меткая частушка:

Ты уж, пуля, не посетуй,
Не всегда одной тобой,
Зачастую и газетой
На фронтах решался бой.

Не случайно наши артиллеристы говорили, что на десяток боевых снарядов они посылали один агитснаряд, начиненный красными листовками, которые били по врагу не осколками и картечью, а огненным словом большеви-

стской правды. Это была самая страшная для наших врагов сила.

Так верста за верстой мы двигались вперед, с нами в одном эшелоне ехал чешский коммунист, солдат революции Ярослав Гашек. Его вагон был рядом с нашим. Подъезжая к Челябинску, он как-то забежал к нам в теплушку и говорит:

— Ну как, ребята, не замерзли?

— Нет, — отвечаем.

— Я знаю, — говорит, — вы народ горячий, молодой, к тому же уральский — крепкий как сталь. Вот и я с вами закалился и теперь не боюсь даже сибирских морозов. Когда закончится гражданская война в России, я вас приглашу к нам в гости, в Чехию.

— Как в Чехию, — возразили мы, — ведь там же власть буржуазии, и ни вам, ни нам теперь там не бывать...

Лицо Гашека озарилось светлой улыбкой, и он задумчиво сказал:

— Победа над врагами Октябрьской революции в России есть победа и нашей Чехословакии. Я верю, что трудовой народ Чехословакии пойдет за Советской Россией, пойдет за Лениным, так же как и мы с вами сейчас идем вперед, заре навстречу!

В это время наш машинист дал сильный гудок, и эшелон еще быстрее помчался навстречу восходящему солнцу. В вагоне под нарастающий стук колес гремела боевая песня. Вместе с красноармейцами от всей души пел и Ярослав Гашек.

Так шли дни и недели, и мы проехали Петропавловск, потом Омск, Новониколаевск, Красноярск и наконец добрались до Иркутска.

С тех пор, как мы расстались с товарищем Гашеком, прошло уже более 40 лет, а его светлый образ в моей памяти остался неизгладимо чистым, простым, добрым и приветливым.

И я очень рад, что мечты Ярослава Гашека сбылись: чехословацкий народ действительно пошел за Советской Россией, и сейчас Чехословакия стала социалистической республикой, а имя ее сына, пламенного интернационалиста и выдающегося антивоенного писателя-сатирика Ярослава Гашека известно всему миру.

ПОМОЩЬ ГАШЕКА ЧУВАШСКИМ ГАЗЕТАМ

В течение дня, а часто и по ночам Гашек находился либо в типографии, либо на улице Цюрупы. В политическом отделе 5-й армии с Гашеком не раз встречался молодой политработник М. Р. Рублев, сотрудничавший с интернациональным отделением* РКП (больш.). Последнее подразделялось тогда на пять групп, каждой из которых руководил один инструктор-агитатор. Китайской группой руководил товарищ Чжень Чжан-хай, венгерской — Бела Сугар, корейской — Андрей Пак, татарской — Юсуп Хакимов и чешской — Александр Валоушек.

В начале девятнадцатого года политический отдел решил издавать еще несколько фронтовых газет и начальник политотдела послал Рублева к Гашеку в Советскую типографию, чтобы там вместе обо всем договориться. В связи с неожиданной эвакуацией города из этого, однако, ничего не получилось. Штаб погрузился в железнодорожные вагоны и остановился лишь на станции Аксаково, примерно в десяти километрах от Белебея.

Здесь политотделом снова был поставлен вопрос об издании газет. М. Р. Рублев с А. А. Андреевым и редактором татарской военной газеты «Кзыляу» («Красноармеец») обратились к председателю белебейского исполкома. Они просили помочь им в устройстве редакции и создании редакции новой газеты для чувашей под названием «Чухосем сасси» («Голос бедняков»). Все трое находились в кабинете председателя, когда с такими же примерно пожеланиями, как и у них, сюда вошел Ярослав Гашек.

В Белебее вышло затем три номера чувашской военной газеты «Чухосем сасси», но дальше она не смогла бы печататься из-за отсутствия бумаги. Тогда издатели газеты И. Е. Ахах и Т. С. Семенов решили обратиться в политотдел к тов. Михельсону с просьбой выделить некоторое количество бумаги.

Но где мог начальник так быстро достать бумагу в разрушенной войной стране? Выслушав их, Михельсон позвал Рублева, написал записку и распорядился передать ее тов. Гашеку.

Рублев разыскал Гашека в походной типографии. Он объяснил ему, зачем пришел, и отдал записку Михельсона. При этом заметил, что без его помощи последую-

шие номера чувашской газеты не выйдут. Тогда Гашек ответил Рублеву: «Подождите минутку, проверим запасы. Если представится возможным, то просьбу удовлетворим». И тут же отошел с одним рабочим, а когда вернулся к Рублеву, сообщил: «Пока только на пять номеров. А как получим бумагу, приходите снова».

Так благодаря стараниям начальника типографии Гашека удалось напечатать восемь номеров чувашской газеты.

Гашека очень хорошо знали как служащие, так и бойцы. В свободные минуты он беседовал с ними по интересующим вопросам, на их родной язык переводил различные статьи и сообщения, помещенные в иностранных газетах и журналах, из которых здесь, в Башкирии, узнавали, что миллионы трудящихся в США, Англии, Франции, Италии и других странах отстаивают правое дело. Рассказывал о том, что за границей возникают коммунистические партии и от имени своих народов поднимают справедливые требования, выраженные в лозунгах: «Руки прочь от России!» и «Мир Советской России!»

Политотдел регулярно проводил совещания редакторов нерусских газет. Неоднократно случалось, что товарищи Ундрицов, Семенов, Баимбетов и другие непосредственно встречались с Гашеком и сообща решали вопросы о том, как сделать газеты популярными среди красноармейцев и своевременно доставлять их на фронт.

ПЕЧАТНОЕ СЛОВО — СИЛЬНЕЕ ШТЫКА ¹

В Уфе, в небольшом домике по улице Бессонова, № 1а, проживает пенсионер Василий Андреевич Маркелов, который вместе с Гашеком работал в походной типографии политотдела 5-й армии. Вот что он рассказывает о Ярославе Гашеке:

— Первый раз мы встретились с Гашеком в апреле 1919 года в городе Бугульме. Я тогда только что вернулся из Сызрани, куда ездил по заданию политотдела организовать типографию для 1-го запасного полка и выпуска газеты «Красноармейская правда».

Рано утром я прибыл в Бугульму с винтовкой в руках. У меня было предписание явиться в распоряжение военного

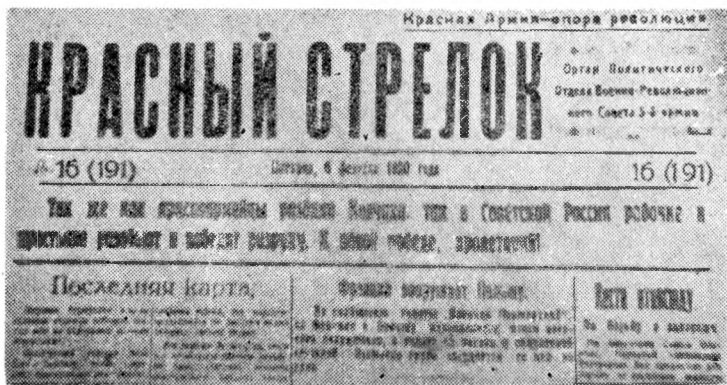
---

¹ Записал журналист Г. Базекин.

коменданта для определения на работу в типографию фронтовой газеты «Красный стрелок».

Из комендатуры меня послали к начальнику походной типографии, которая была на колесах пульмановских вагонов. Печатный цех занимал два вагона и наборные цеха — три вагона — да еще несколько вагонов, где жили работники типографии.

В одном из таких вагонов и размещались редактор газеты «Красный стрелок» Ян Грунт и его заместители Дикман и Тумаркин.

Газета политотдела 5-й армии «Красный стрелок», издававшаяся Я. Гашеком.

Здесь я встретил знакомых солдат-полиграфистов Ивана Мурашова, Степана Ганцера, братьев Александра и Владимира Михайловых, Андрея Сокурова, Семенова и других.

Сколько было радости и воспоминаний при их встрече! Но вдруг разговоры смолкли. Ребята встали по команде «смирно». По-воински отдали честь светлолицему человеку высокого роста в серой армейской шинели. Я тихо спросил: «Кто он?» И мне ответили:

— Разве ты не знаешь? Это же товарищ Гашек.

Я поправил ремень и шапку и по всем правилам доложил:

— Старший наборщик Маркелов явился в ваше распоряжение! И подал ему свое удостоверение. Гашек прищурил глаза, прочитал документ и, протягивая мне руку, сказал:

— Значит, нашему полку прибыло!

— Так точно! — ответил я.

Гашек подробно расспросил меня, откуда я родом, где служил, есть ли родители, а в заключение сказал:

— Хорошо, товарищ Маркелов, вы теперь с дороги можете отдохнуть, а завтра возьмете верстатку и за работу.

Из этой небольшой и непринужденной беседы мне особенно запомнились его слова:

— Печатное слово — сильнее штыка.

Эти слова запали мне в душу. Я понял их глубокий смысл и старался все делать так, чтобы наша газета выходила вовремя. Правда, для этого приходилось преодолевать немало трудностей, вручную вертеть колесо плоской машины, на которой печаталась газета тиражом в 10 тысяч экземпляров. И лишь позднее ручной труд был заменен движком. Газету немеленно рассылали по всем дивизиям и полкам, а часть газет была предназначена гражданскому населению. Читая нашу газету, трудящиеся понимали, за чьи интересы борется Красная Армия, и шли в ее ряды добровольцами.

Позднее типография переехала в Уфу, где я также почти ежедневно встречался с Гашеком.

Вскоре мы выехали за Урал в Сибирь. Проехав города Челябинск, Петропавловск, Омск, я сильно заболел и был оставлен на лечение в Красноярском госпитале. Мне тяжело было расставаться с фронтовыми друзьями, которые уезжали дальше, к Иркутску.

Здесь я последний раз виделся с товарищем Гашеком. Он очень был занят работой, но все же нашел минуту и то ли всерьез, то ли в шутку сказал:

— А верстатку с собой захватил?

— Нет, говорю, не взял. Она вам больше пригодится.

— Да, мы еще повоюем.

Он улыбнулся и снова повторил:

— Печатное слово — сильнее штыка...

Через дней одиннадцать в госпиталь пришел проведать меня Ярослав Гашек. Это было для меня большой радостью. Он как-то по-отечески, ласково расспрашивал о моем здо-

ровье, скоро ли я выпишусь из палаты и пожелал мне быстрее поправиться.

На прощанье он крепко мне пожал руку.

Это было в мае 1920 года...

ПИСЬМО ГАШЕКА ИЗ ЧЕХИИ В БАШКИРИЮ

С походной типографией поехал Гашек со своими сотрудниками за Урал. С дороги он прислал Малоярославцевым в Уфу письмо, сообщая, что работает в политотделе. Значит, не забыл он Анну Андреевну, которой, уезжая 18 августа 1919 года из Уфы, обещал писать. В то время Башкирия была провозглашена первой автономной республикой Советского Союза и послевоенная жизнь стала тустанавливаться, несмотря на то, что в Сибири с интервентами еще продолжались бои.

После изгнания интервентов, уезжая из Иркутска в Москву, Гашек снова остановился у Малоярославцевых в Уфе. Дарили ему фотографии, чтобы сохранил о них память в Чехии, но он их не взял. Не потому, что просто не хотел взять. Нет, он был уже проинформирован о том, что может захватить с собой в Чехию лишь самые необходимые вещи, не говоря о каких-либо документах и бумагах.

— В самом деле, я ничего не смею брать... — сказал он, прощаясь.

После отъезда из города Малоярославцевы не имели о нем никаких известий.

Но вот в морозный, февральский день к Анне Андреевне пришел председатель городского Совета и передал от Гашека письмо. Гашек не забыл о ней и в Чехословакии. Председатель горсовета показал также адресованное ему письмо:

«Липница * ,

22 февраля 1922 года

Уважаемый товарищ председатель!

Извиняюсь, что мы лично не знакомы, но прошу Вас каким-нибудь образом передать это письмо заведующему винным складом № 1 в Уфе, который, наверное, знает, куда девались наши родные, которые жили у сторожа склада Андрея Дмитриевича Александрова.

Письмо не закрыто, можете его прочитать. Нам хочется, чтобы на конверте, в котором лежит письмо, был написан точный их адрес.

Благодарю Вас за эту услугу и остаюсь Ваш

Я р о с л а в Г а ш е к.

Привет товарищу Грунту, редактору, ежели еще в Уфе».

СОВМЕСТНАЯ РАБОТА ГАШЕКА С РЕДАКТОРОМ И ПИСАТЕЛЕМ ГРУНТОМ

Письмо Гашека из Липницы на Чешско-Моравской возвышенности в Башкирию не является лишь свидетельством его отношений к семье Малоярославцевых. В нем упоминается также фамилия товарища Я. Я. Грунта, с которым Гашек выпускал фронтовую газету.

В башкирском городе Белебее перед тем, как вновь была освобождена Уфа, вместо В. Сорокина прибыл новый редактор. Это он с новой сотрудницей, подписывавшей свои рассказы и статьи в «Красном стрелке» псевдонимом Нортам, берет на себя заботы, связанные с изданием газеты. Товарищ Ф. Матронова, молодая девушка, увлекалась творческим трудом, и было решено зачислить ее в штат редакции. Подпись «Нортам» стала появляться в газете чаще, и Гашек, знавший автора, хвалил ее литературные способности.

Когда стало ясно, что положение на Южном фронте осложняется, товарищи из политотдела пришли в редакцию «Красного стрелка» за помощью. Тов. Матронова согласилась по опыту, полученному в редакции 5-й армии, создать газету Южного фронта, руководить ее изданием. Походная типография Гашека после успешного наступления двинулась на Урал, а тов. Матронова уехала на юг. Многие осведомлялись о ее судьбе. И товарищ Грунт, остававшийся в Уфе, отвечал, что любимая работа стала для нее роковой: когда готовила новый номер фронтовой газеты, в окно вагона, где размещалась редакция, влетела граната...

После освобождения Уфы Гашек несколько раз встречался с Грунтом. Последний уже не работал в редакции «Красного стрелка», а был назначен редактором губернской газеты. Расстался он с Гашеком, когда последние части Красной Армии отправлялись из Уфы дальше на восток.

С походной типографией Гашек прибыл в Челябинск через два месяца после освобождения Уфы — 17 августа. Освобождение Уфы и Челябинска вызвало среди белогвардейцев панику. Ведь их верховные правители Колчак и Жанен * обещали офицерам и солдатам, что никогда не отдадут в руки Советов Башкирию и Урал.

Освобождение Урала потребовало от частей Красной Армии больших потерь в людях. Повально косил их и тиф. От него-то и умер в Челябинске молодой товарищ, талантливый политработник Н. Веденеев. Будучи студентом, вступил он в Симбирске в Красную Армию, предложил Реввоенсовету издавать армейские газеты. Другие товарищи, как, например, тов. Грунт, это предложение поддержали.

Веденеев со своим подразделением прибыл в Челябинск на несколько дней раньше Гашека. Последний начал справляться, где он и что делает. Наборщики, узнав у кого-то, сообщили, что в небольшом домике близ площади, где размещался санпункт, Веденеев умер, не дожив до двадцати трех лет...

Наплыв военнопленных из лагерей и тех, кто решил не отступать дальше с белогвардейцами, придавал еще большее значение иностранному отделению РКП(больш.), которое возглавлял Ярослав Гашек. Оставшиеся в тылу реакционные офицеры, получив соответствующие инструкции, готовились к диверсиям. Немало было среди них добравшихся сюда с пресловутой сибирской армией Радоля Гайды. Поэтому Гашек, зная по прежнему опыту, что необходимо действовать уже перед тем, как отправиться в Челябинск через Златоуст, пишет в политотдел:

«Прошу принять самые срочные меры для командировки тов. ... (указаны фамилии и имена) в гор. Челябинск для организации бывших военнопленных граждан из Германии, Венгрии, Австрии и других стран, освобожденных нашей армией.

Нужно действовать очень быстро, так как в Челябинске находитесь, по сведениям, какая-то группа социал-соглашателей из иностранцев.

Комитет просит вышеуказанным товарищам дать полномочия, так как они являются представителями нашей организации при политотделе 5.

Им же просит комитет предоставить тоже право с согласия особого отдела организовать в Челябинске секретное

отделение при комитете партии для розыска шпионов из чешско-словацкого корпуса, которые в одежде военнопленных продвигаются в глубь территории республики.

За Комитет партии
Я р о с л а в   Г а ш е к.

В Западную Сибирь Красная Армия пришла уже лучше оснащенной, чем была раньше. При освобождении Урала она не только пополнилась за счет военнопленных, вступивших в ее ряды, но и захватила много трофейного оружия, особенно пулеметов. Части Красной Армии начали изгонять колчаковцев с сибирской равнины уже 9 сентября. Англичане, американцы, французы, итальянцы, чехословаки и японцы — все, кому здесь не оставалось больше ничего другого, сражались под командованием Колчака, которому не помогали советы ни английского генерала Нокса, ни французского генерала Жанена.

Действия империалистической военщины снова становятся главной темой в творчестве Гашека. Так, 6 сентября он помещает в газете «Красный стрелок» интересный фельетон «Англо-французы в Сибири». Это было вскоре после того, как он с походной типографией приехал в Челябинск.

ГАШЕК И ВТОРАЯ ГОДОВЩИНА ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ЧЕЛЯБИНСКЕ

В Челябинске типографию тоже не выгружали из вагона. Газету делали и печатали, как тогда метко выражались, «на колесах». Была уже осень, когда на вокзале возле типографии к Гашеку подошел еще один помощник, посланный из Уфы, — Степан Викторович Ганцеров. Все уже было подготовлено для печатания следующего номера. Ганцеров, как и остальные в типографии, знал Гашека как человека, имеющего значительный жизненный опыт, преданного революции товарища. И здесь его видели среди людей. Часто выступал он и на митингах.

А на митинги всегда приходило много народа. Особенно многолюдно было во время празднования второй годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. В тот день, 7 ноября 1919 года, небольшая площадка была буквально усеяна как снегом, так и людьми.

Стояла суровая сибирская зима. Собравшиеся на митинг учащенно дышали, над их головами клубился пар. Как и остальные ораторы, Ярослав Гашек взошел на небольшую трибуну, поздравил присутствующих красноармейцев и граждан от имени коммунистов-интернационалистов.

«Ровно два года прошло с тех пор,— сказал он,— когда восьмого ноября 1917 года исторический Второй Всероссийский съезд Советов решил покончить с безраздельным господством в России помещиков и капиталистов и взял власть в свои руки. Это политическое завоевание власти трудящимися было выражением воли многомиллионных масс, от имени которых на Втором Всероссийском съезде Советов говорили их лучшие представители.

Мы, — продолжал Гашек, — руководители интернационального полка, являлись свидетелями того, как на обломках старого, крепостного строя, родилась новая жизнь, пришла новая власть, власть трудящихся. Мы свидетели тех дней, когда русские рабочие и крестьяне, вконец измученные голодом и недостатками, взяли в руки винтовки, чтобы сражаться с вековым врагом. Мы с вами свидетели этого.

И мы, — сделал он ударение на этих словах, — мы, служащие интернационального полка, добровольно пришедшие под красные знамена Октябрьской революции, заверяем вас, что если понадобится воевать на вашей стороне против белогвардейских банд и помощников Колчака для окончательной победы социалистической революции в России и приближения мировой революции, мы всегда будем к этому готовы».

О мощном праздновании в походной типографии говорили несколько дней. Гашек оставался в городе вплоть до 14 ноября...

По предположениям Гашека, в Сибири находилось тогда 500 000 иностранцев, в большинстве — немцы и венгры. В отчете интернационального отделения он сообщает, что в Челябинске состоялось 18 интернациональных митингов, такие же митинги проведены в Кургане, Троицке и Кустане. Кроме того, для немцев и венгров, поскольку их больше других, отделение издает листовки, воззвания и газету «Нахрихтен-Гирек» («Nachrichten-Hirek»). Только на чешском языке было выпущено 5 000 воззваний. Из числа иностранцев для работы на заводах и фабриках было привлечено 468 специалистов.

Что ожидал Гашек в будущем? Что предвидел накануне дальнейшего наступления Красной Армии на восток?

«С продвижением армии дальше на восток предстоит секции вести агитационно-пропагандистскую работу в самом широком масштабе, так как дальше находятся иностранцы в гораздо большем числе, чем от Кургана и до Челябинска...» — писал он в донесении политотделу 5-й Красной Армии Восточного фронта.

ГЛАВА III

ГАШЕК В СИБИРИ

...Вспоминаем и творения бессмертного чешского и мирового писателя Ярослава Гашека, который пережил в России победу Великой Октябрьской социалистической революции, а после возвращения на родину был сознательным и верным участником нашего коммунистического движения в самом его начале.

*Вацлав Копецкий в книге
«30 лет КПЧ»*

ИЗ БАШКИРИИ В СИБИРЬ

Летом 1919 года части 5-й армии пробились через высокие Уральские горы и уже 1 сентября приблизились к первому большому городу Сибири — Челябинску. Отсюда они перешли к мощному наступлению на всем фронте. Семь дней и ночей шло сражение с белогвардейцами за город. С «Интернационалом» на устах продвигались красноармейцы вперед и гнали интервентов дальше на восток за Урал. В этих ожесточенных боях колчаковцы потеряли последние стратегические резервы: 11, 12 и 13-ю сибирские кадровые дивизии. В плен попало свыше 15 000 интервентов.

Гашек жил в Челябинске с походной типографией «Красного стрелка», которая постоянно следовала за боевыми подразделениями. Он продолжает заниматься не только изданием фронтовой газеты, но и набором военнопленных в Красную Армию. Международная обстановка в

то время обострилась: все сводилось непосредственно к тому, чтобы отстоять советскую власть, единственное и первое в мире государство рабочих и крестьян.

Гашек пишет фронтовые фельетоны и воззвания, помещает в «Красном стрелке» также важные корреспонденции о жизни сражающихся подразделений. С продвижением дальше на восток работа еще больше осложняется, так как в ряды Красной Армии вливаются новые силы из числа добровольцев и бывших военнопленных. 30 сентября 1919 года, например, «Красный стрелок» опубликовал резолюцию участников митинга военнопленных, состоявшегося на городской площади в Челябинске. В резолюции, автором которой был руководитель интернационального отделения Я. Гашек, говорится:

«Мировая революция в опасности. Советская власть в Баварии и Венгрии свержена. Российская Советская Социалистическая Республика является единственным оазисом в мире, где нет власти буржуазии и установлена диктатура пролетариата. Мировой империализм пытается задушить русскую революцию, так как она вдохновляет на битву пролетариев всех стран. В этом ему помогают и те партии, которые, называя себя социалистическими, с первых дней войны опорочили знамя интернационализма и сделались прямыми или косвенными пособниками буржуазии.

Поражение русской революции было бы сильным ударом по мировой революции и отдалило бы время освобождения трудящихся.

Сознавая это, военнопленные из Венгрии, Германии, Чехословакии, Румынии, Польши в количестве 600 человек собрались 28 сентября 1919 года на митинг в Челябинске и постановили: с оружием в руках отстаивать передовой страж мировой революции — Российскую Советскую Социалистическую Республику, сознавая, что только таким путем возможно помочь своим братьям, сражающимся на западе против кровавой диктатуры буржуазии».

Из этого документа ясно видно, как и сам Гашек расценивал помощь сражающемуся русскому пролетариату: воюя против интервентов и обеспечивая победу советской стране, иностранные пролетарии в России помогают сами себе.

Имеется немало подобных свидетельств, но достаточно привести лишь одну выдержку из заметки Гашека, которую

он напечатал в Башкирии 22 февраля 1919 года, до того, как был назначен членом коллегии политического отдела 5-й Красной Армии. В тридцать шестом номере армейской газеты «Наш путь» была помещена тогда его заметка «В Чешско-Словацкой республике». В ней перед военнопленными, в частности перед чехами и словаками, он разоблачает изменническую и продажную деятельность Т. Г. Масарика, в котором многие усматривали освободителя. Гашек писал: «Пропаганда коммунизма в Чехии идет быстрым шагом вперед. В Моравии только малый процент рабочих не коммунисты. Интересно, что, например, в городе Годонине, где родился проф. Масарик, лидер чешско-словацких контрреволюционеров, 90 процентов рабочих большевиков...»

Так Гашек оценивал события, происходящие в Чехии и Моравии уже в феврале 1919 года, то есть через несколько месяцев после провозглашения буржуазной Чехословацкой республики*.

Для работы среди товарищей нерусской национальности еще до наступления при политотделе армии по образцу советских Советов был создан австро-венгерский Совет. Одним из его ведущих функционеров был опять-таки Гашек. От имени австро-венгерского Совета рабочих и солдатских депутатов Гашек через три дня после образования Венгерской Советской Республики объявил «всеобщую мобилизацию до сорока лет (ов) всех венгерских граждан, проживающих в Уфимской губернии»**.

С продвижением на восток Совет организационно подчиняется интернациональному отделению. Это было уже тогда, когда Гашек с походной типографией «Красного стрелка» находился за Челябинском, переехав через перевал Урал-Тау, где установлен каменный столб с надписью на одной стороне «Европа», а на другой, восточной, — «Азия». Сюда дошел с освободительной Красной Армией и товарищ Гашека Эмиль Михайлович Чопп. Нет, это не башкир, как мог бы кто-то подумать. По происхождению серб из югославского города Сень, он с 1916 года служил солдатом в отряде добровольцев. За участие в революционной деятельности Чопп в свое время был осужден армейским буржуазным прокурором к смерти. Но перед исполнением приговора Чоппу удалось бежать, и он бок о бок с русскими большевиками сражался за советскую власть.

Встречались они уже в Самаре, на Поволжье, куда Чопп, как и Гашек, прибыл с Украины и где был избран секретарем югославской коммунистической организации при РКП(б). Гашек вынужден был бежать от «братьев»-легионеров из города и скрывался в Татарской АССР, а затем в сентябре 1918 года присоединился в Симбирске к частям 5-й Красной Армии.

Почти такая же судьба и у товарища Чоппа. От бывшего командира чеха Малины он принял командование интернациональным отрядом и с остатками полка попал на петроградский фронт. Там был назначен командиром 11-го полка. Позже как красный командир он встретился с Гашеком в Челябинске.

«Именно Гашек сумел распознать величие социалистических перемен в мире в тяжелое время, которое было в революционной России, особенно после выступления чехословацких легионов, захвативших всю Сибирскую магистраль», — говорит Чопп.

«Он отмежевался от своих «братьев»-чехословаков и, как человек, понявший задачу времени, проводил агитационную работу в их рядах, что было нелегко делать. В этом заслуга Гашека. Ведь он изо всех своих сил, что доказал на деле, склонял граждан различной национальности вступать в Красную Армию, а на собраниях, их было тоже немало, разъяснял, что битва русских большевиков за свержение капитала есть и их собственная битва. Это была великая правда».

Слова такого революционера, как товарищ Чопп, трудно недооценить. Рассказывает он и о Гашеке как человеке: «Гашек был писателем, понимавшим душу простых людей. Сам он тоже был очень простым. Не по своей одежде, как может кто-то подумать, а, прежде всего, в поведении. Как он говорил с людьми? На собраниях и в выступлениях предпочитал выбирать ясные, простые слова. Умел так и писать...» — добавляет он.

Бывшие служащие Красной Армии сейчас не узнали бы здешних мест. Как изменился этот первый, если считать по станциям Сибирской магистрали, город в Азии! Ведь еще в 1926 году он занимал с севера на юг 5 км. Ширина его составляла 2,5 км. А сегодня? Длина города уже 30 км, а ширина — 10 км.

ОМСКИЕ ДОБРОВОЛЬНЫЕ ДРУЖИНЫ «СВЯТОГО КРЕСТА»

Стояла лютая сибирская зима, последняя зима боев 5-й Красной Армии Восточного фронта, главные силы которого сражались с колчаковцами вдоль Сибирской железной дороги, ведущей через Курган на Петропавловск и Омск.

Перед Восточным фронтом, состоявшим тогда лишь из двух — 5-й и 3-й — армий, была поставлена командованием задача освободить от неприятеля всю Сибирь. В Омске, некогда резиденции Колчака, с приближением Красной Армии среди местных властителей, к которым принадлежали эсеры и меньшевики, возникла паника. Они пытались, как только могли, спасти положение. Духовенство, взывая к небу о даровании победы, организовало молитвенное шествие.

Во время одного из богослужений архиепископ Сильвестр сформировал в Омске диковинное войско. Оно состояло из нескольких сот верующих овечек, включенных в дружину «святого креста» и приданного ей воинства, никогда до этого не державшего в руках винтовки.

Однако это не говорит, что ситуация для Красной Армии сложилась весьма благоприятно. Ведь с июня по сентябрь 1919 года красноармейцы находились в непрерывных боях, освободив за это время территорию, протянувшуюся в глубь Сибири на 700 км. А поход все продолжался. Когда Красная Армия начала решающую битву за Омск, ударили суровые сибирские морозы. Белогвардейцы удирали из города по замерзшему Иртышу. Первые советские части вступили в город в половине ноября, а в начале декабря вместе с политическим отделом сюда прибывает на несколько дней и Ярослав Гашек.

В Омске уже находился революционный комитет, по углам улиц было расклеено его первое воззвание. В нем говорилось: «Товарищи граждане! Мракобесие безвозвратно ушло в прошлое. Рабству и расстрелам невинных людей положен конец. Власть над городом находится в руках революционного комитета Омска...»

В Омске из двух упоминавшихся армий была сформирована одна, сохранившая название 5-й Красной Армии. За бои по освобождению Сибири она была удостоена почетного звания — 5-я Краснознаменная.

В Омске Ярослав Гашек был в декабре 1919 года всего лишь несколько дней. По-видимому, он, главным образом, читал здесь лекции на политических курсах, организованных политотделом. Руководил этими курсами чех товарищ Салат-Петрлик. Весь город кишел тогда еще белогвардейцами, которым не удалось бежать до прихода Красной Армии.

Незадолго перед освобождением на улицы города политический отдел послал двух красноармейцев-чехов, которые должны были разведать о состоянии неприятеля, его передвижении, вооружении и т. д. Оба были неразлучными друзьями. И на этот раз они вместе пошли на рискованное дело, хотя в случае неудачи могли поплатиться жизнью. Одним из них, помоложе, был Августин Беранек, а другим — рабочий из Тухловиц вблизи Праги Вацлав Шпирит. Последний после революции остался в Советском Союзе и проживает сейчас в Москве.

В декабрьский сибирский мороз, когда Шпирит с Густой Беранеком прохаживались по улицам Омска, с равнин, раскинувшихся за Иртышом, дул сильный холодный ветер. Не веря в искренность приглашавших их жителей, они не решались их навестить. О постоянном убежище не приходилось и говорить. Часто во время таких прогулок по улицам друзья сталкивались с каким-нибудь позабытым чехом.

Близился вечер. В свете огоньков отражался белый снег, запорашивавший крыши домов, тихо пролетающий по улицам города.

— Если бы сегодня, по крайней мере, что-нибудь подыскать, — сказал Беранеку Шпирит, подразумевая помещение, где можно немного отогреться и выспаться. Беранек в знак согласия только буркнул что-то в воротник тулупа, и оба продолжали свой путь. На главной, широкой улице заметили открытый трактир.

— Зайдем, согреемся, — предложил Шпирит, и Беранек охотно поддержал его. Больше ни о чем не говорили. Завернув на Атаманскую улицу, направились к намеченной цели. Здесь их догонял мужчина в длинном военном полушубке, в шлеме. Поднятым воротником незнакомец предохранял от мороза уши.

Когда поравнялся, они узнали в нем чеха. Тот тоже сказал, что узнал в них земляков.

Познакомились. Однако назвали не настоящие фамилии, так как не могли говорить о своей задаче, о том, почему скитаются по городу. Терялись в догадках, кто он такой. А незнакомец был приветлив, предложил пойти к нему, чтобы отогреться, ибо видел, что они сильно замерзли, обещал оказать нужную помощь.

Шпирит был твердо убежден, что это какой-то белочех, отставший от сибирской армии. Вместе с тем хотелось посмотреть, как он живет в городе.

Все трое пошли по Атаманской улице. Новый спутник подвел их к низенькому домику, возле двери которого стояла стража. Показал часовому какой-то документ, и оба без всяких расспросов последовали за ним.

Миновав дворик, снова оказались перед дверью еще меньшего домика. Земляк пропустил их, быстро открыл комнату и впустил туда обоих.

После этого он куда-то отлучился. Но вскоре вернулся и завел разговор о Праге, о родном доме... Обоих красноармейцев, Шпирита и Беранека, охватило беспокойство. Им казалось, что земляк, начав разговор о Праге, пытается расшевелить их воспоминаниями, чтобы повести затем речь о фронте и... «но не это самое худшее», — промелькнуло в сознании Беранека. Ведь был случай, когда находились во владивостокском интернациональном полку, что к ним пробрался контрреволюционер, чех, некий Пешек, которого удалось лишь позже разоблачить. Он застрелил красного командира В. Мировского, старого и самоотверженного коммуниста.

Беранек и Шпирит сидели в креслах напротив земляка. Согревшись, все похваливали тепло и уют, поглядывали на окна, за которыми дышала холодом Сибирь. Вдруг земляк посмотрел на них из-за лампы и потребовал предъявить личные документы.

Оба нерешительно заколебались. Тогда новый знакомый заметил, что как только они признаются, кто такие, что делали в городе, все будет в порядке, и они смогут служить в Красной Армии.

— Я, Гашек, начальник интернационального отделения, — сказал он. Тут оба сразу поняли, с кем свела их случайная встреча. Вместе с другими документами они показали и партийные билеты.

— Тогда вы совсем свои, — ответил Гашек, и все долго еще беседовали. Затем Гашек предложил им на некоторое время остаться у него.

Боевое Знамя 27-ой стрелковой дивизии 5-й армии.

Он даже устроил так, что оба последовали с ним в другой город, который наступающая Красная Армия с помощью партизан освободила в половине декабря 1919 года. Впоследствии, посылая на работу во внутрь Сибири, Гашек подписал им удостоверения.

По дороге из Омска дальше в Сибирь наплыв военнопленных все увеличивался. Были среди них как чехи, так и поляки, румыны и немцы. Сибирская тайга затрудняла отступление, и подчас на железнодорожных станциях застревали целые вагоны белогвардейцев. Случалось, что когда красноармейцы открывали вагоны, то находили там уже мертвые, неподвижные тела. Отравленные колодцы вызвали эпидемию тифа.

В городе Новониколаевске (ныне Новосибирск), освобожденном Красной Армией 14 декабря 1919 года, Гашек находился целый месяц — с 15 декабря 1919 года до 16 января 1920 года. Здесь его, как и многих, свалил тиф.

Однако в отличие от других эту коварную болезнь Гашек перенес благополучно.

Многие замечательные и преданные товарищи в то время, когда победа была уже близкой и зримой, измученные страшной болезнью, умирали в деревянных бараках. Тифом болели все члены Революционного Военного Совета, в том числе и начальник штаба 5-й Красной Армии товарищ Ивасев.

Благодаря самоотверженному уходу за больным Гашеком работницы армейской типографии А. Г. Львовой, последний с благодарностью вспоминал об этом до конца своей жизни, он уже в Новониколаевске настолько окреп, что мог выступить на митинге.

Несмотря на большие потери, Красная Армия в начале 1920 года продолжает наступление и освобождает следующий город, сибирский центр — Красноярск. Колчаковцы и их подручные, главным образом кулаки, в замешательстве бежали, оставив в городе лишь начальника гарнизона Зиневича и эсера Колосова. Последние сдали город красноармейцам по телеграфу. Этот случай, имевший место лишь один раз в боях с интервентами, стал возможным ввиду поднятого восстания и создания революционного комитета. В ночь с шестого на седьмое января Красноярск был полностью занят Красной Армией без боя.

РАБОТНИЦА АРМЕЙСКОЙ ТИПОГРАФИИ

А. Г. ЛЬВОВА-ГАШЕКОВА

До прихода Ярослава Гашека в Уфу она работала в типографии. С малых лет воспитывалась в Уфе у А. А. Малоярославцевой, не зная даже, что это не ее родная мать. Гашек, проживавший в их семье, взял затем с собой в поход и Александру Гавриловну, которая решила поехать с ним и продолжала работать в походной типографии «Красный стрелок».

По всей Башкирии и Сибири сопровождала она Гашека и вместе с ним в декабре 1920 года уехала в Чехословакию.

Когда Шура воспитывалась у Анны Андреевны, та любила ее так же, как собственных детей. Шура была старшей, и мать рассчитывала на ее заработок. За дружбу с Гашеком не бранила. Наоборот, Гащек ей нравился, и, когда он на-

ходил с ними в Уфе, она охотно проводила с ним время в беседах.

После их отъезда домик на окраине Уфы поскучнел. Здесь не знали, что Гашек был тяжело болен. Когда последний поправился, мог принимать гостей, к нему в Красноярске часто приходили два особенно преданных друга, работавших, как и он, инструкторами интернационального отделения. Оба нерусские работали для победы революции. Один из них по фамилии Бруман был немцем. Второй — китайский коммунист товарищ Чжень Чжан-хай — тоже очень быстро сдружился с Гашеком. Расставались они впоследствии со слезами на глазах.

Трудно сказать, где впервые встретились. При освобождении Уфы в девятнадцатом году среди частей Красной Армии было уже несколько китайских полков. На первый взгляд может показаться удивительным, что Александра Гавриловна часто вспоминала и хорошо знала фамилии этих двух товарищей. Но тогда ей было девятнадцать лет, и какая женщина забудет, при каких обстоятельствах она выходила замуж?

С Чжень Чжан-хаем жили в одном доме. И он же вместе с Бруманом был свидетелем при регистрации их брака. Состоялась большая свадьба. Многие пришли поздравлять, и молодожены получили тогда в Красноярске несколько подарков. Гашека везде очень любили.

В памятный день тоже сидели с Чжень Чжан-хаем и беседовали чуть ли не до утра. Это был приятный, очень милый человек, стройный, значительно выше Гашека. То, что он был свидетелем при браке, привязало его к Гашеку еще больше.

Неоднократно бывал он с Гашеком в подразделениях. А если вместе никуда не ходили, то Чжень Чжан-хай, как только возвращался домой, справлялся о Гашеке у Александры Гавриловны. Однажды вечером принес домой в мешке необычный груз. Сразу позвал, чтобы взглянули, что он нашел для Гашека. Застрелил в лесу волка, а по визгу обнаружил нору и в ней двух маленьких волчат. Не захотел оставлять сирот в лесу, захватил с собой, чтобы подарить Гашеку, так как знал, что тот очень любит собак. Не раз Гашек рассказывал о них так, что слушатели удивлялись, откуда все это ему известно. Гашек играл с волчатами, сам их кормил. Со временем они выросли, но это было уже когда подступили к Иркутску.

дороге по необходимости — перед серьезной операцией, в связи с той или иной годовщиной — созывались митинги. Ораторы обычно менялись, но от имени интернационального отделения неизменно выступал Гашек. Когда проводился общий митинг для всех национальностей, речь произносил лишь один представитель от политотдела. Несколько раз на импровизированной трибуне рядом стояли Гашек и Чжень Чжан-хай. Гашек даже серьезно увлекался мыслью научиться читать и писать на родном языке Чжень Чжан-хая. Однако при постоянной суете, загруженности работой оставалось слишком мало свободного времени. Все же ему удалось преодолеть восемьдесят китайских иероглифов.

Венгерский писатель-революционер Матэ Залка, сотрудничавший с Ярославом Гашеком в Красноярске.

Здесь, в Красноярске, Гашек сотрудничал и с другим видным деятелем революционного движения писателем Матэ Залкой. С февраля 1920 года опять начинается работа, полностью захватившая Гашека. Интернациональное отделение получает новые задания. Гашек создает и руководит изданием газеты, предназначенной для граждан нерусской национальности с тем, чтобы мобилизовать их на восстановление разрушенного войной хозяйства Сибири.

В отчете интернационального отделения 5-й армии о проделанной работе за первую половину 1920 года Гашек писал: «...издается газета «Рогам-Штурм» на немецком и венгерском языках. Номера 7 и 8 — 5 000».

Указанный первым, седьмой номер не удалось разыскать. В восьмом же номере, вышедшем 10 апреля 1920 года в Красноярске с подзаголовком «Известия интернационального отделения политотдела 5-й армии», Гашек поместил интересный фельетон, который нигде в литературе о Гашеке

Газет «Рогам-Штурм» интернационального отдела
5-й армии, которую редактировал
Я. Гашек в Красноярске,

не приводился. Написан фельетон на немецком языке, и в лице майора фон Лаузитца Гашек высмеивал в нем всех, кто, подобно этому офицеру, вздыхал о старом мире.

ЖЕРТВА НЕМЕЦКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ В СИБИРИ

Мужественный и неутомимый спекулянт майор фон Лаузитц, который в свободные минуты забавлялся мыслями о восстановлении Австро-Германской империи на монархической основе, преуспевал в торговле. Поэтому и приказал денщику Гансу приготовить бифштекс в офицерской кухне¹, а затем сделал в своем дневнике запись о росте большевистской пропаганды среди бывших военнопленных. Писал: «Состояние мужества ухудшилось. Порядочный и лояльный состав все больше расшатывается. В 1-ю интернациональную бригаду вступили следующие отступники: из барака № 12 Карл Фишер (8 полк), Ян Бауэр (24 полк), Миклош Иштван (3 полк), хормейстер Людвиг (18 полк), из барака № 34 (16 полк): Богач Ян, Такар Самуил, Золтан Бела...

Сегодня слышал, как Карл Проссек (Вена, Мариягильферштрассе 12, 21 полк) сказал Яну Кочи (8 полк, Шопронь, пивовар): «Мы — рабочие, и никакая сила не сможет остановить эту революцию, если все будем заодно. Лишь пролетарская коммунистическая революция в состоянии помочь

¹ *Примечание редакции «Рогам-Штурм».* Еще до сих пор в Сибири существуют лагеря, в которых офицеры имеют денщиков и офицерские кухни.

рабочим. Поэтому мы должны не околачиваться в лагере, а вместе работать для революции.

Здесь много таких негодяев. Меня страшно злит, что шведский Красный Крест уже ликвидирован и человек не имеет никакой связи с родиной. Сколько адресов смог бы переслать домой! Да здравствует дом Габсбургов и Гогенцоллернов! Виселицы красным дьяволам!»

Когда денщик вернулся, майор осведомился, не хотел ли кто его по дороге от офицерской кухни сагитировать, чтобы сделать в дневнике последующую запись: «Опасным пропагандистом является Вильгельм Дернер, 27 полк, барак № 18, проживающий в Стеглице близ Граца. 12 марта 1920 года он сказал моему денщику Гансу Киршнеру: «Ты, глупый здоровяк, влепи-ка своему майору и скажи, что тебе надоело прислуживаться!»

В один из мартовских дней майор фон Лаузитц весело возвращался из города. Во-первых, он весьма выгодно продал золотой перстень, а во-вторых, услышал в городе, что в Германии совершен монархический переворот.

«Ура, Вилли, — сообщил он своему дружку капитану Зедвигцу, — генерал фон Тирпиц освободил Берлин. Великий доктор фон Капп освободит в ближайшие дни кайзера Вильгельма из Голландии, затем двинется в Швейцарию, переведет через границу цесаря Карла, чтобы с ним произвести переворот в Вене. А так как кайзер Вильгельм и цесарь Карл перевешают всех рабочих, он объявит войну русским большевикам и на русский трон будет посажен коронованный принц. Тогда мы мужественно, как следует поговорим в лагере. И снова будет здравствовать плеть!»

«Гуго *, — прикрикнул на денщика, — почему куришь без разрешения? Подожди, через несколько месяцев я тебе дам так затянуться, что почернеешь ты, проклятая обезьяна! Габ ахт! («Смирно!» — *нем.*) — А. М.). Как передо мной стоишь, разве не знаешь, что опять возвратимся в Берлин и Вену к цесарям?»

«Господа, — торжественно произнес в офицерской канцелярии, — в Германии снова монархия, генерал фон Тирпиц, доктор фон Капп. От радости не могу даже говорить, могу лишь воскликнуть: «Да здравствует кайзер Вильгельм! Да здравствует цесарь Карл! Петлю красному кодлу!»

Начинаем! Сохрани нам, господи, императоров и нашу землю! Ура!»

Но было не так, как майор фон Лаузитц себе представлял.

В рабочих кварталах Берлина гремело могучее «Да здравствует большевизм!» Рабочие со штыками изгнали новую монархию из Берлина, а Германия стоит в преддверии пролетарской революции. Услышав это, майор фон Лаузитц страшно опечалился, и все офицеры увидели, что он о чем-то усиленно думал. А вечером вернулся из города с двумя банками черной и желтой масляной краски и кистями.

«Я им покажу, — сказал он, и в голосе зазвенели властные нотки, — Австрию мы должны заново покрасить!»

Приятели уложили его в постель, приложили к голове холодный компресс. Усмирился, но ночью тайком исчез с масляными красками и кистями.

В четвертом часу утра патруль интернационального отделения встретил в городе голого мужчину. Он был раскрашен желтой и черной масляными красками и пел:

О Австро-Венгрия! Могучая держава!
Пусть развевается твой благородный флаг!
Пусть развевается он величаво,
Непоколебима Австрия в веках! •

Несчастливым черно-желтым певцом был господин майор фон Лаузитц.

***

Чтобы узнать, откуда почерпнул Гашек тему для фельетона, достаточно взглянуть на донесение, в котором он писал: «Офицеры, бывшие военнопленные, относятся к нашей пропаганде враждебно. В городе насчитывается 3000 офицеров (немцы и венгры), которые проводят вражескую, антикоммунистическую пропаганду».

Несмотря на это, он тут же замечает: «В интернациональных подразделениях в Иркутске, Канске, Красноярске и Ачинске царит революционное настроение».

Ведь простые, рядовые солдаты за минувший девятнадцатый год хорошо узнали, куда тянут их офицеры. В то время, как на Восточном фронте империалисты стремились задушить молодую советскую власть, западные государства занимаются шпионажем, а вооруженные ими интервенты с 21 марта начинают подавлять молодую Вен-

герскую Советскую Республику. Заслуженой интернационального отделения является то, что и после поражения Венгерской Советской Республики оно посредством такого искусства, как театр, наглядно показывает солдатам дальнейшую судьбу буржуазной Венгрии.

Холодным, по-настоящему сибирским вечером в день годовщины провозглашения Венгерской Советской Республики политотдел созвал в помещении городского театра международный митинг. После торжественной части с речами на темы дня выступило несколько товарищей, в том числе Гашек.

Он же сообщил присутствующим и о последнем пункте повестки дня — просмотре пьесы. Эта пьеса была написана Гашеком в соавторстве с одним русским товарищем и Матэ Залкой. Называлась она «Возвращение домой».

«ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ»

На представление собралась самая разнообразная публика. Пьеса по своей актуальности прежде всего была обращена к местным венгерским красноармейцам и военнопленным. Однако она заинтересовала и оказалась поучительной для всех зрителей. Каково же ее содержание?

В пьесе рассказывается история простого человека. Бывший военнопленный Лаеш возвращается из Советской России домой. События, свидетелем которых он являлся, ничему его не научили. Он стремится к семье, надеется найти в Будапеште все по-старому, таким, как когда-то оставил.

Но его ждет полное разочарование. Война, страшная война все перевернула. Желю застрелил полицейский во время одного из голодных бунтов в семнадцатом году. Дети умерли с голоду. Бакалейная лавочка, на которую он так много возлагал надежд, разгромлена.

И здесь-то Лаеш встречается с представителем нового, нарождающегося мира — своим братом, революционером. Во время ареста коммунистов его на глазах у Лаеша за-точают в тюрьму.

Но Ференц и в тюрьме не падает духом.

Приходит очередь к самому Лаешу. Полиция узнает, что он вернулся из России. Как зараженного большевизмом его тоже арестовывают и бросают в темную камеру. Здесь у него достаточно времени, чтобы поразмыслить, с

кем идти, как вырваться из этого невыносимого мира. Лаеш начинает понимать, на чьей стороне правда.

О постановке пьесы сообщала газета «Красноярский рабочий». Там же приводились и другие свидетельства о деятельности Гашека. Так, в интервью с корреспондентом, подписавшимся Деций, Гашек рассказал тогда много интересного:

«В беседе с заведующим интернациональной секцией политотдела 5-й армии тов. Ярославом Гашеком о политическом положении иностранцев в России, о деятельности и организации иностранной секции РКП как в центре, так и на местах,— писал Деций,— нам дан целый ряд интересных данных о количестве иностранцев в Сибири и их настроении, об отношении к ним буржуазных правительств, о развитии революционного движения в странах Запада, о чешских войсках в Сибири и др.

По сведениям английского генерала Штафа, имеющимся в распоряжении т. Гашека, число бывших военнопленных-иностранцев к апрелю 1919 года в Сибири и на Дальнем Востоке от Омска до Владивостока составляло 400 000.

Центральная организация в Москве имеет ряд своих отделений по России. В Омске создана организация в областном масштабе.

В Москве издается «Красная газета» на венгерском языке, «Красное знамя» — на немецком, «Правда» — на чешском, «Коммунистическая трибуна» — на польском и др.

Вообще на территории России издается несколько десятков иностранных коммунистических газет, в том числе французская «Правда» и английский «Коммунист».

Тов. Гашек коснулся крайне интересного вопроса об отношении к бывшим военнопленным их правительств и социал-предательских партий на их родине.

В Чехословакии правительство препятствует возвращению не только военнопленных, но и своих войск, оперировавших в России, зная о их «плохом настроении» и видя в них «красную угрозу».

Последние данные, полученные т. Гашеком от перебежчиков и оставшихся, свидетельствуют о том, что уже давно замечавшееся в чешских войсках охлаждение к союзникам в данное время перешло в ненависть. Они поняли обман Антанты, увидели, что были слепым орудием в ее руках, осознали, что она создала из них свой жандармский корпус.

То же самое можно сказать о польских легионерах, хотя среди них много контрреволюционеров. Что касается сербов, то у них сильное революционное брожение, недавно они убили начальника своей конницы полковника Павловича. О румынах и говорить нечего — каждый приказ о их боевом выступлении оканчивается убийством офицеров».

Гашек проводил тогда в Красноярске и другую важную работу с тем, чтобы мобилизовать иностранцев на выполнение хозяйственных задач советской власти. Интернациональное отделение для нерусских национальностей ежедневно издавало печатавшийся на гектографе информационный листок «Сибиряк». В этой своего рода ежедневной газете помещались призывы включаться в хозяйственное строительство, мобилизующие статьи. Так интернациональное отделение действовало в духе решений IX съезда РКП(б), состоявшегося в Москве весной 1920 года. В свете постановления IX съезда РКП(б) на решение вопросов, связанных с задачами хозяйственного строительства, ориентируется и Восточный фронт. В этом ему помогают прежде всего Советы, как основа новой, советской власти в городе и деревне.

ПЕРЕХОД К СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ В СИБИРИ

Автор статьи «Митинг интернациональной польской бригады», помещенной в газете «Красноярский рабочий», записал слова Гашека о современном положении в крае: «Советы были разогнаны прислужниками капиталистических правительств Антанты, в частности, чехословаками. Много депутатов погибло за дело рабочего класса... Верно и то, что иностранные интервенты сейчас в России разгромлены и намерены вступить в дипломатические отношения с Советской Россией. Они хотят снять блокаду, и поэтому мы должны быть еще бдительнее. Необходимо, чтобы в Советы не были избраны те, кто кричал: «Долой Советы». Нельзя избирать эсеров, меньшевиков, которые сейчас переходят на платформу Советского правительства, чтобы затем мешать нашей работе. Надо избирать коммунистов. Только они являются гарантией заботы о советском строительстве».

Так говорил и агитировал Гашек, о чем свидетельствует опубликованная в 1920 году статья. Это слова коммуниста, который заглядывает в будущее разрушенной войною земли и сразу после IX съезда партии, как председатель особого районного комитета РКП(б), привлекает красноармейцев к работам по восстановлению городского хозяйства. 30 мая 1920 года Гашек лично участвует в субботнике, проводившемся в красноярских железнодорожных мастерских. Вместе с другими красноармейцами он находится на труднейшем участке — помогает при укладке водопровода.

В краевом архиве КПСС в Красноярске бережно хранится книга, сброшюрованная из пожелтевших листов, на которых стоит подпись секретаря райкома штаба 5-й Красной Армии товарища Розена. Это необычный, поистине ценнейший памятник периода сражений трудящихся Сибири за победу. На переплете книги сделана красивая надпись «Протоколы заседаний районного комитета штаба 5-й армии».

Гашек был избран председателем этого комитета и самым добросовестным образом выполнял свои обязанности. Когда и при каких обстоятельствах его избрали? Кто еще сотрудничал с ним в райкоме?

Это можно уточнить по протоколам, подробное ознакомление с которыми позволяет также судить о разнообразной и успешной работе Гашека. Так «Протокол № 8 заседания районного комитета штаба 5-й Красной Армии от 3 апреля 1920 года под председательством товарища Гашека» гласит:

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 8

заседания районного комитета Штарма 5, состоявшегося 3 апреля 1920 года под председательством т. Гашека, при секретаре т. Розен.

Присутствуют: тт. Розен, Гашек, Бирюков, Зорин.
С Л У Ш А Л И:

1. Довыборы райкома и выборы председателя.

Намечаются кандидатуры в кандидаты райкома тт. Богданова, Кольмана и Розен.

ПОСТАНОВИЛИ:

Из последующих кандидатов, получивших большинство голосов, членом райкома входит т. Марцинковский.

Председателем избирается т. Гашек. Настоящее постановление внести на утверждение общего собрания РКП.

*Председатель райкома ШТАРМА 5 — Г а ш е к.
Секретарь — Р о з е н.*

Решение на общем собрании было утверждено. Последующий протокол заседания райкома, состоявшегося 27 апреля 1920 года, также подтверждает, что председателем райкома был Ярослав Гашек.

На этот раз в повестку дня включены конкретные вопросы из жизни Сибири, главным образом партийных организаций. Слово для выступления взял Гашек. Он сообщил о конференции губернской организации, в которой приняли участие члены губернского комитета РКП(б), представители отдельных районов и уездных комитетов. Присутствовавшим на заседании членам райкома тт. Розену, Зорину и Марцинковскому Гашек рассказал, как высший партийный орган губернии расценивает политическую ситуацию в городе, что необходимо сделать, чтобы удалось в короткий срок организованно провести перерегистрацию членов их районной парторганизации. Он особо подчеркнул, что для работы в деревне должны и впредь привлекаться специальные группы, составленные из лучших товарищей.

Такое решение в то время приобретало большую важность, в частности здесь, в этом крае. Ибо тогда главной задачей как рабочих, так и военных партийных органов Сибири, более необходимой, чем в других местах республики, была прежде всего работа в деревне, постоянное приобщение сибирских земледельцев к политике партии. Следует учесть, что большинство ошибок некоторые работники молодых, еще не имевших достаточного опыта органов допускали именно потому, что своими действиями в деревне пренебрегали основами марксистского учения о союзе рабочего класса с беднейшим крестьянством, а также привлечением к восстановлению советского сельского хозяйства середняков.

Это была нелегкая задача, особенно в самом начале.

Влияние кулачества, особенно в местах, где промышленность была развита слабо, ощущалось особенно сильно. Мелкие земледельцы, испытавшие на себе грабительскую политику царя, интервенционистских войск, даже после освобождения их территории Красной Армией, относились ко всему с недоверием. Их надо было переубедить. Поэтому и придавалось такое серьезное значение партийной помощи деревне.

Гашек в данном вопросе занимал принципиальную позицию. Он ни в чем не отступал от партийных директив. Товарищи из райкома имели в нем в этом отношении большую опору. О принципиальности Гашека свидетельствует, например, его «Письмо в редакцию», опубликованное 15 февраля 1919 года в газете «Наш путь».

«Товарищ редактор! — пишет Гашек. — Прошу поместить в Вашей уважаемой газете следующее:

При устройстве Советской республики надо соблюдать, чтобы во всех советских учреждениях были люди, соответствующие своему назначению и не дискредитирующие своими поступками Республику, люди с чистым прошлым.

Всех бессовестных работников, которые предательски губят народное уважение к власти трудящихся, надо беспощадно прибавать к позорному столбу, изгонять из учреждений и наказывать самыми строгими мерами революционного времени.

Вот один из этих шкурников республики.

Это гр. Кобусов, уполномоченный Полиграфического отдела в Уфе, который пьяный бывает на собрании печатников.

13 февраля гр. Кобусов проезжал на санях пьяный по улицам города и на углу Спасской и Сибирской улиц кричал: «Вот как комиссар гуляет!»

Вообще надо сделать ревизию в Полиграфическом отделе.

Туда, по неизвестным обстоятельствам, прошли люди, которые никогда не были друзьями рабочих и печатников, в частности.

Сидят там гр. Мильниченко, Субеев, все бывшие заведующие типографиями — эксплуататоры.

Ко всему этому других слов не надо, здесь нужно действовать, чтобы враги советской власти не радовались над такими людьми, как пьяный Кобусов, который постоянно дискредитирует своим поведением советские учреждения.

Принимаю всю ответственность за свое письмо и прошу Революционный Трибунал дело Кобусова разобрать, а Революционный Комитет — устранить граждан Мильниченко и Субеева от их должностей, сменить их честными и незапятнанными рабочими-печатниками.

Я р о с л а в Г а ш е к.

Опубликование письма помогло. Газета впоследствии сообщила, что Кобусов с работы снят.

Чистка учреждений от подсыльных ему людей, Гашек это знал, укрепляет доверие граждан к светской власти. А завоевание симпатий трудящихся являлось важнейшей задачей, которая стояла перед райкомом штаба армии. Уже на заседании 4 мая 1920 года до того, как Гашек принял участие в коммунистическом субботнике, он предложил, чтобы на общих собраниях прежде всего обсуждались вопросы как организационные, так и связанные с подбором кадров. Далее товарищ Гашек предложил, говорится в протоколе, прочитать лекцию о Карле Марксе в связи со 102-й годовщиной со дня его рождения.

Через два дня, 6 мая, проходило общее собрание райкома. Здесь, претворяя в жизнь предложение Гашека, работник партийной школы Красной Армии товарищ Диман прочитал лекцию, посвященную основоположнику научного коммунизма Карлу Марксу.

На собраниях райкома при обсуждении вопросов возникали оживленные дискуссии. Случалось, что предварительные решения после дискуссии менялись. Так, например, на расширенных заседаниях райкома организационные вопросы не обсуждались, а откладывались до собрания с представителями ячеек. Это позволяло обсуждать здесь первоочередные вопросы идеологического и практического характера. В низовые организации посылались товарищи, которые проводили партийную работу непосредственно на местах, используя конкретные факты и примеры. Такое мероприятие начали практиковать здесь после дискуссии, возникшей между председателем райкома Гашеком и товарищем Кольманом.

Как видно из документов о работе Гашека в Иркутске, он и на фронте строительства был на своем месте. Ведь именно красноармейцы первыми вместе с жителями взялись за дело, когда партия на IX съезде призвала присту-

пить к мирному строительству. Они же усилили и охрану Советской страны, поскольку интервенция еще продолжалась.

В Сибири возник новый тип войска, — войска, охранявшего железные дороги, склады, заводы. В состав этого войска, названного внутренней охраной республики, прежде всего полностью вошла 1-я и интернациональная бригада.

Докладывая вышестоящему органу о том, что с получением новой задачи «заметно оживилась политработа», Гашек как раз и имел в виду подразделения ВОХР.

На совещании работников политотдела 5-й Красной Армии в Красноярске Гашек привел в докладе деталь, которая расширяет перечень издававшихся им журналов. Речь идет о журнале «Всемирная революция». Ни в центральном, ни в областных и краевых архивах этот журнал не сохранился. А он, несомненно, позволил бы полнее судить о революционной и журналистской работе Гашека.

Я. Гашек во время пребывания в Иркутске.

ДАЛЬНЕЙШИЕ КРАСНОЯРСКИЕ ВСТРЕЧИ...

Когда Соня Чайка-Беранекова добралась в двадцатом году до Красноярска, ей было двадцать два года. Продолжительное время она находилась в больнице. А когда снова выздоровела, встретила в городе Вацлава Шпирита и своего будущего мужа Августина Беранека, приехавших сюда из Омска. Гашек знал обоих еще в Омске и несколько раз заходил к ним домой.

Политотдел размещался тогда на просторнейшей улице, в конце которой находились кинотеатр и читальня. Чуть подалее стоял небольшой деревянный домик, первый этаж в нем занимали Гашек и А. Г. Львова. За кладбищем и городским парком, как раз напротив дома Гашека, остановилась позже и чета Беранековых. Соня Беранекова поправлялась после тифа и нечасто выходила на прогулки. Всего один раз была она с мужем в городском театре. Тогда здесь шла пьеса «Возвращение домой», но она сохранила о ней смутное представление по той простой причине, что играли на сцене венгерские артисты, языка которых она не понимала.

Впервые Гашек заглянул к Беранекам как-то в апреле. Вместе с ним пришел и Вацлав Шпирит. Густа пригласил обоих в комнату и представил жене своего земляка Гашека. Вскоре, однако, все трое ушли, оставив ее в доме одну.

Так повторялось неоднократно.

Никогда не говорили ей, куда уходят. Она их и не расспрашивала, хорошо понимая, что это были небезопасные прогулки. Работая позже в больнице, сама убедилась в зверствах, которые чинило белогвардейское войско над красноармейцами.

Перед вокзалом в Красноярске стояли поезда с мертвыми. До отправки на восток это были эшелоны чешских солдат, оставленные перед Енисеем. Такая же судьба постигала поляков, сербов... Все они, кого свела вместе Антанта, в последние минуты жизни на просторах перед Енисеем поняли, как их обманули.

С весны двадцатого года в городе дислоцировалась 51-я дивизия. Ее комиссаром был Моисей Абрамович Вольфович, жена которого проживает сейчас в Зеленодольске, на левом берегу Волги, в северо-западной части Татарской АССР. Тогда она выполняла в частях дивизии обязанности агитатора. Оба, и комиссар, и его жена, получали и просматривали газету «Рогам-Штурм», в которой Гашек помещал свои фельетоны и передовицы.

Несколько месяцев спустя дивизия получила приказ освободить Иркутск. Но не успела она прибыть к месту назначения, как была передана в распоряжение фронта, а супруги Вольфович отозваны в политотдел 5-й Красной Армии. Когда Гашек приехал из Красноярска в Иркутск, он поддерживал с ними дружеские отношения.

В ИРКУТСКЕ И ЗАБАЙКАЛЬЕ

По быстро восстановленной магистрали, когда уже наступили теплые июньские дни, приехал Гашек в сибирский город Иркутск. Это было через два месяца после того, как на улицы освобожденного города вступили первые части Красной Армии и соединились с легендарными сибирскими партизанами. В Иркутске 5-я Красная Армия делает передышку, поскольку ее дальнейшее продвижение на восток могло послужить для японцев предлогом продолжать интервенционистскую кампанию. В Иркутске М. А. Вольфович был назначен начальником политотдела 5-й Красной Армии, а его жена занимала прежнюю должность — инструктора-агитатора.

Гашек присутствовал на митингах и собраниях не только в частях, клубах, но и в городских садах, неподалеку от берегов могучей сибирской реки Ангары. Выступал он по-русски, по-чешски, а, если надо было, то и по-польски. С особой убежденностью говорил он о необходимости объединять все силы для достижения победы над врагами революции.

В Иркутске проходил судебный процесс над главарем белогвардейских банд, которые, захватив сибирских большевиков, замучили их при переправе через Байкал. Главный обвиняемый Годленский получил тогда по заслугам.

Однако спокойствие не наступило. В Забайкалье ширилось восстание кулачества. Политотдел послал трех агитаторов, чтобы на месте ознакомиться с положением. Кулаки схватили их и подвергли страшным пыткам: выкололи глаза, вырезали на груди пятиконечную звезду. Последний путь большевиков вылился в массовую демонстрацию против зачинщиков зверской расправы. Именно в эти места, где кулаки имели ранее крепкую почву под ногами, выезжает позже по решению политотдела Гашек, чтобы оценить создавшуюся обстановку, разъяснить простым людям, что Красная Армия является их армией и они могут на нее во всем положиться.

Работы хватало. В самом городе находилось несколько интернациональных частей, в частности, китайский полк, две венгерские роты, немецкое подразделение, которое наряду с частями других национальностей входило в состав 134 полка по охране железных дорог.

К ним, а также к местным жителям и обращался Гашек на митингах. Товарищ Вольфович, например, хорошо помнит, как он говорил о своей родине, Чехословакии, о дружбе между русским и чехословацким народами. Прямо в глаза бросал тогда чехословакам, что буржуазное командование поставило их в один ряд с другими контрреволюционерами, мешающими русским рабочим и крестьянам в их решающих сражениях за новый мир, в бесстрашной борьбе за свободу.

О чем говорил Гашек на митингах в Иркутске, подтверждает и найденный документ. В корреспонденции «Митинг китайских граждан в Иркутске», опубликованной в газете «Власть труда» 14 июля 1920 года, сообщается:

«Интернациональное отделение политотдела армии устроило в понедельник, 12 июля с. г. в 12 час. дня, митинг для китайских граждан, на кот. выступали представитель Сибмиссии тов. Бруман, от политотдела армии тов. Гашек, от китайских коммунистов Чжень Чжан-хай.

На митинге присутствовало около 2000. Ораторы говорили на темы: «Китай и всемирная революция», «Организация союза китайских рабочих».

Все ораторы подчеркивали... надобность союза Китая с Российской Сов. республикой, как противовес стремлениям империалистов захватить и поработить Китайскую Республику».

***

Условия жизни военнослужащих и сотрудников были тогда невероятно тяжелые. Ощущался недостаток продовольствия, часто не хватало топлива. У Вольфовичей была маленькая, пятимесячная дочь, жили они при политотделе в просторной, но холодной комнате. И сколько было радости, когда красноармейцы приносили им немного овощей и соли! Тогда жена начальника политотдела готовила свежий суп не только для своей семьи, но и для других сотрудников. Все это хорошо знал внимательный к людям Гашек. Он никогда не возвращался из командировок домой с пустыми руками. Однажды устроил Вольфовичам неожиданный сюрприз. Вернувшись с дороги несколько раньше, чем предполагалось, он зашел к Вольфовичам и вручил хозяйке свой необычный подарок — курицу.

Воспользовавшись трудностями советской республики, начали поднимать голову враждебные элементы. Уже перед X съездом РКП(б) они вынашивали планы о внутреннем подрыве республики. «Рабочая оппозиция» настаивала на передаче промышленности в руки «Всероссийского съезда производителей». Другие добивались пресловутой свободы фракций. Подавали голос и троцкисты. В такой

№ <u>310</u>	
Членский билет.	Место
Предъявитель сего тов. <u>Гашек Ярашев</u>	для
член Ирк. Городского Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов от <u>Бармин.</u>	фотографической
Председатель <u>Касантин</u>	карточки.

Членский билет Я. Гашека.

обстановке и проходили в Иркутске выборы в городской Совет. Во время выборов в горсовет — от Красной Армии был выдвинут и Гашек — меньшевики потерпели полный провал.

Но Гашек выполнял, конечно, и другие функции. Об этом свидетельствует письмо, которое направил ему 16 октября 1920 года товарищ Вольфович.

«Ярославу Романовичу Гашеку,
начальнику Чешско-Словацкого комитета
пропаганды и агитации при губернском
комитете РКП(б) в Иркутске.

При эвакуации б[ывших] в[оенно]пленных на родину через Владивосток г. Иркутск является последним агитационным красным пунктом, где интернац[иональный] стол должен снабжать литературой много тысяч мадьяр и немцев, написанной специально для уезжающих, которые несколько недель еще остаются в городе Верхнеудинске.

Интернац[иональный] стол должен снабжать газетой венгерских и немецких красноармейцев и рабочих, находящихся в Красной Армии до города Красноярска и в Нар[одной] рев[олюционной] армии, число которых не меньше 10 тысяч.

Кроме этих, издается бурято-монгольская газета, которая имеет громадное значение и является единственным органом во всей Совет[ской] России.

Ввиду этого, необходимо оставить аппарат издательства и его технических работников...»

***

Это письмо явилось толчком к тому, что Гашек привлекает к работе в редакции буряты Тунуханова и начинает издавать первую газету на бурято-монгольском языке «Заря». Нигде: ни в иностранных, ни в государственном архиве в Улан-Удэ — впоследствии ни одного экземпляра газеты обнаружить не удалось. Однако современники помнят, что несколько номеров ее вышло.

Гашек писал статьи для журнала по-русски, а Тунуханов переводил их. Типография находилась в Иркутске на улице Красной звезды.

Там же продолжала выходить и армейская газета «Штурм», о чем свидетельствуют номера 22 и 24 от 10 и 17 июня 1920 года Гашек призывает в них вступать в Красную Армию, присоединяться к Коммунистическому Интернационалу. Печатает он и лозунги, наиболее характерным из которых является лозунг «Классовая армия пролетариев вырвет оружие из рук буржуазии». В номере 24 помещен неизвестный фельетон, высмеивающий Каутского. Содержание фельетона весьма занимательно, что видно из самого

названия «Политическая алгебра немецких социал-демократов». В обоих номерах газеты «Штурм» передовицы подписаны самим Гашеком. Первая из них называется «Дурак его величества». В ней высмеивается венгерский кадет, который и после падения ненавистой Австро-Венгрии, подписывая какой-либо документ, обязательно добавлял: «...кадет 7 артиллерийской его величества дивизии».

Вторая передовица написана по случаю II конгресса Коммунистического Интернационала в Москве и битвы с панской Польшей. В заключение Гашек пишет: «Рабочие всех стран подняли молоты, чтобы расплющить лбы империалистам и буржуям. Подготовим организованное наступление на царские и президентские троны, уничтожим порядки старого мира».

Подобные статьи можно найти и в других изданиях, в которых сотрудничал Гашек в Иркутске. К ним относятся газета «Красный стрелок», где редактором был В. Я. Зазубрин, газета «Власть труда», где в апреле 1920 года напечатана статья Гашека «Чешский вопрос», а также журнал «Вестник Поарма-5».

ЧЕШКО-СЛОВАЦКИЙ КОМИТЕТ ПРОПАГАНДЫ И АГИТАЦИИ

В половине двадцатого года в Иркутске при губкоме РКП(б) во главе с Гашеком был создан Чешско-Словацкий комитет пропаганды и агитации. Разместился он на одной из улиц в небольшом, впоследствии снесенном домике. Некоторое время проживал здесь и Гашек. По характеру новой работы последний был связан с товарищем Розановым, тогдашним политическим комиссаром штаба 5-й Красной Армии. Товарищ Розанов как политработник больше всего времени проводил в воинских частях. Посещал он также интернациональные подразделения, где Гашек с несколькими сотрудниками проводил повседневную политическую работу. Давалось это нелегко. Оставшиеся офицеры империалистических армий в местах, где дислоцировались интернациональные подразделения, постоянно пытались вызвать волнения.

Поздней весной Сибирь зазеленела, с горных ручьев, густо разбросанных под Красноярском, хлынула вода.

Белогвардейцы стягивались на восток. В лесах возле Нижнеудинска товарищ Розанов встретил интернациональное подразделение. Здесь получали газету, названия которой он не понимал. Однако среди бойцов нашлось несколько человек, сравнительно хорошо говоривших по-русски, и с ними можно было побеседовать. Розанов осведомился, интересуется ли их газета. Один из солдат, которого он затем несколько раз встречал в Иркутске, якобы ответил за всех: «Читаем с охотой...»

Члены Реввоенсовета 5-й армии (слева направо): Гинзбург, Смирнов, Розанов (комиссар штаба) и командующий 5-й Красной Армией Тухачевский. Розанов посещал собрания чехословацкой секции коммунистов, где председательствовал Я. Гашек.

— Только Гашек пишет очень мало,— добавил он.— Мог бы писать почаще...

Товарищ Розанов разъяснил, что их любимому автору приходится не только писать и выпускать газету. Издание газет и листовок, распространение брошюр и книг (он написал книгу «О попах») — лишь часть его работы.

Об этом Розанов хорошо знал. Вместе с Гашеком и Главачеком он принимал участие в составлении известного документа, датированного 17 сентября 1920 года.

«Опыт полугодовой работы среди оставшихся в Сибири чехословаков показал, что они — как бывшие военнопленные империалистической войны, заброшенные против своей воли, в силу обстоятельств, в Сибирь — представляют элемент, естественно тяготеющий в силу коренных психологических и экономических связей к родной стране, и, следовательно, живущий на территории России временно!

Учитывая этот факт, чехословацкое бюро рассматривает временное жительство чехословаков в России вообще как практический политический опыт, как практическую подготовку и сосредоточивает все внимание на то, чтобы по возможности углубить эту подготовку и направить ее на путь активной поддержки революционного движения на Западе.

Ибо в связи с упрочивающимся политическим положением Советской России и надвигающейся социальной революцией на Западе переброска туда способных и специально подготовленных сил является, с точки зрения революционной тактики, весьма важным приемом, значение которого оценивается всеми выдающимися политическими вождями России.

Поэтому вся работа чехобюро главным образом велась в рамках усиленной подготовки, преследующей как конкретную цель — образование кадра политически созревших работников, то есть резерва, из которого в любое время было бы возможно отозвать более способные силы для дальнейшей подготовки в Москве и затем для использования в классовой борьбе на Западе. Именно в этой части программы бюро составляет основу будущей работы».

Комитет рассматривает эту часть программы как основу своей деятельности.

Таково содержание протокола одного из последних заседаний президиума Чешско-Словацкой секции. Протокол этот сохранился в областном архиве КПСС в Иркутске.

Все три члена президиума собрались тогда в штабе, размещавшемся почти на окраине Иркутска. В городе уже налаживалась нормальная жизнь, местные заводы начали выпускать продукцию. А главное, крестьяне, подхватив призыв партии, засевали наделы с тем, чтобы после сбора урожая в какой-то степени улучшить снабжение населения.

Главачек и Розанов с нетерпением ждали Гашека. Появившись, тот стал рассказывать, что наказал возчику раньше уехать к казармам охранного полка на берегу Ангары, а сам отправился пешком. Интересовался тем, что увидит по дороге...

— Возле церкви услышал любопытный разговор,— пояснил он и продолжал:— Церковь для них важнее, чем работа. А еще кричат о недостатках. Но я им там хорошо сказал. Нечего им теперь ждать добра, если сами о нем не позаботятся, не приложат усилий...

Когда позже здесь, в штабе армии, снова встретился с Розановым — Гашек замещал начальника политотдела М. А. Вольфовича,— то с восторгом рассказывал о Бурят-Монголии. В этот край его сопровождала Александра Гавриловна. Они познакомились с местами возле озера Байкал, вода в котором чистая, голубоватая, добрались до границ Монголии. В здешних степях узнали простых людей, ведущих кочевой образ жизни. Уже раньше он слышал в редакции от Тунуханова об этой удивительной земле, богатой различными травами и цветами, из которых местные жители готовят превосходные растительные лекарства против всех людских недугов.

Так Гашек узнал степные места возле Улан-Удэ, Баргузина и Кяхты. Но больше всего ему понравилась верховая езда на диких степных лошадях.

ПРИКАЗ ГАШЕКА ОБ ОТКОМАНДИРОВАНИИ В. А. БРИКЦИУСА

Военные дороги привели в Сибирь и чеха В. Брикциуса. Сначала он жил в Красноярске, а затем добрался до Иркутска, где его свалил тиф. Лечился в военной больнице, размещавшейся на Знаменском предместье. Испугавшись наступления Красной Армии, Брикциус бежал из города и очутился в 300 км от него — в Качуге.

Но все же он попал к красноармейцам в плен, и конный отряд заключил его в казармах в Верхоленске. Находился там разношерстный сброд, начиная от попов и кончая кулаками. Брикциус, единственный чех, совсем растерялся. Смирившись со своей судьбой, он поглядывал из окна на здание, в котором размещалась канцелярия. Однажды

во дворе появилось несколько красноармейцев во главе с человеком, которого заключенный хорошо знал.

— Ярда! — крикнул он.

— Ярда, это я здесь! — снова громко повторил. Однако ему показалось, что даже после второго возгласа Гашек остался равнодушным, направляясь в канцелярию.

Вскоре двери тюрьмы отворились и красноармеец повел Бриксиуса в канцелярию. Сразу же узнав вошедшего, Гашек пожал ему руку и сказал, что возьмет с собой в Иркутск. И тут же распорядился, чтобы заключенного не отводили обратно, что он забирает его с собой. Так с Гашеком Бриксиус и приехал в Иркутск. Здесь Гашек предложил ему вступить в Красную Армию, распорядился зачислить его в местный охранный полк. 6 октября 1920 года командиру охранного полка был доставлен приказ, сохранившийся в областном архиве КПСС. Он гласил:

«На основании телеграммы Сибирского комитета от 27 сентября за № 4932 отправьте в Москву всех чехословацких коммунистов. Чешско-Словацкий комитет пропаганды и агитации при партийном комитете в Иркутске просит ускорить откомандирование товарища В. А. Бриксиуса, прибывшего в вверенную вам часть из военной комендатуры в Верхоленске.

Председатель Г а ш е к».

Гашек вручил затем Бриксиусу документы, с которыми тот выехал из Сибири в Москву, а далее в Гамбург и через Балтийское море и Германию — в Чехословакию.

Приведенный случай свидетельствует о том, что Гашек доверял людям, которые временно попадали и на другую сторону баррикады, на которой он стоял сам. Он помогал, если видел, что его помощь нужна. В своей дальнейшей жизни В. Бриксиус так и не стал участником революционного движения, больше, чем жил на родине, скитался за границей. После возвращения из страны Советов, как и другие, он делился тем, что видел. Однако никогда не доходил до такой низости, как некоторые другие, которые, не зная о деятельности Гашека в революционной России, осуждали его, клеветали перед чешским народом. После возвращения Гашека в Чехию было ведь немало легионеров, распускавших слухи, что он приказывал расстреливать и вешать чехов. Случай с В. Бриксиусом, подтверждае-

мый найденным документом, опровергает эту никчемную клевету. Выполняя высокие функции, Гашек поступал как коммунист. Но если учесть, что это было время решающей схватки за судьбу пролетарской революции, то не приходится удивляться подчас строгим мерам.

ОПЫТ ПАРТИЙНОГО И СОВЕТСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Можно привести немало примеров, показывающих, как внимательно следил Ярослав Гашек за опытом партийного и советского строительства в первой социалистической стране. Об этом свидетельствуют документы, в частности, его переписка с партийными и советскими органами Сибири.

В письме, адресованном губернскому Совету народного хозяйства в Иркутске, по существу первому органу советского строительства, Гашек сообщает, что приблизительно в 16 верстах от Усть-Кутских государственных соляных промыслов «...в верхнем течении реки Лены находится месторождение, где каждый делает что ему заблагорассудится. Пуды, а то и сотни пудов остаются без контроля, и каждый поступает с ними как захочет. Некоторые, используя такое положение, создают громадные запасы, а затем спекулируют солью на рынке».

В письме губернскому комитету РКП(б), губернскому военному комиссариату и губернской чрезвычайной комиссии по борьбе со спекуляцией и контрреволюцией он указывал на засорение аппарата Балаганского районного военкомата бывшими колчаковскими офицерами.

В другом письме Лиственичному ревкому Гашек от имени политотдела 5-й Красной Армии предлагает обратить внимание на оказание немедленной помощи «всем семьям, пострадавшим от контрреволюционеров».

Гашек чутко, по-товарищески относился к новой жизни, рождавшейся в бедности и лишениях. Он очень ценил русский народ. В этом и здесь, в Сибири, лишний раз убедился хорошо знакомый нам наборщик военной типографии Степан Викторович Ганцеров. Особую заботу проявлял Гашек о молодых людях, к которым принадлежал тогда и сам Ганцеров.

Однажды, например, Гашек, придя в типографию, сказал Ганцерову: «Какие у нас люди, а? Просто удивляешься. Плохо обутые, полуголодные, они мужественно идут

вперед, бьют ненавистного врага, обутого, одетого в новые английские мундиры, бьют до зубов вооруженных белогвардейцев».

Через несколько дней после приезда в Иркутск походную типографию сняли с колес и разместили в двухэтажном домике на улице Красной звезды. Он до сих пор стоит на прежнем месте. На первом этаже находилась типография, на втором — редакция армейской газеты. Гашек здесь бывал часто. Время от времени он навещал редакцию, а затем заходил побеседовать в типографию. Редактором газеты «Красный стрелок» был тогда Владимир Яковлевич Зазубрин, автор известного впоследствии романа «Два мира».

Зазубрин также находился с Гашеком в приятельских отношениях, они часто вместе дискутировали о литературном творчестве. Как только мнения расходились, звали Ганцерову, чтобы тот их рассудил. Однажды долго спорили в наборном цехе, а потом позвали Ганцерову. Тот узнал, что спор касался довольно интересной темы — моральных качеств литературного героя. Гашек, прохаживаясь по цеху в пимах, сибирских валенках, говорил Зазубрину: «У твоих героев очень мало жизни, радости, люди как будто потеряли оптимизм».

— Зато твои герои уж слишком веселые, — отвечал Зазубрин.

Спор так и не был закончен. Но Ганцеров, внимательно прислушивавшийся к доводам обоих, больше склонялся на сторону Гашека, нежели Зазубрина.

В армейской типографии на улице Красной звезды под редакцией Гашека вышла еще одна газета.

Было это так...

Состоявшиеся в августе выборы в городской Совет Иркутска, во время которых убедительную победу одержали большевики, явились по существу окончательным установлением советской власти в этой части Сибири, крае скал, озер и тайги. Гашек непосредственно входил в состав избирательной комиссии, принимал участие на собраниях в интернациональных подразделениях, на сходках местного населения. Но больше всего, что типично для Гашека, работал в области печати.

Горсовет поручил ему подробно информировать о выборах и их значении для бывших военнопленных, находившихся на территории Сибири. Такая задача, с чем согла-

сился и товарищ Вольфович, начальник политотдела, была поставлена перед Гашеком не случайно: все сотрудники знали о его журналистской деятельности, были знакомы с его фронтовыми фельетонами и статьями. Потому-то во время выборов в горсовет Гашек и занялся печатным изданием. Так появилась новая газета, подобная газете «Рогам-Штурм», редактором которой являлся Гашек, и которая должна была способствовать настоящей, пролетарской интернациональной солидарности при выборах в горсовет.

Газета, как явствует из заголовка, издавалась горсоветом в Иркутске. Ее название «Совет» напечатано крупными буквами, а дальше дается перевод этого слова на шести языках, в том числе приводится и чешское слово «Рада». Главный лозунг «Пролетарии всех стран, соединитесь!» напечатан только по-русски.

Гашек намеревался издать несколько номеров этой действительно интернациональной газеты. Однако из-за недостатка времени удалось выпустить лишь один номер, датированный 7 августа 1920 года и показывающий, как понимал Гашек принципы пролетарского интернационализма.

Как само название газеты, так и статьи напечатаны на нескольких языках. Здесь можно встретить русских, венгерских, немецких и английских авторов, а на второй странице помещена также статья Гашека на его родном языке. По всей вероятности, это его последнее выступление, завершающее пятилетнее пребывание на шестой части мира и появившееся почти два с половиной года после того, как он с 5-й Красной Армией прибыл в Западную Сибирь и находился на территории Азии.

Статья Гашека представляет для нас интерес прежде всего потому, что показывает его отношение к событиям как в сибирском Иркутске, так и на нашей родине, например, в Праге или Остраве. Вот как он реагирует на события, свидетелем которых являлся.

«КО ВСЕМ ЧЕШСКИМ РАБОЧИМ И СОЛДАТАМ КРАСНОЙ АРМИИ

Мы стоим на пороге выборов в Иркутский городской Совет рабочих и солдат Красной Армии. Русских рабочих волнует вопрос о том, кого будут избирать чешские рабочие и солдаты Красной Армии. Ответ каждому ясен и по-

нятен. Каждый чешский рабочий, пролетарий, по-настоящему сочувствующий русской пролетарской революции, давно уже осознал, что только русские коммунисты уничтожили насилие класса богачей, власть буржуазии и указали рабочему классу своей страны, всего мира единственно правильный путь, по которому следует идти, чтобы уничтожить нынешнее общество.

Если сегодня у нас, в Чехии, Моравии, Силезии и Словакии, народ выступает на улицах, в печати за власть рабочих, крестьянских и солдатских Советов, если слово «Совет» стало громким лозунгом во всей теперешней буржуазной Чехословацкой республике, то само собой разумеется, что чешские пролетарии в огромном большинстве поддерживают коммунистическую советскую Россию, что коммунистическое движение в Чехии является силой трудящихся.

Полная солидарность чешских рабочих с русскими лучше всего выражена в поступках рабочих металлургических заводов Кладно, которые в июле купили паровоз, чтобы подарить его коммунистической русской республике Советов. Это лишь один из многих фактов практического проявления солидарности рабочих Чехии с рабочими России. Через Чехословакию империалисты не провезли ни одной винтовки для польских разбойников.

И здесь чешский рабочий и солдат Красной Армии должен практически, как и земляки дома, подтвердить то же самое, т. е. тесную связь с рабочей Россией, с коммунистической Россией.

Он будет избирать в Иркутский городской Совет только русских товарищей-коммунистов, своим голосованием в далекой Сибири выразит солидарность с чешским рабочим

Иван Григорьевич Мур^ашов,
наборщик армейской
типографии,
фронтной дру^г Гашека.

и солдатом, провозглашающими на улицах Кладно, Брно, Праги, Остравы: «Да здравствует Совет рабочих, крестьян и солдат!»

Я р о с л а в   Г а ш е к».

Такова была позиция Ярослава Гашека, позиция большевика, коммуниста.

Рабочие иркутской типографии с трудом набрали статью Гашека. Как видно из текста, им не хватало нужных букв. Но технические недостатки типографии не могут заслонить воодушевления, веру в доброе дело тех, кто вместе с Гашеком принимал участие в издании газеты. Ведь в то, чтобы уже накануне выборов в городской Совет подготовить победу коммунистов, они вложили частицу своего сердца. Товарищи Ганцеров и Мурашов выполняли работу самоотверженно, с любовью.

Вскоре после выхода в свет газеты «Совет» Гашек пришел в типографию и сообщил сотрудникам, что уезжает на родину.

— Товарищи,— сказал он,— завтра уезжаю домой. Прощай с вами большой боевой путь, о котором никогда не забуду.

Это была последняя встреча С. В. Ганцерова с Гашеком. Пожали друг другу руки.

Затем Ганцеров проводил его к дому.

Стоял сильный, настоящий сибирский мороз. На небосводе горели звезды. Обоим в ту минуту было на душе несказанно тоскливо...

ГЛАВА IV

ВОКРУГ ГАШЕКА И «ШВЕЙКА»

Мы безмерно благодарны Ярославу Гашеку за его творчество. Швейк Гашека завоевал чешскому народу симпатии во всем мире. Бравый солдат Иозеф Швейк заслуженно вступил в галерею бессмертных образов мировой литературы, заняв место рядом с великими образами юмористических и сатирических произведений Сервантеса, Рабле, Диккенса, Гоголя и др.

*Вацлав Копецкий в речи
от 2 августа 1959 года «К открытию памятника Гашеку в Липнице»*

О ВИЗИТЕ ГАШЕКА ИВАНУ ОЛЬБРАХТУ

Возвращение Гашека из революционной России явилось для многих его друзей неожиданностью, а для большинства тогдашних так называемых «культурных» деятелей в Чехии неожиданностью неприятной. Об этом он хорошо знал... Когда в пражском секретариате социал-демократии Гандлирж посмеялся над ним, Гашек несколькими днями позже, случайно встретив Иозефа Штайна, бывшего функционера чешско-словацкой компартии в России, сказал: «Итак, как функционер выступать не буду. От партии не отступлюсь. Хочу помогать ей посредством печати и как писатель».

И он начал тогда работать над произведением, которое было, есть и останется непревзойденной сатирой на империалистические войны.

За короткое время пребывания в Чехии Гашек издает «Приключения бравого солдата Швейка», в июле 1921 года полностью выходит первый том. Первый издатель, у ко-

того он жил в Жижкове на Еронимской улице, №3, широко разрекламировал книгу. Но у Франты Сауэра не хватало на нее средств даже с тем вкладом фотографа Чермака, которым он на всякий случай заручился. Франта

Ярослав Гашек
по возвращении из СССР
в Чехословакию.

остался тогда лишь с секретарем Иваном Суком и тремя женщинами — Фанинкой и Бетинкой, сестрами Сауэра, а также Александрой Гавриловой, которую здесь, в Чехии, называли Шурой и которая приехала с Гашеком из революционной России.

В те послевоенные годы наши люди потешались над всевозможными приключениями Швейка, но критика о нем упорно молчала. Этот обет молчания нарушил Иван Ольбрахт. В газете «Руде право», куда он писал короткие политические заметки, на сей раз за его подписью появилась о «Швейке» обширная статья.

Произошло и еще нечто, о чем не знает общественность.

После выхода в июле полностью первого тома «Швейка», Сауэр, придя как-то домой, сообщил Гашеку интересную и отрадную новость: «Ты должен пойти в Крч к Ивану Ольбрахту. Он приглашает тебя на обед».

Быть позванным в Крч на обед — событие немалое. Ольбрахт жил там со своим отцом Анталом Сташеком в полном уединении. Когда Гашек пришел в Крч с официальным визитом, то был немало удивлен тем, что Ольбрахт встретил его как старого друга, хотя знал о нем лишь по рассказам Сауэра, Сука и Софьи Самойловны Гончарской. С последней, комиссаром Дальневосточной республики, а до этого заместителем начальника политотдела 27 дивизии 5-й Красной Армии, Гашек сотрудничал в Башкирии и Западной Сибири. Ольбрахт встречался с ней в Москве. Она многое сообщила о работе Гашека в Красной Армии, о чем он также рассказывал в своей статье.

После обеда в домике на окраине Праги Гашек чувствовал себя в обществе Гелены Малиржовой и Антала Сташека настоящим писателем. Наряду с другими вопросами обсуждался также состав Гашекового «предприятия», причем был брошен упрек, что того парня Ивана «таскает по трактирам, когда уж там ему учиться...»

Гашек возражал: «не я, а он таскает меня с Франтой...» Ольбрахт был снисходителен. Да и мог ли он быть другим, если смотрел в бесхитростные, открытые глаза Гашека.

Сук знал от Ольбрахта о нотации Гашеку. На информацию, которую Сук дал Ольбрахту о Гашеке накануне визита в Крч, услышал в ответ: «Да он вовсе не такой, как представляют. Совсем другой. Какой же он грубиян? Все это выдумки».

И Сук не мог тогда не признать, что Ольбрахт прав, хотя увидел тот Гашека лишь через сутки таким, как и представлял себе: человеком, который избрал пролетарский Жижек, как для славной картины подбирают подходящую рамку.

Гашек, а заодно и Сауэр приняли слова Ольбрахта близко к сердцу. В трактире «Елинек» на Хорватской улице посоветовались и решили, что секретаря по случаю учебы от работы освободят. Однако возникла загвоздка: не было денег. Секретарь снова пришлось кстати: с помощью знакомого он быстро сумел их раздобыть.

После этого наступило спокойствие. Не приглашали Сука даже в трактир «Каменачи» на проспекте Гуса, где вместо Шнора обслуживал новый хозяин Беда Клупак. Необходимость в секретаре издательства, инкассаторе, разносчике писем и плакатов отпала.

Все обязанности, зная о большом интересе к «Швейку», охотно взял на себя издатель А. Сынек. Кроме того, на новые издания в Жижекве уже не было средств.

Секретарь, за которого заступился Ольбрахт, получил подтверждение о верной службе, которую ценил больше, чем диплом юриста. На прощанье автор «Швейка» написал ему на книге:

«Освобожденному секретарю нижеуказанного издательства Суку Ивану.

Я р о с л а в Г а ш е к».

Это было 27 июля 1921 года...

ПЕРВОМАЙСКИЙ ПРАЗДНИК ГАШЕКА ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ ИЗ СТРАНЫ СОВЕТОВ

Но даже до этого, в самое тяжелое время, когда заседавшие на ведущих постах в секретариате левых социал-демократов на Перштыне изменники рабочего класса недоброжелательно относились к Гашеку, он не замыкался в себе. Наоборот. Быстро откликнулся через «Руде право» и острой сатирой бичевал господствующую чешскую буржуазию и ее пособников. Немалая заслуга в этом и другого приятеля Гашека — поэта и писателя Йозефа Горы. Он редактировал тогда «Рабочую беседу», литературное приложение к газете «Руде право», и так же хорошо, как Иван Ольбрахт, сумел оценить политическую и литературную деятельность Гашека. Накануне мая, до того, как в Карлине состоялся учредительный съезд Коммунистической партии Чехословакии, Гашек пришел к Горе в редакцию и вручил ему рукопись фельетона «Какие я писал бы передовицы, если бы был редактором правительственного органа». Здесь речь идет уже не о личности самого Гашека, как это было в январе, когда в Копрживах он напечатал ответ клерикальному изданию «Час». В «Руде право» Гашек высказывается по важнейшим общественным и политическим вопросам, касающимся всего народа.

К майскому шествию, пережив бурные события в декабре 1920 года, готовилась вся Прага. Приближалось время, когда левые и правые социал-демократы решили открыто померяться силами. И вот настал первый майский, цветущий день. Йозеф Гора и корреспондент либерецкой газеты «Форвертс» Ф. С. Вейскопф дошли до угла улицы Мостек и оттуда смотрели на площадь Вацлава. Медленным шагом в редких колоннах по шесть человек проходили перед ними правые во главе со своими руководителями вроде доктора Соукупа.

Вейскопф пересчитывал ряды...

Вдруг от дома, в нижнем этаже которого размещался трактир «Эдисон», по тротуару, запруженному пражанами, пробирався Ярослав Гашек. Приблизившись к углу Мостека и Пжикопа, увидев Гору, он сказал: «Это же, Пепичка *, настоящие похороны...»

Гора засмеялся, поздоровался с Гашеком, а тот продолжал:

— Что думаешь? Как напишут, сколько их было?

— Разве не знаешь «Право лиду»? *

— Да уж разбираюсь в газетах... В Киеве, когда был там во время войны, меньшевики поступали не иначе. Врали, как печатали...

В этот момент по обеим сторонам появились люди с красными флагами и шествие левых на Мостеку слилось в единый могучий поток трудящихся, заполнив просторную площадь Вацлава вплоть до музея.

Все три газетчика стояли и смотрели на эту красоту, о которой мечтали и за которую шли в бой. Сейчас на родине, в Чехословакии, Йозеф Гора увидел Гашека таким, каким его знали в Советах многие красноармейцы: то был момент сосредоточенного внимания, важный момент.

И здесь пражане пели на первомайской демонстрации «Интернационал». Сколько раз пел Гашек этот пролетарский гимн в Башкирии и Сибири! Дождался, что рабочая песня неслась и над площадью Вацлава, а он был одним из тех, кто присоединил свой голос к тысячам других. Когда пение закончилось, Гашек пообещал Горе, что снова принесет что-либо для «Руде право». Это обещание в виде фельетона под заголовком «Заметки» он выполнил. 8 мая 1921 года «Руде право» публикует еще один фельетон Гашека «Что я посоветовал бы коммунистам, будь я главным редактором правительственного органа «Чехословацкая республика»...

Например, «чтобы перед каждым митингом они являлись в редакцию нашего органа и получали от тайного советника ясные указания, как и что говорить. Мы их тут же сфотографируем, а снимки пошлем в полицейское управление — на память».

С ПАНУШКОЙ В ЛИПНИЦЕ

Дом в Жижкове, где Гашек так хорошо познал начальный период масариковской республики, был его последним пристанищем в Праге. Поднимаясь по винтовой лестнице в снимаемую комнату, он смотрел из окна на Витков, а затем принимался писать...

Пражские друзья Гашека замечали, что силы его убывают и, несмотря на веселость, дают о себе знать последствия тифа и военных лишений. Лойза Гикеш, старый друг писателя, припоминал, что жижковский врач доктор Грюнфельд советовал переменить обстановку, что городская

жизнь ему вредит. Но только художнику Ярославу Панушке, старому другу Гашека, удалось склонить его поехать на Чешско-Моравскую возвышенность в окрестности старинной Липницы.

Гашек, рассматривая подобную поездку лишь как экскурсию, согласился...

Панушка, проживая тогда в Липнице, где рисовал (будь то в трактире «У Чешской коруны», либо в домике на окраине Кейжлиц), переговорил с трактирщиком Инвальдом и заручился комнатой с видом через дворик на площадь. После совместного приезда из Праги Панушка пригласил на следующий день Гашека к себе.

В знойный, августовский день Гашек спустился с липницкого холма и направился по пыльной дороге к небольшому особняку на окраине Кейжлиц. У садовой загородки стояла жена Панушки, а возле нее чем-то забавлялся сынок художника Ярослав.

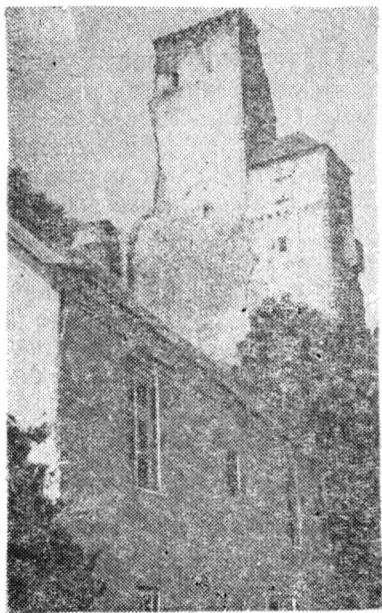
— Отец дома? — спросил Гашек, подойдя поближе и узнав жену художника Марию.

— Нет его, куда-то ушел, — ответила та, желая удержать мужа дома.

Она знала, что если сойдутся вместе, то муж с Гашеком куда-либо отправится и не скоро вернется.

— Ну, мама... Ведь папа дома, — поправил ее сын Ярослав, полагая, что поступает как нельзя лучше, и даже выбежал навстречу гостю, чтобы открыть калитку.

С того времени, накануне именин Марии, и до самого приезда Шуры Гашек ходил с Панушкой по окрестности, присматривался, как легко тот рисует. Под кистью ожи-

Гашек жил в Липнице
в доме № 185
под этим кремлем.

вали местные пейзажи, картины милых уголков, и в голове Гашека рождались новые мысли. Пробудилось желание продолжать работу над «Швейком».

На именины жены художника, как вспоминает пани Инвальдова, приехала в Липницу к Гашеку и его жена Шура. Поскольку, как иностранка, она плохо знала местность, привез ее сам Франта Сауэр. С той поры жила она с Гашеком на нижнем этаже ресторана, что напротив почты и дома здешнего сапожника Крупички.

Сауэр, израсходовавший на предприятие все свои и, главным образом, сбережения брата, обанкротился и вскоре вернулся в Прагу. А Шура с Гашеком надолго остались в Липнице, поняв, что найдут здесь хороших друзей. Некоторых из них Гашек знал и раньше, чувствовал себя здесь спокойно.

Жители Липницы любили Гашека и часто сопровождали его в прогулках по краю.

Пирамида — одна из значительных вершин, не намного уступающая Мелеховой вершине, высшей точке возвышенности. Как-то Панушка перед отъездом в Прагу (он имел там квартиру в Нуслях на улице Палацкого, 608) послал компанию Гашека в сопровождении старшего сына на Пирамиду и сказал, что скоро вернется, пусть его там на вершине подождут.

Когда уставшие путники добрались к условленному месту, то поудобнее расположились на краю леска и ждали. Прошло немного времени, и Гашек, увидев, что сын художника Ярослав что-то рисует, попросил его: «Дай мне четвертушку бумаги». Затем попросил и карандаш. Пристально присматриваясь к Шуре, он делал вид, что рисует.

— Что вы рисуете, пан Гашек? — осведомился Ярослав.

Друг Гашека, заслуженный художник Чехословакии Ярослав Панушка.

Рисунок Ярослава Гашека, на котором он изобразил Александру Гавриловну Львову-Гашекову (слева) и ее подругу — русскую женщину из Алтая Анну Сергеевну Пономареву-Коларжову 5 октября 1921 года в Липнице,

— Вот, свою Шурочку...

— Ты что, Ярославчик, умеешь рисовать? — засмеялась она. Но Гашек уже перестал ее рассматривать и сосредоточил теперь свое внимание на Нюре (Анне Сергеевне Пономаревой-Коларжовой), приятельнице Шуриньки.

Обе женщины посмеивались, но Гашек не смущался.

В этот момент к ним приближался, как и обещал, художник Панушка. Как только он появился на краю леска, Гашек протянул ему листок и сказал: «Посмотри-ка, художник, как я рисую».

Панушка взял листок и несколько минут рассматривал.

— Что, мог бы научиться, нет? — спросил Гашек.

— Ярда, а ведь ты нарисовал совсем недурно, — ответил Панушка и заметил, что если бы учился, то и в живописи кое-чего добился бы.

— Если рисунок так понравился, то я дарю его тебе... — согласился Гашек и сделал на листке памятную надпись.

Так на рисунке Гашека появился текст: «Пани Анна Сергеевна Коларжова, Шуринька Львова, рисовал на Пирамиде 5 октября 1921 года Ярослав Гашек. Посвящается художнику Панушке».

ГАШЕК В «МАЛОМ МЛЫНКЕ» *

Предприятие по производству манки, о качестве которой упоминается в романе о Швейке, находилось неподалеку от Коханова в «Малом млынке». В то время, когда сюда ходил Панушка, а вслед за тем и Гашек, усаживались они в закусочной Марии Инвальдовой, матери трактирщика Инвальда из Липницы, возле окошка, из которого открывался вид на мельничный лоток. Мимо лотка вела дорожка, по которой кратчайшим путем ходили обычно из Липницы...

После приезда в августе месяце на равнину Гашек с Панушкой направился по этой тропке к старому другу Пепику Коларжу. Как только обменялись приветствиями, вспомнили предвоенные годы, Гашек отозвал Коларжа в сторону и доверительно сказал: «Взгляни-ка на эти штаны...»

И вправду. В одном месте портновское искусство было нарушено. Тут же с Коларжем быстро пришли к единому выводу и на месте произвели улучшение. «Такую услугу

человеку может оказать только настоящий друг», — заметил при этом Гашек.

Гашек и Коларж были старыми, довоенными знакомыми. Собственно говоря, свел их вместе другой житель Липницы учитель Ольдржих Шикирж. Получив возможность учиться, чтобы стать художником, последний уехал в Прагу. Шикирж не только учился рисовать, но и посещал различные места, перенимал опыт мастеров искусства. Однажды молодой учитель и начинающий художник очутились в Монтмартре, куда привели с собой также Пефика Коларжа.

Об этой давнишней встрече и вспомнили сейчас здесь, на равнине.

«Помнишь, Ярослав, как ты рассказывал нам о своей поездке в Венгрию?» — спросил его в закускойной Коларж. Гашек, как известно, обладал прекрасной памятью. «Расскажи об этом путешествии», — снова настаивал Коларж. Гость «Малого млынка» не смог вывернуться и начал: «Происходило это в Будапеште. Я выступал там с лекцией о новейших научных открытиях. Сообщил, что наш праотец-чех был пастухом и землепашцем. У них же другие праотцы. Стряпать научились позже у словаков, переняв у них гуляши, в частности, гуляши избирательные. И калач-макач, иначе говоря, маковый калач, тоже свидетельствует о том, что учились готовить у нас.

Откуда известно, что их праотец был портным? Я отвечал: вы шьете праздничный наряд — атилу, и до сих пор так называете его по имени своего предка. Уже при словах об избирательном гуляше слушатели начали проявлять беспокойство. После заключения об атиле пришлось удрать. Видите ли, мое изложение не встретило тогда должного понимания...» — закончил Гашек с улыбкой.

В «Малом млынкс» и ближней «Мысливне» * Гашек был частым гостем. Совместно проводимое время еще больше укрепляло старую дружбу. Без помощи Пефика Коларжа Гашеку было бы трудно посещать различные места возвышенности, особенно с половины двадцать второго года, когда он располнел и все чаще давала о себе чувствовать болезнь. В качестве кучера с Гашеком ездил местный житель Пефик Кубичек. Изредка, правда, Гашек отказывался от предоставляемой Коларжем брички. Это случалось, когда в ближние места отправлялась компания, от которой он не хотел отставать.

Чаще всего мимо водохранилища ходили к гранильной мастерской, которую издавна называли «У Бартов». Здешний Зденек Барта был их другом, а с его женой, художницей, хорошие взаимоотношения установились у Панушки, который ценил ее за остроумие, неумолимые выдумки.

Так, например, не было случая, чтобы в день чародейки Бартова позабыла зажечь для гостей бенгальские огни, порадовать их всевозможными цветами рассыпающихся ракет.

Как-то на такое торжество привели сюда и Гашека. Но прежде чем началось зрелище и вспыхнули огни, ему, тогда уже известному юмористу, предстояло что-либо рассказать. Тему он мог выбрать любую.

— Расскажу вам тогда о собаках. В этом я мастак... — начал он.

— У нас, кстати, овчарка, замечательная овчарка, — тут же заметил Барта.

— Ага... Где же она? — осведомился Гашек. Узнав, что на кухне, вызвался пойти ее укрощать.

Не прошло и пяти минут, как Гашек вернулся с покусанным пальцем и сказал: «Охраняет кухню хорошо. Только хотел что-то утащить, как она набросилась на меня...»

После вечера Гашек с Шурой уехали на бричке в Липницу. Панушка пошел к излюбленному «Дубу» возле Коханова, где позже начал строить по своему плану старочешскую хату.

Впоследствии Пепик Коларж еще встречался с Гашеком, когда тот уже редко выходил на прогулки. На возвышенности наступила суровая зима, и теперь охотнее всего собирались у Инвальда. Как-то сюда за мужем пришла жена художника Панушки. Вскоре собрался уходить и Коларж. Он уже надел зимнее пальто, когда рядом очутился Гашек и с милой улыбкой сказал: «На дворе падает белый снежок, видны на нем следы мастера Панушки. Куда же и ты убегаешь, Пепик, не уходи еще...»

Посреди рождественских праздников Гашек позвал к себе приятелей из «Малого млынка» — сам уже пойти к ним не мог. Ничего не пил, а только ел манку. Поев, обратился к Коларжу: «Если, Пепик, я выберусь из этой беды, то увидишь, какую сделаю тебе рекламу...»

Коларж тогда уже знал, что он это сделал. Прочитав внимательно «Швейка», сможете убедиться сами.

ГАШЕК ДРАМАТИЗИРУЕТ РЕПОРТАЖ КИША

На Чешско-Моравской возвышенности Гашек продолжительное время находился уже накануне первой мировой войны...

Как только приехал в Немецкий Брод, он сразу вспомнил о своем друге — журналисте и писателе из «Богемии» Эгоне Эрвине Кише и 12 сентября 1912 года послал ему в Прагу почтовую открытку:

«Дорогой друг!

Вспоминаю о тебе в Немецком Броде, где выдаю себя за сиониста.

С дружеским приветом
Я р о с л а в   Г а ш е к».

Даже эти несколько слов, посланных Кишу Гашеком во время путешествия по возвышенности с книготорговцем из Немецкого Брода Зденеком Дворжаком и младшим сыном Шмитта Отто, свидетельствуют о хорошей дружбе.

Эта дружба, одинаковый творческий подход к жизни способствовали тому, что автор «Швейка» после появления репортажа Киша «Плавание парохода А. Ланна 6 вокруг света» решил переработать его для пражского театра «Адрия».

Гашек так увлекся, что прервал даже работу над «Швейком». Его привлекало то, что за время интересной поездки Киша (из Карлина в Гамбург, Голландию, на Рейн и Майн) произошло много довольно комичных случаев, прямо-таки напрашивавшихся в юмористический жанр.

В Липнице об этой работе Гашека знал лишь Лекса Инвальд и то весьма неопределенно, так как навевался по совершенно другим делам. Осенью двадцать первого года, после большого успеха «Швейка» на сцене, Гашек, задумав дать театру новую комедию, трудился с воодушевлением. Переработку же «Швейка» для театра решил отложить до завершения всего романа. За удивительно короткое время Гашек в Липнице и у Коларжа в «Мысливне» справился тогда с поставленной перед собой задачей.

Э. А. Лонгону, посетившему Липницу, пьеса очень понравилась. Оценил ее и сам Э. Э. Киш.

Последнюю часть Гашек дописывал в «Мысливне». Как-то к нему во время утреннего туалета наведалься Лонген и начал доказывать, что пьесу уже ждут в Праге,

— Не беспокойся,— отвечал Гашек.— Пьесу обязательно допишем, настроение у меня хорошее. Пока не закончу, не успокоюсь.

Свое обещание Гашек выполнил.

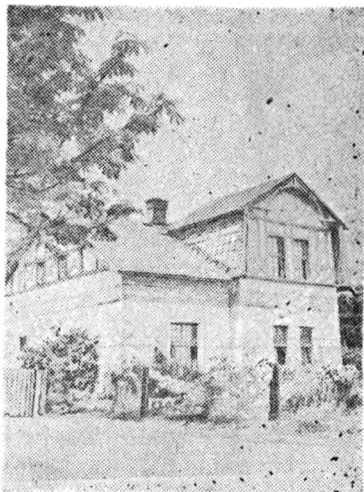
Поздно вечером в «Мысливне» дописывал он последние страницы. А на следующий день рукопись была отправлена в Прагу.

30 декабря 1921 года пьеса шла в «Адрии». Затем она исполнялась еще, например, в Теплице на сцене городского театра. Здесь ярче всего проявилась ее политическая сторона. Немецкие шовинисты и реваншисты, разгадав политический смысл, заложенный в правдивом изображении послевоенной обстановки в Рейнской и Рурской областях, требовали запретить пьесу. Разве это не лучшее доказательство тому, что содружество двух великих авторов принесло успех?

В «МЫСЛИВНЕ» ПРИ ПИСАНИИ «ШВЕЙКА»

В «Мысливне», уединенном охотничьем домике, расположенном под Липницей в лесу и разукрашенном снаружи учителем Шикиржем, Гашек засиживался в столовой над стопкой бумаги, продолжая спокойно писать «Швейка».

А тем временем в соседней комнате приехавшие недавно на родину к мужьям жены вспоминали о своей далекой земле. Анна Сергеевна Пономарева — Нюра, вышедшая в Сибири замуж за брата Иозефа Коларжа из «Малого млынка», вспоминала о родном алтайском Усть-Каменогорске, а Шура, жена Гашека, о путешествиях по революционной России. Во многом одинаковые судьбы сближали обеих женщин, служили причиной частых

Дом близ Липницы,
в котором Гашек
писал в семье Коларжовых
«Похождения бравого
солдата Швейка».

визитов Гашековых в «Мысливну» к Нюре и Ярде Коларжовым.

Иногда Гашек отрывался от работы, охотно присоединялся к собеседникам, просил Нюру рассказывать дальше.

— Говорите, Нюра,— настаивал он. И Нюра, узнавшая его как политкомиссара уже в эшелоне перед Иркутском, на станции Черемхово, снова припоминала тот революционный период. Как потолстел с тех пор Гашек! Его движения стали медленнее, чем тогда, в двадцатом, когда она следила за ним из окна теплушки. Да, он был куда более важным, когда раздавал местным гражданам, собственно уже красноармейцам, оружие. Но и сегодня еще его маленькие глаза блестели так же, как тогда.

Гашек внимательно слушал. Возможно, подчас слова собеседницы помогали ему представить себе дальнейшие вехи на пути «Швейка».

— Что же мне оставалось делать,— продолжала Нюра.— Притом с ребенком. Шла с ним дальше на восток, пробиралась через высокие горные хребты.

— А как вас приняли в Чехии?

— О, милый Гашек, не спрашивайте. Путь сюда был кромешным адом. В Чешских Будейовицах на вокзале солдаты закричали: «Женщинам выйти!» Вышла я с ребенком. Кругом суета, непрерывный крик еще почти 160 детей. Как увидел это комендант, приказал нас обратно загнать в вагоны. В Праге тоже никому не нужны были. Ярда решил тогда привезти меня сюда...— закончила Нюра.

— Вам нравится здесь?

Вместо ответа она сама задала вопрос: «Если бы знать, как там у нас, дома?»

— Там уже хорошо. Можете не беспокоиться,— заметил Гашек. Зная, как охотно поют Нюра и Шура старую русскую песенку, он затянул:

Жил-был у бабушки серенький козлик...

Потом, когда кончили петь, Гашек похвалил Шуру за другую исполненную песню, рассказал о своих планах. Вот отремонтирует дом, закончит «Швейка» и приступит к работе над романом о Сибири.

Вскоре при посещении «Мысливны» Гашек принес с собой подарок. Он прошел с ним в столовую и начал писать,

Шура тем временем рассказывала подруге, почему так долго не приходили. Сказала, что ездили с Ярославчиком в Прагу и получили от издателя деньги за «Швейка», проделали окружной путь. Но тут подошел Гашек и принес третью часть «Швейка» с несколько необычным посвящением. Он написал его не только по-чешски, но и... по-татарски.

— Какой же вы путь проделали? — осведомилась затем Нюра.

— Ездили в Гумполец, Пельгржимов, Светлую и другие места, — похвалилась Шура.

— Откровенно говоря, все проехали, — засмеялся Гашек.

— Я так и думала! — сказала Нюра, направляясь в сад, откуда ее позвал муж.

— Возьмите палки и посуду, — распорядился тот. — Поднимайте шум...

Женщины выбежали из кухни и, стуча крышками от посуды, подняли такую невероятную суматоху, что даже прохожие останавливались.

Но узнав, что ничего не произошло, ни огонь, ни что другое здесь не угрожает, проходили дальше. Успокоился и Коларж: пчелиный рой был пойман и посажен в деревянный улей. Обрадованный подошел он к женщинам и поблагодарил их. Появился наблюдавший за всем Гашек и сказал:

— Бедные, как устали. Идите приляжьте и отоспитесь...

Перед этим он заметил, как по дороге, ведущей вверх от Радостовиц, спешила к «Мысливне» трактирщица Пуфлерова.

Гашек, как старый знакомый, вышел ей навстречу. Обе женщины по его настоянию уже вошли в дом. Трактирщицу он попросил, чтобы она их не беспокоила, так как те сильно устали.

— Уже спят? — расспрашивала трактирщица.

— Отослал их поспать, — ответил Гашек, а Коларж это охотно подтвердил.

— Пока будут отдыхать, мы придем к вам и вы нальете нам пива, — сказал Пуфлеровой.

Однако никуда не пошел.

Все последующие дни и вечера проводил в «Мысливне», в совместных беседах. Как обычно, пробыл здесь несколько дней. Однажды все же договорился с Коларжем сходить

к Пуфлеровой так, чтобы жены не знали. Обсуждали этот план возле дома, полагая, что их никто не слушает. Но Шура внимательно наблюдала за Гашеком.

— Ты иди прямо из «Малого млынка», домой не заявляйся. А я пойду на прогулку и затем якобы случайно встретимся у Пуфлеровой, шепотом наставлял Гашек.

Шура передала это Нюре и обе выжидали, что предпримет Гашек.

И дождались...

— Ярославчик говорил, что хочет прогуляться. А мой уже с утра исчез. Скажи ему, Шура, что ни я, ни ты не можем зажарить козла. Посмотришь, Гашек поймается на удочку, — посоветовала Нюра.

Шура отправилась с просьбой к Гашеку и добилась своего. Гашека, который любил стряпать, удалось вернуть в «Мысливну», хотя он был уже далеко...

Вместо того, чтобы пойти к Пуфлеровой, пришел на кухню. Через час прибежал Коларж и набросился на него за то, что не сдержал слова. «Человек, почему не идешь? Сколько времени тебя зря ожидал», — и тут же пообещал, что впредь никуда больше с ним не пойдет.

Гашек терпеливо выслушал. После этого открыл духовку и с полотенцем в руке вытащил оттуда жаркое.

— Посмотри, человек. Надо было зажарить козла.

Это последнее посещение «Мысливны» совпало с приглашением Гашека в Немецкий Брод на постановку «Швейка». Там вместе переночевали в трактире «У Крехлеров», посмотрели успешную постановку, а затем разъехались по домам. Несколько раньше фотограф Дворжак снял Нюру с Шурой на память о тех днях, когда в лесной «Мысливне» в их присутствии Ярослав Гашек писал свой славный роман.

ПРЕДВЫБОРНЫЕ СОБРАНИЯ НАРОДНЫХ ДЕМОКРАТОВ В ЛИПНИЦЕ

Пражский редактор Ладислав Гаек хорошо знал, что его приятель Ярослав Гашек в двадцать первом году окончательно поселился в Липнице. Гаек, которому предстояло провести там предвыборное собрание, решил навестить Гашека и послал ему письмо. 12 ноября из Липницы пришел ответ:

*«Господину Л. К. Гаеку,
редактору*

Дорогой друг!

Поскольку я нахожусь сейчас в Липнице, а ты сюда собираешься, прошу тебя обязательно приехать и посмотреть на страшную комедию, касающуюся как раз этой «партии ремесленников». Посылаю тебе собранный вкратце материал, характеризующий здешних ремесленников.

Это граждане, которые по существу не принадлежат ни к той, ни к другой партии. Первоначально были в партиях народных демократов, социал-демократов (правые), а может быть, и в партии клерикалов.

Под знамя партии ремесленников встало большинство здешних евреев, таких как Вассерман, бывший австриец, Бонди, производитель водки, и третий — Герман. Все евреи состоят в «Соколе», а выдают себя за народных демократов. Из трактирщиков назову Александра Инвальда, Индржиха Новака.

Инвальд очень добрый человек, но ничего не может предпринять. Организационное собрание, на которое приходили молодчики из Брода, полагающие на предстоящих выборах все слопать, было, к несчастью, создано в его трактире. Теперь он колеблется.

Трактирщик Новак, зажавшийся тип, вообще не знает, что делать.

Большинство тех, кто примкнул к «политической партии ремесленников», не знает сейчас, куда податься.

Тебе знакомы старые традиции, а отсюда и вся комедия.

Первую скрипку играет усердный местный торговец Гавель, являющийся секретарем.

Чтобы тебя долго не мучить, привожу небольшую статистику.

На первом собрании, когда приезжал бывший содержатель отеля в Броде Янковский, которому как зажиточному гражданину, хотя и частнику, нечего делать с каким-то движением ремесленников, было около 40 человек.

На втором собрании присутствовало уже 28 человек.

Несмотря на то, что на третье собрание подписалось прийти 34 человека, пришло на собрание (оно состоялось позавчера) лишь 14 человек, которые избрали то же руководство, что и тогда, когда было 40 человек.

Сейчас многие поговаривают о том, не следует ли выслушать и другую партию (народных демократов).

Правда, последнюю обвиняют в том, что она ничего не делает для своих сторонников, рассматривая их лишь как материал для голосования на выборах.

Так, например, местный староста Райдль был избран по договоренности как народный демократ, а теперь помышляет перейти в партию ремесленников, что демонстрирует своим присутствием на всех ее собраниях.

Раздаются голоса о том, чтобы он уступил власть, но думаю, что все уладится, если ты приедешь и проведешь толковое собрание. Гнев сменится на милость. Что касается других подробностей, обратись к вашему члену пивовару из Липницы Штельцу, который подтвердит правдивость моего сообщения.

Остаюсь твой
Я р о с л а в Г а ш е к.

Передавай привет Лингартовым.
Приезжай к Инвальду, это ваш человек на 75 процентов».

Как и Ярослав Гашек, Лекса Инвальд заранее знал, что в его трактире созывается предвыборное собрание и на нем будет присутствовать пражский редактор, друг Гашека.

Гашек ждал приезда Гаека, радовался встрече с ним.

Была уже зима, которая на Чешско-Моравской возвышенности не только всегда белая от снега, но и довольно суровая. Со стороны опустевшей аллеи, недалеко от трактира, показались сани, в которых сидел Ладислав Гаек. Гашек находился в трактире и развлекался с местными жителями — Иозефом Яклем, сапожником Крупичкой, постоянно прислушивавшимся к разговорам. Тут к ним подошел трактирщик и сказал: «К нам подъехали уже первые сани».

Он тут же предложил приготовить по случаю встречи любимый напиток Гашека — морской грог, который пойдет впрок промерзшему гостю. Гашек согласился. Вскоре начался дружеский разговор с Гаеком, вместе с которым Гашек готовился к предстоящему вечером собранию.

— Выпей-ка, Ладя... — уговаривал Гашек приятеля. — Ведь надо отметить нашу встречу...

Однако Гаек помнил, что ему предстоит выступать вечером и упорно отказывался.

— После собрания, Ярда, — пообещал Гаек.

Когда Гашек увидел, что переубедить Гаека не удастся, он с серьезным видом угрожающе сказал: «Тогда я тебе вечером сорву собрание».

Присутствующие живо представили себе, как бы потешался Гашек, если бы ему удалось «накачать» оратора и тем самым сорвать собрание народных демократов Липницы. Это была, безусловно, буржуазная партия, и ее парламентарии не вызывали симпатий. Всякая буржуазная партия вызывала у Гашека страстное желание высмеять ее.

Вечером народные демократы собрались в значительном количестве. Гашека среди них не было. Он остался с несколькими стариками в небольшой комнате, отделенной стеклянной дверью. Но голос Гаека ему был слышен.

Сидел Гашек спокойно, а когда становилось невмоготу выслушивать болтовню, заявлял Инвальду: «Лекса, я тоже пойду и возьму слово».

Инвальд из-за стойки видел, что Гашек сидит как на иголках. Поэтому он подошел и стал уговаривать не подводить Гаека, старого друга. Это помогло.

Гашек оставил оратора в покое. После собрания Гаек сразу пришел в комнату к Гашеку и поблагодарил, что тот не осуществил своей угрозы. Он и сам был рад, что собрание закончилось и теперь может побыть в кругу друзей. Сидели в тот вечер долго. А на следующий день Гаек уехал из Липницы в пражскую редакцию.

Однако не прошло и двух месяцев, как от народных демократов удрал и липницкий оратор. Он решил переменить партийную принадлежность, о чем написал Гашеку в Липницу. Сообщал заодно, что весной будущего года уже не будет в Праге, а переедет в Оломоуц.

Летом Гаек получил от Гашека короткую весточку. Некоторые приводившиеся в ней имена знакомы, другие нет. Зато хорошо известно, что писал открытку сам Ярослав Гашек. Есть здесь подпись учителя Мареша и, конечно, Шуры. На обратной стороне — готическая часовня старинной Липницы и штампель Густава Дворжака, фотографа из Немецкого Брода. А сам текст гласил:

«Липница 7. VII. 1922 г.

Мильй Ладя!

Прими поздравления всех, кто одобряет твое отступление от яничаров».

Это было последнее письмо Гашека, посланное в адрес Ладислава Гаека.

ГАШЕК ПРОТИВ ЖЕЛИВСКОГО СВЯЩЕННИКА

«Вчера были в Желивском монастыре, и этот негодяй, священник Силезиус Роубичек, не угостил нас. Разжиревший тип провоцировал нас своим брюхом...» — так Гашек информировал о своем визите Франту Сауэра. Чтобы письмо быстрее попало в руки адресата, он переслал его в Жижков через художника Панушку.

Гашек выезжал с женой в ближние окрестности Липницы. Через Кейжлицу добирались до Гумпольца, а затем по настроению либо останавливались в предместье Орлика, либо ехали дальше. Несколько раз побывали в Желиве, любясь красотами этого своеобразного уголка возвышенности, прелестной речкой Желивкой.

Как-то доктор Новак пригласил Гашековых поехать с ним к Желивке. Вернувшись домой, Гашек рассказывал, как ему там понравилось, и тут художник Панушка вспомнил, что ему тоже надо туда съездить.

Панушка как раз рисовал большое полотно, сюжетом которого была осада шведами города Липницы. А произведения свои он создавал лишь после изучения архивных материалов. И на сей раз, чтобы успешно продолжать работу, потребовалось ознакомиться с документами, которые, как полагал, хранятся в монастыре.

У Инвальда осталось несколько гостей. Между ними находился и Иозеф Коларж из «Малого млынка», к которому Панушка и обратился с вопросом.

— Я с ними в контакте, — подтвердил Коларж и добавил, что надо туда поехать, может, удастся что-либо найти.

Поездка Панушки в Желив была предрешена.

Панушка раздобыл бричку, но ни за что на свете не хотел, чтобы с ним ехал Гашек.

— Ты там еще что-нибудь натворишь, — бросил он, когда бричка тронулась вдоль развесистых липницких каштанов.

В последний момент Гашеку все же удалось настоять на своем. Это было настолько неожиданно, что Шура замерла на месте, пока к ней не подошел Инвальд, и тогда они помахали рукой отъезжающим.

...Подъехали к монастырю. Панушка велел остановиться и в сопровождении Гашека направился на прием. Прошло немало времени, прежде чем священник соизволил их принять в зале напротив большой библиотеки.

Художник изложил просьбу. Священник в облачении, прикрывавшем чрезмерный объем его телес, выразил сомнение, удастся ли что найти, но...

— Ваша милость, только здесь...

— Да, ваша милость,— вмешался тут в разговор и Гашек.

Священник растерялся. Он пообещал поискать, пусть придут попозже. Затем начал заметно сдаваться. Но Гашек, никогда не отличавшийся уважением к наместникам божьим на земле, в дальнейшем разговоре называл его лишь паном Роубичеком.

— Пан Роубичек, вы могли бы и пораньше исполнить просьбу друзей,— сказал он в заключение.

Священник ушел. Но вскоре вернулся и сообщил, что ничего для художника в монастыре найти не может. Остались ни с чем.

Панушка, того и ожидавший, с пристрастием рассказывал обо всем вечером Инвальду. Слушал его и «американец», гражданин, вернувшийся в Липницу через «большую лужу», как обычно говорят. Подсев к Гашеку, он начал делиться воспоминаниями о старой войне, пока не коснулись и «Швейка».

Подвыпивший «американец» заявил, что для того, чтобы написать «Швейка», не требуется особого умения. Его отец — земля ему пером — написал бы тоже не хуже.

Это задело Гашека.

Обругав «американца», он попросил принести чернила и перо. «Я этому хитрецу покажу, что умею...— сказал он и, приготовив бумагу, спросил: — О чем писать?»

— Напиши хотя бы о сидящем напротив учителя и его приборах, в которые падает дождь...

— Хорошо.

Так появился рассказ о проектируемой на Желивке плотине и о том, как в Липнице учитель Стржигал ухаживает за вверенным ему дождемером. Юмореска называлась «Инспектор дождемерного бюро из Пардубиц».

«Американец» лишь удивлялся, как это Гашеку так быстро пришла в голову подобная мысль, признался, что его отец до этого бы не додумался.

«ПРИЯТЕЛИ» И ДРУЗЬЯ ЯРОСЛАВА ГАШЕКА

Юморист, сидя с лесничим Бемом в пригородном замке, говорил о том, что со временем «Швейка» можно будет перевести и на немецкий язык. При этом достал из кармана пиджака письмо и протянул Бему.

— Выводят «Швейка» на сцену, — заметил он.

— Отлично. А где? — осведомился лесничий, человек внешне строгий, с орлиным носом, но с добрым характером.

— В Праге, — ответил Гашек и попросил листок бумаги, чтобы написать ответ Лонгену. Ответ этот свидетельствует о том, что Гашек старался показать своего «Швейка» простому народу, который по-настоящему ценит искусство.

Вот полный текст письма:

«Дорогой Артур!

Передо мной лежит часть твоей жалкой рукописи, которая выдает твой грубый и подлый характер, помешавший прислать мне обусловленный задаток.

Первоначально я хотел отдать всю твою стряпню местному трактирщику Инвальду для заправки сырков, но, как славянин и уступчивая душа, прочитал ее до конца и возвращаю вместе с письмом и надеждой, что ты пришлешь необходимые деньги, иначе я разобью тебе при случае губу.

А теперь важное.

Ты пишешь, что не можешь найти артиста для роли Фельдкурата Каца? И это, являясь директором театра и будучи человеком искусства?

Ты не знаешь Ференца Футуриста?

Как-то мы сошлись в Модржанах * с Гиляром и разговорились о театре. Под конец поспорили на пять литров бискупского тому, кто отгадает самого большого у нас актера. Каждый написал фамилию на листке, а затем этими листками обменялись. И, знаешь, кто оказался у обоих?

Ференц Футурист.

Гиляр заплатил за те пять литров, но это к делу не относится, так как я напрасно злюсь, снова вспоминая о задатке.

Артур, если бы Ференц был англичанином или французом, его знал бы весь мир. Вы же, конечно, не можете распределить роли, ходите вокруг и не желаете понять, что он единственный в Праге актер, который что-то умеет. Плакать хочется. Ференц — большой артист, и он не может

играть нигде иначе, как только в народном театре для простых людей, которые в конечном итоге наилучше понимают искусство.

Ференц — комик по своей стихии. Он не может играть перед публикой и людьми, считающими непристойным громко смеяться. Я его обожаю, а вы там, в Праге, будь поумнее, писали бы для него специальные роли, чтобы занять делом. Но всему виной наши условия.

Фельдкурата Каца может играть только Ференц. Спроси Гиляра, и тот объяснит почему.

Присылай задаток и не расстраивай меня больше.

Проклинаю тебя до той поры, пока не получу денежного перевода.

Я р д а Г а ш е к
в Липнице».

Драматизированный «Швейк», несмотря на различные в Праге трудности, появился на сцене и имел огромный успех. Позже Э. А. Лонген приезжал к Гашеку в Липницу, чтобы тот до завершения работы над всем «Швейком» еще что-нибудь написал для театра. И Гашек драматизировал репортаж Киша «Плавание парохода А. Ланна 6 вокруг света».

После отъезда из Липницы Лонген с Гашеком не встречался. Однако у Анны Бем, жены лесничего, сохранилось небольшое, присланное на ее имя и датированное 5 февраля 1922 года письмо, в котором Гашек писал:

«Убедительно прошу Вас одолжить «Трибуну», в которой на меня нападали. Находились в эти дни в «Мысливине», кроме того, болел гриппом. Сейчас уже чувствую себя хорошо.

Сердечно Вас с Шурой приветствует преданный
Вашей семье
Я р о с л а в Г а ш е к».

Кто же тогда в «Трибуне» напал на Гашека?

Это был бывший «друг» Эмиль Артур Лонген. Невольно удивляешься, что и он присоединился к клеветнической кампании, которую проводила чешская буржуазия против Гашека после его приезда из революционной России.

Статья Лонгена напечатана в «Трибуне» 31 января 1922 года, когда Гашек находился у своих друзей в «Мысливне». По всеѣ вероятности, он и узнал там о «дружеской» помощи Лонгена. В своей статье Лонген, хорошо зная о болезни Гашека, высмеивал его за то, что он «ожирел и страдает, боясь внезапной смерти, как черт креста».

С другой стороны, Гашек высмеивался за дружбу с лесничим Бемом. Тут уж и Анна Бем заинтересовалась тем, как будет реагировать Гашек на упомянутую статью. Гашек сразу сказал, что он никогда не ожидал от Артура настоящей дружбы, но и не думал, что тот публично выступит против него в газете. Просмотр газеты побудил Гашека действовать. В тот же день он сел за стол и написал рассказ, который сразу отправил в Прагу. После этого ждал, когда его напечатают.

Придя вскоре в замок, он сказал, что очень любопытствует, напечатают ли все-таки то, что отправил в Прагу.

И был немало удивлен, когда 10 февраля, просматривая у Бемов газеты, увидел в «Трибуне» заголовок «Образовательное чтение» и прочитал: «Всегда весьма прискорбно и неприятно для человека, занимающегося изучением людских нравов, приходится со временем к выводу, что даже самые хитрые и умные люди поступают подчас так, что приходится лишь покачивать головой».

Это были его слова, которыми он отвечал на нападки бывших друзей.

АВТОР НА СЦЕНЕ

Это было в двадцать втором весной...

Книготорговец Дворжак из Немецкого Брода как раз готовил витрину. Потом, заглянув в лавку, вышел и закрыл за собой дверь. Когда направлялся к площади, то вдруг увидел знакомого мужчину, рассматривавшего выставленные книги. Приблизился к нему и невольно воскликнул: «Иисусе, это ты, Ярда!»

Ярослав располнел с тех пор, как виделись в последний раз. Носил широкую черную шляпу.

— Живу недалеко. В Липнице... — ответил он на вопрос.

Гашек договорился тогда с Дворжаком, что тот обеспечит его всеми письменными принадлежностями. В качестве платы Гашек обещал это уладить с издателем

А. Сынеком, на равноценную сумму из Праги ему будут посылаться экземпляры романа «Похождения бравого солдата Швейка».

Так возобновилась старая дружба с книготорговцем, с которым Гашек познакомился еще в Монтмартре на Старом Месте в Праге.

В июле на переговоры к Зденеку Дворжаку Гашек явился уже не сам, а с Нолем. Ноль пришел охотно, так как жил в Броде, получил здесь у Бартоломея Фридриха специальность кондитера. Как раз Ноль и заявил первым:

— Пришли договориться с тобой о постановке «Швейка».

Зденек Дворжак, впервые организовавший представление «Швейка», на котором присутствовал Я. Гашек.

Дворжак предпринял все необходимые шаги: договорился с городским театром, занялся широкой рекламой и предварительной продажей билетов. Убедил Гашека и в том, что немало зрителей привлекло бы объявление, заметка в местной газете.

— Ты писатель, Гашек, так напиши что-нибудь,— настаивал Дворжак, рассчитывая, что тот вскоре отдаст текст в редакцию «Глас с Посазави».

Гашек обещал. Однако прошло десять, двенадцать, четырнадцать дней, а в газете ничего не появлялось. Дворжак сел тогда и написал напоминание, а заодно пожаловался на Ноля, который тоже не прислал обещанных плакатов. Спустя некоторое время написал вторично. И лишь после этого Гашек прислал Дворжаку ответное письмо:

«Липница, 22. VII. 1922 г.

Дорогой соучастник прошлых попоек, приятель, брат, товарищ, гражданин, милый друг!

Получив твою открытку, я последними словами изругал Ноля за то, что он не послал тебе плакатов. Успокоился лишь, когда получил вторую открытку. Ноль тем временем с компанией побывал в Пльзене, затем ездил в Бероун, а в воскресенье будет в Праге на Бенатках. Больше всего досадно из-за проклятой заметки. Мог бы ее и сам написать. Удивляюсь, как ты не догадался это сделать. Для меня ужаснее всего писать подобные вещи, так как в прежние годы я сам был газетным репортером. В тихие летние сезоны, когда никто не ломал ног, о чем мог бы сразу сообщить, приходилось выдумывать дикие убийства младенцев, из-за которых меня выставляли из редакции, обвиняли во лжи. С тех пор всякая заметка, которую следует написать, вызывает у меня такие же ощущения, как у человека, которого щекочут по шее гусиным пером. Каждая рекламная заметка представляет собой лишь стилистически получше отработанное объявление о квашеной капусте, резиновых шинах или других изделиях. Естественно, что каждый лавочник хвалит свой товар, а более предприимчивый дает в газете объявление: «Только что получена партия отборнейших помидор». Примерно так выглядела бы и первая фраза злополучной заметки: «Бравый солдат Швейк» в Немецком Броде 1, 2, 3 августа». И далее:

...но тут-то, дорогие читатели, письмо вдруг обрывалось. Удастся ли разыскать его целиком? Последующий текст нашелся. А было все так...

Когда Дворжак получил от Гашека письмо, было самое время дать объявление в газете. Вторую страницу письма Дворжак сразу же отнес в типографию Франтишка Рылды.

Здесь по рукописи Гашека набрали рекламные листовки, а в газете «Глас с Посазави» 28 июля 1922 года было напечатано дословно следующее:

«Бравый солдат Швейк» в Немецком Броде 1, 2, 3 августа.

Превосходная сатира на австрийский милитаризм. Спектакль по книге «Бравый солдат Швейк» представляет новую эпоху в театральном искусстве. Швейк—философ. Карел Ноль, немецко-бродский уроженец, лучший комик в мире.

Коллектив театра «Адрия» осуществляет шестьсот девяностую постановку «Бравого солдата Швейка». Переведена на все мировые языки. Исполнялась в Париже под протекцией президента республики, в Англии под протекцией короля. Президент Соединенных Штатов Америки в беседе с австралийскими журналистами заявил: «Не забудьте, господа, посещая Европу, побывать 1, 2, 3 августа в Немецком Броде и купить билеты на спектакль «Бравый солдат Швейк». Феноменальная игра театра «Адрия», в которой немецко-бродский уроженец Карел Ноль представит бравого солдата Швейка».

На этом присланная Ярославом Гашеком рукопись кончалась.

Все было написано рукой Гашека. Дворжак вычеркнул в конце лишь подпись Гашека. Никто из читателей до сих пор так и не знал, что автором заметки о спектакле был сам писатель. Это — последняя заметка, вышедшая из-под пера Гашека и напечатанная в газете.

В несуществующем уже ныне театре собралось тогда много зрителей. Впервые в жизни увидел здесь Ярослав Гашек своего героя, славный образ Швейка на сцене.

Во время спектакля Гашек сидел в ложе. Постановка имела необыкновенный успех. Уже в начале второго антракта зрители требовали: «Автора на сцену! Автора на сцену!» Возгласы не прекращались.

Обратившись к Гашеку, Зденек Дворжак сказал: «Ярослав, ничего не поделаешь. Надо идти».

И Гашек вышел на сцену. Из-за приподнятого красного занавеса, под несмолкаемые возгласы и аплодисменты, кланялся он тем, для кого трудился всю свою жизнь.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ГАШЕКА

Была уже осень сырая, с туманами, проплывавшими над краем, когда под вечер в трактир вошло несколько посетителей. В трактире «У Челской коруны» собрались лучшие липницкие друзья Гашека: Ярослав Панушка,

Последний фотоснимок Ярослава Гашека вместе с женой Шурой.

Лекса Инвальд, учитель Мареш, лесничий Бем и каменотес Харамза. Неподалеку сидели «ординарец» Релих и сапожник Крупичка. Немного погодя пришел сюда Иозеф Якль.

Кто-то из присутствующих припомнил, что у каменотеса Харамзы сегодня день рождения. Гашек сразу поднялся, чтобы провозгласить тост.

— Люди, — сказал он, — вы даже не представляете, какой славный предок был у виновника нашего торжества.

Все ждали, как закончит Гашек свою речь. Больше других был заинтригован Харамза. Как и все вокруг, он внимательно прислушивался.

— Наш приятель Харамза божественного происхождения. Его древним предком являлся персидский божок Агурамазда,— закончил Гашек.

Многие только покачали головой, не зная, откуда выкопал Гашек это имя. Липницкий учитель Иозеф Якль решил даже свериться по словарю Отто *. Жил он как раз напротив и быстро сбегал домой. Действительно, под буквой «А» стояло: Агуро-Маздао, также Ахурамазда (высшее божество). В староперсидских надписях Аура-Мазда, позже Ормаст или Ормузд в Авесте — название высшего староперсидского божества.

Гашек имел просто отличную память. Всем стало ясно, почему он никогда не просматривал ранее написанного, даже тогда, когда, например, диктовал продолжение «Швейка» Штепанеку.

Вскоре после рассказанного случая, перед рождеством 1922 года, Гашек перестал выходить из своего домика в предместье. Восьмого ноября он посылает через Шуру записку учителю:

«Милый Якль!
Ожидаю тебя,
как с неба
крестьянин ждал дождя.
Самовар уже шумит,
Для всех кипит
Настоящий русский чай.
Хотя мир злой вокруг,
Приди быстрее, друг,
А под конец споем,
Рифмуя слово чай:
«Да здравствует Байкайлай!» **

Твой Г а ш е к»

Настала зима.

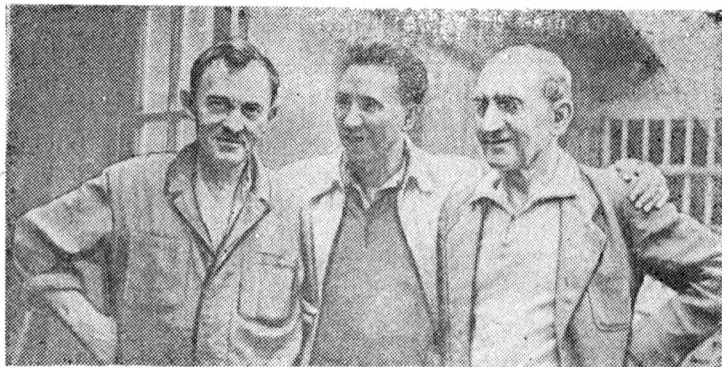
Гашек лишь иногда отметал возле порога снег. Приглашал к себе Якля и других липницких друзей. Беседовал с ними на всевозможные темы, чаще всего о минувшей войне.

Третьего января, в девятом часу утра, в дверь класса, где был Якль, постучал друг Гашека учитель Мареш. Вызвав Якля в коридор, он сказал: «Знаешь, Гашек умер»..

Тот сразу не поверил...

Не верили и многие другие, любившие и уважавшие Гашека. Якль вернулся в класс к детям, посматривая в окно на домик напротив под номером 185. Оттуда как раз выходил Новак, лечащий врач Гашека.

Автор книги Зденек Штястны (в центре) с Александром Инвальдом (справа) и липницким столяром Новотным, бывшими друзьями Гашека.

На похоронах Гашека присутствовали только липницкие друзья, сын Рихард, самый верный и лучший друг — художник Панушка с сыновьями.

В субботу, на день трех королей, в третьем часу полудни Гашека проводили в последний путь к Белой Веже.

Друзья сложились на мемориальную доску и памятник, который из липницкого гранита в виде раскрытой книги вытесал автору известного романа о Иозефе Швейке друг Гашека — каменотес Харамза...

ПРИМЕЧАНИЯ¹

Глава I, ГАШЕК-СОЛДАТ

Стр. 9 *. Четверостишие из «Маленького фельетона» Я. Гашека без указания фамилии переводчика приводится в ст. Н. Еланского «Ярослав Гашек в Красной Армии и на партийной работе в Советской России» (в кн.: «Литература славянских народов», Институт славяноведения АН СССР, вып. 2, М., 1957, стр. 60—96).

«Прукопник» (чешск.) — «Пионер».

Рядовой 91-го пехотного полка в Чешских Будейовицах

Стр. 9 **. Перштын — район Праги.

Стр. 10 *. ...фуражки с «франтиком» — имеются в виду вытесненные на кокарде австрийского головного убора инициалы императора Франца-Иосифа. (Фр. Травничек «Словарь чешского языка», Прага, 1952, стр. 368).

Стр. 10 **. Цесарь — австрийский император.

Стр. 16*. Кираль-Хида, или Мост-на-Литаве — город в Австрии. В 1914 г. граница между Австрией и Венгрией проходила по реке и правая часть города носила венгерское название — Кираль-Хида. Немецкое наименование: Брук-на-Лейте.

Из Тоцкого лагеря военнопленных в Киев

Стр. 18 *. Св. Вацлав — чешский князь (907—929), считавшийся патроном Чехии.

Стр. 19*. ...масариковская «одбочка»... «одбочка» — «отделение» заграничного национального совета, руководимого Масариком и Бенешом. Было создано в апреле 1917 г. на съезде чехов в Киеве. К «одбочке» от «Союза чешских обществ» перешло руководство движением чехов в России. «Союз», оставленный как

---

¹ Все примечания к книге сделаны переводчиком.

орган чехов, проживавших в России, с этого времени утратил всякое значение. (См. ст. Н. Еланского «Путь Гашека к большевикам» в кн.: «Саратовский педагогический институт. Ученые записки», вып. 21, 1957).

Политкомиссар в Самаре и сотрудничество московским «Прукопником»

Стр. 22 *. Сообщение Я. Гашека о формировании интернационального отряда в Самаре за № 398 от 27 мая 1918 г. приводится в журнале «Огонек», № 17 за 1958 г. под заголовком «Ярослав Гашек в Красной Армии. К публикации документа, свидетельствующего об участии Гашека в формировании частей Красной Армии».

Стр. 27*. ...имени Яна Жижки... Ян Жижка после гибели Яна Гуса возглавил восстание чешского народа против немецкого господства над Чехией.

Стр. 27**. «Походень» (чешск.) — «Светоч» или «Факел».

Глава II. ГАШЕК В БАШКИРИИ

Стр. 32*. Статья чешского ученого З. Нееды «Из истории связей советской и чехословацкой литератур» напечатана в журнале «Новый мир», 1945, № 2—3, стр. 217—222.

Свидетельство документов

Стр. 32**. В «Ведомости о движении сотрудников, находящихся в распоряжении политического отдела» на 10 января 1919 г. указано: «Гашек. С должности — в распоряжении коменданта г. Уфы. Новое назначение — заведующий Советской типографией бывш. Яцкевича» (в ЦАКА, ф. 185, опись 2-я, архив № 131).

Стр. 33*. В № 40 «Красного стрелка» напечатано объявление о конференциях печатников военных походных типографий 5-й армии, подписанное: «Секретарь ячейки РКП(больш.) при типографии «Красный стрелок» Яр. Гашек». «Красный стрелок», № 40, II. VI. 1919).

Познакомились в революционной Уфе

Стр. 38*. Иван Ольбрахт (1882—1952) — выдающийся чехословацкий писатель, один из основоположников литературы социалистического реализма и организаторов компартии Чехословакии. На протяжении ряда лет (с 1921 г.) являлся редактором ее центрального органа газеты «Руде право». После посещения в 1920 г. Советской страны написал серию очерков «Картины современной России», в которых разоблачил буржуазную клевету. В 1921 г. И. Ольбрахт писал: «Похождения бравого солдата Швейка в мировой войне» — одна из лучших книг, когда-либо написанных в Чехии».

Стр. 38**. С Пятой красной знаменной... — с 5-й Красной Армией. Отмечая заслуги этой армии в разгроме Колчака, ее герои-

ческий боевой путь, ВЦИК вручил ей почетное Красное знамя и орден Красного Знамени. (См. ст. П. Марцинковского «Ярослав Гашек в Сибири», лит.-худ. альманах «Алтай», Барнаул, 1958, № 11.).

Как Гашек освещал в газетах фронтовую жизнь

Стр. 41—47. Автор пользовался здесь фактами из статьи С. Ганцерово «Встречи с Ярославом Гашеком», опуб. в газ. «Советская Башкирия» от 21 августа 1958 г., и из корреспонденции с С. В. Ганцеровым.

Помощь Гашека чувашским газетам

Стр. 52*. Интернациональное отделение — в ряде документов «иностранное отделение» именуется «интернациональным отделением», а также «иностранный секцией».

Письмо Гашека из Чехии в Башкирию

Стр. 56*. Липница — небольшой город на Чешско-Моравской возвышенности, где Я. Гашек провел последние годы жизни, во время болезни диктовал свой роман «Похождения бравого солдата Швейка». Здесь он и похоронен.

Совместная работа Гашека с редактором и писателем Грунтом

Стр. 58*. Колчак и Жанен...—Колчак обязан был все свои действия согласовывать с главнокомандующим интервенционистскими войсками в Западной Сибири французским генералом Жаненом. Снабжение армии Колчака, организация и обучение белогвардейцев в Сибири было возложено Антантой на английского генерала Нокса. (См. кн. Н. Ф. Кузьмина «В. И. Ленин во главе обороны Советской страны 1918—1920 гг.», М., Воениздат, 1958, стр. 179).

Гашек и вторая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции в Челябинске

Стр. 59—61. Политотдел 5-й армии переехал из Уфы в Челябинск 17 августа 1919 г. В конце августа — начале сентября Я. Гашек с должности заведующего типографией был переведен на работу в созданное тогда же интернациональное отделение. 5 сентября Гашек был назначен начальником интернационального отделения политотдела. (Н. Еланский «Ярослав Гашек в революционной России», М., Соцэкгиз, 1960, стр. 182).

Глава III. ГАШЕК В СИБИРИ

Стр. 62*. Вацлав Копецкий — деятель чехословацкого рабочего движения, член коммунистической партии Чехословакии с момента ее основания (1921 г.). С 1929 г.—член ЦК компартии Чехословакии. С 1953 г. В. Копецкий — заместитель премьер-министра.

Из Башкирии в Сибирь

Автор имеет в виду, что Гашек входил в руководящую группу уфимской организации иностранной Коммунистической партии (больш.). Комитет этой группы действовал в тесном контакте с политотделом. См. также примечание к стр. 59.

Стр. 64*. Буржуазная Чехословацкая республика была провозглашена 28 октября 1918 г.

Стр. 64**. Полностью этот документ гласит:

«Всем венгерским гражданам, проживающим в Уфимской губернии.

В Венгрии победила пролетарская революция. Вся власть в Венгрии перешла в руки рабочих и крестьян. Отныне Венгрия объявлена Советской Республикой. Она состоит в оборонительном союзе с Российской Социалистической Республикой. В силу этого союза против врагов рабочего класса объявляю всеобщую мобилизацию до сорока год(ов) всех венгерских граждан, проживающих в Уфимской губернии. Они должны записаться в трехдневный срок в Губернском Военном Комиссариате в городе Белебее. С неподчиняющимися этому приказу будет поступлено как с предателями Венгерской Социалистической Республики.

*Уполномоченный Австро-Венгерским Советом
Рабочих и Солдатских Депутатов
Я р о с л а в Г а ш е к.*

Гашек в Омске

Стр. 67. Преследуя Колчака, наши войска быстро продвигались в глубь Сибири. Вслед за ними перемещался и политотдел 5-й армии. В Омске Гашек находился с политотделом недолго — с 3 по 15 декабря 1919 г.

Жертва немецкой контрреволюции в Сибири

Стр. 74*. Гуго, — прикрикнул на денщика.. — В фельетоне Я. Гашека денщик называется то «Гансом», то «Гуго».

Стр. 75.* Это четверостишие встречается также в «Похождениях храброго солдата Швейка». Здесь оно дается в переводе Я. Гурьяна по кн. Я. Гашек «Избранное в двух томах», т. 1, «Похождения храброго солдата Швейка», части 1—2, Б-ка «Огонек», М., изд-во «Правда», 1959, стр. 89.

Глава IV. ВОКРУГ ГАШЕКА И «ШВЕЙКА»

Стр. 102*. Пепичка — уменьшительное от имени Йозеф.

Стр. 103*. «Право лиду» — ежедневная газета, орган чешской социал-демократической партии.

Стр. 107*. «Малый млынек» — дословно «малая мельница».

Стр. 108*. ...и ближней «Мысливне» — «Мысливна» по-чешски — охотничий дом, дом лесника.

Стр. 120*. ...сошлись в Модржанах... — Модржаны — городок южнее Праги.

Стр. 127*. ...свериться по словарю Отто — «Научный словарь». Отто — чешская иллюстративная энциклопедия, выпускалась издателем Отто в 1888—1908 гг.

Стр. 127**. ...Байкайлай — так называлась песня, известная в Праге еще перед первой мировой войной.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издательства	3
Вступление	5

ГЛАВА I

ГАШЕК-СОЛДАТ

Рядовой 91-го пехотного полка в Чешских Будейовицах	9
Из Тоцкого лагеря военнопленных в Киев	17
Политкомиссар в Самаре и сотрудничество с московским «Пру- копником»	19
С 5-й Красной Армией Восточного фронта до Бугульмы	28

ГЛАВА II

ГАШЕК В БАШКИРИИ

Свидетельство документов	32
Перебежчики	34
Сибирская скоропадщина	35
В мастерской контрреволюции	36
Познакомились в революционной Уфе	38
Как Гашек освещал в газетах фронтовую жизнь	41
Гашек в семье Малоярославцевых	47
Г. С. Тимофеев о Гашеке	49
Помощь Гашека чувашским газетам	52
Печатное слово — сильнее штыка	53
Письмо Гашека из Чехии в Башкирию	56
Совместная работа Гашека с редактором и писателем Грунтом	57
Гашек и вторая годовщина Великой Октябрьской социалисти- ческой революции в Челябинске	59

ГЛАВА III

ГАШЕК В СИБИРИ

Из Башкирии в Сибирь	62
Встречи Я. Гашека с Э. М. Чоппом	65
Омские добровольные дружины «святого креста»	66
Гашек в Омске	67
Работница армейской типографии А. Г. Львова-Гашекова	70

Жертва немецкой контрреволюции в Сибири	73
«Возвращение домой»	76
Переход к социалистическому строительству в Сибири	78
Дальнейшие красноярские встречи	83
В Иркутске и Забайкалье	85
Чешско-Словацкий комитет пропаганды и агитации	89
Приказ Гашека об откомандировании В. А. Бриксиуса	92
Опыт партийного и советского строительства	94

Г Л А В А IV
ВОКРУГ ГАШЕКА И «ШВЕЙКА»

О визите Гашека Ивану Ольбрахту	99
Первомайский праздник Гашека после возвращения из страны Советов	102
С Панушкой в Липнице	103
Гашек в «Малом млынке»	107
Гашек драматизирует репортаж Киша	110
В «Мысливне» при писании «Швейка»	111
Предвыборные собрания народных демократов в Липнице	114
Гашек против желивского священника	118
«Приятели» и друзья Ярослава Гашека	120
Автор на сцене	122
Последние дни Гашека	126
Примечания	129

Зденек Штястны
С Р А Ж А Ю Ш И Й С Я
Я Р О С Л А В Г А Ш Е К

Редактор *В. А. Трубицын*
Художественный редактор *А. А. Астраханцев*
Художн. к-оформитель *Г. И. Хайретдинов*
Технический редактор *Ф. Г. Гайфуллин*
Корректор *А. В. Климантова*

Сдано в набор 20. III.1961 г. Подписано к печати
2. XI. 1962 г. Формат 84×108^{1/2}. Физ. печ. л. 4,25.
Условн. печ. л. 6,97. Учет.-изд. л. 6,65. Тираж 15000
экз. П15331. Изд. № 60. Заказ № 433. Цена 20 коп.

Башкирское книжное издательство
Министерства культуры БАССР,
г. Уфа, улица Коммунистическая, 53.

Полиграфкомбинат Министерства культуры
БАССР, г. Уфа, проспект Октября, 2.

Цена 20 коп.

БАШКИРСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
УФА — 1952